

Владимир Крюков

ГОРЬКИЙ САХАР

Томск – 2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К856

Владимир Крюков

К856 Горький сахар. Повести и рассказы. Литературное приложение к журналу «Казачи за Камнем». Выпуск первый. – Томск, «Графика», 2016 – 204 с.

Повести и рассказы Владимира Викторовича внешне бесхитростны, но в них всегда видна глубина жизни простых людей, видны настоящие, а не придуманные русские характеры из таёжной глубинки. Выписаны эти характеры со знанием дела великолепным русским языком. И в этом Крюков идёт по следам своих великих предшественников и земляков – Распутина и Астафьева. Ему веришь с первого слова, потому что рассказы не придуманы, не высосаны из пальца за писательским столом. В них правда жизни. В них сама жизнь.

«Крюков Владимир Викторович – казачий полковник, почётный атаман Амурского казачьего войска, потомок амурских казаков, первыми заселявших Амур в середине XIX века. Родился в 1953 году в Хабаровском крае, прошёл трудовой путь от ученика слесаря до генерального директора. Доктор социологических наук, член-корреспондент РАЕН».

Вот, кажется, и всё, что можно сказать о состоявшемся человеке: ген. директор, доктор наук, член-корр, атаман... Но, видно, для русского человека этого мало. Ему не хватает места для выражения всего того, что в нём заложено Богом или матушкой-природой. Рядом с бизнесом, наукой и общественными делами, оказывается, есть ещё место для самого главного – для самовыражения души. Большой, чудно талантливой русской души. И Владимир Викторович в своё свободное время, которого ему так катастрофически не хватает, пишет небольшие рассказы, в которых открывается ещё один его талант, талант большого мастера и знатока русского слова. Недаром говорят, что европейцы – прагматики, а русские – пассионарии. Только у нас, в России, человек, добившийся признания в точных науках и бизнесе, может заниматься, по мнению европейцев, пустяками. Всемирно признанный химик становится известным композитором, благополучные морские офицеры объединяются в «Могучую кучку» музыкантов, артиллерийский офицер пишет «Войну и мир»... И так во всём и всегда. И в этом Владимир Викторович Крюков не одинок.

Повести и рассказы Владимира Викторовича внешне бесхитростны, но в них всегда видна глубина жизни простых людей, видны настоящие, а не придуманные русские характеры из таёжной глубинки. Выписаны эти характеры со знанием дела великолепным русским языком. И в этом Крюков идёт по следам своих великих предшественников и земляков – Распутина и Астафьева. Ему веришь с первого слова, потому что рассказы не придуманы, не высосаны из пальца за писательским столом. В них правда жизни. В них сама жизнь.

Не буду пересказывать сюжеты рассказов, их нужно читать и перечитывать. Они этого стоят.

А. Толкачёв

Содержание

Горький сахар.....	6
Сенокос на каникулах.....	53
Весенняя охота.....	79
Как мы рыбу глушили.....	87
Амурская история.....	92
С дедом на рыбалку.....	94
Гошка и Санька.....	96
Пожар на Татарском.....	99
Охотник Самоделкин.....	101
Сено.....	106
Лосёнок.....	112
Первый выстрел.....	116
Отводы.....	119
Рыбалка.....	123
Волки.....	126
Напрямки.....	129
На лабазах.....	132
Медведь.....	135
Капремонт.....	139
Драка.....	144
Штрафники.....	150
Усилитель.....	154
Таёжный пожар.....	158
Рыбачьи хлопоты.....	164
Промахнулся.....	167
Праздник в зимовье.....	174
Порыбачили.....	178
Вы у меня поспите.....	181
Директор новой школы.....	183
За тигром.....	188
Капризный мотор.....	195
Любовь на троих.....	198

*Екатерине Фёдоровне Герасименко
и детям пострадавшим в репрессиях
посвящается*

ГОРЬКИЙ САХАР

*Никто не знает наперёд,
Кого и с кем судьба сведёт.
Кто будет друг, кто будет враг,
А кто – знакомый просто так.
Кто осчастливит, кто предаст,
Кто отберёт, кто всё отдаст.
Кто пожалеет дел и слов,
А кто разделит хлеб и кров.*

Вячеслав Урюпин

Глава 1. Жизнь и война переселенца

В один из ранних вечеров наша семья собралась за большим столом в гостиной посмотреть телевизор, попить чаю и попросту поболтать. Как раз шёл фильм «Вечный зов», со сценой чаепития. Маленький внук Вовочка, увидев эту сцену, попросил:

– А я тоже хочу чай с таким сахаром, как в кино.

Интерес внука вызвал колотый сахар-рафинад. Вера, моя супруга, верный товарищ в беде и в радости, достала из каких-то своих кухонных ящичков сахар кусочками и подала на стол. Сидящая тут же недавно приехавшая из Белогорска её мама как-то оцепенело вглядывалась в сахарные кубики, и глаза её затуманились. Я было подумал, что сахар ей нужно пододвинуть, и, переместив сахарницу к ней поближе, предложил:

– Угощайтесь, наверное, это тоже напоминает вам детство.

Помолчав, она сказала, ни к кому не обращаясь, вроде как говорила сама с собой:

– Я давно не ем сахара. Была в нашей жизни история, узнав которую, я просто не могу его есть.

Фильм закончился, и я, чтобы поддержать беседу, спросил:

– Что же это за история такая, что от воспоминаний и сахар не сладок?

...История длинная, если так можно назвать – мытарская, о жизни свёкра моего, Ильи Гавриловича Герасименко, пришедшего пешком из-под Киева на приамурскую землю и поселившегося в

Белоцерковке Александровского, а сейчас Белогорского района. Илья Гаврилович успел и за Советскую власть повоевать, и семью создать, и репрессии пережить. Деда по матери, Власовы, казаки по роду, легче прошли эту долгую и тяжёлую дорогу, добрались до Тарбагатая вместе с первыми переселенцами Забайкальского казачьего войска, и ко времени революционных событий жили довольно неплохо. Деду Илье пришлось тяжело, впрочем, как и всем переселенцам того времени: война, революция, долгая дорога, опять война никак не способствовали развитию новых хозяйств крестьян-переселенцев.

Богатое Приамурье поражало обилием разнотравья, а это давало гарантию для разведения и содержания скота. Земли было вдоволь, и пришлый люд очень быстро обзаводился хозяйством. Жить можно было в хорошем достатке. Местность контролировалась амурскими казаками, и, в общем, было довольно спокойно. Казаки быстро и профессионально пресекали любые попытки китайцев или беглых каторжан совершить что-то в нарушение уже устоявшейся жизни. К прибывшим казаки относились достаточно прохладно, но неприязни не высказывали и трудягам помогали, чем могли. Не в почёте у казаков были нерадивые хозяева, которые за землёй ухаживать не могли, зато на сходах были весьма речисты и словоблудливы.

Прибывший в Белоцерковку вместе с переселенцами, Илья быстро показал своё умение и коня подковать, и сеялку отремонтировать, а уж на покосе и вовсе ему равных не было. Наделённый недюжинной силой, с косой-«десяткой» он промахивал по траве такие ряды, что хоть на тройке езжай. Всё в руках его ладилось, да и было с чего. Молодой переселенец под два метра ростом, рано привыкший к труду, обученный отцом и дедом, выходцами с Запорожской Сечи, знал цену труду и хлебу. В обозе, с которым прибыл Илья, народец был разный. Были и трудяги, навроде Ильи, а были и хитрецы-лежебоки, мечтавшие разбогатеть в богатых землях на дармовщинку. А земля – это в первую очередь тяжёлый труд, и кто, как не хлебороб, знает цену этому труду, отбирает по зёрнышку семена и без устали молит Бога с надеждой на урожай. Вот и Илья пронёс с собой через тяжкие испытания несколько горстей пшеницы да икону Николая Чудотворца, которую мать засунула в дорожную котомку, благосло-

вив в дорогу, нескончаемую любовь к Земле-Матушке да письмо от родителей к дальним родственникам, что перебрались в Приамурский край ещё до революции. Место для жизни и хозяйствования, которое выбрали родственники, называлось Александровской Падью, было богато разнотравьем и березняками. В изобилии водились здесь дикие козули, фазаны, кабаны, росли грибы да ягоды, жаль только, дорог не было, и назвали первые поселенцы облюбованное место Бездорожным. Прибывшим с Украины переселенцам название не понравилось, и после недолгих споров они переименовали село по подобию родного на Киевщине – Белоцерковка. По правде сказать, место они сами и не выбирали, просто обоз переселенцев вышел за Александровск и остановился в ожидании чиновника по приёму переселенцев. Когда тот приехал, то добиться от него чего-нибудь разумительного не удалось.

– Везде здесь можно жить, – сказал чиновник. – Давайте сделаем так: ваш обоз идёт весь день по направлению Благовещенска, а там хотите – влево, хотите – вправо, селитесь, где Господь подскажет.

Вот так пройдя обозом весь день, переселенцы начали осматривать местность, и с левой стороны увидели небольшое возвышение, сплошь поросшее берёзами. Правее просматривалось понижение, поросшее орешником, боярышником, шиповником и голубицей. К тому же всё указывало, что места здесь грибные, посоветовавшись, решили остановиться. От добра, как говорят, добра не ищут. Наскоро сооружали землянки, корчевали лес, из берёзы строили дома, покрывая их берестой и дранкой. Пока разрабатывали землю, жили охотой и рыбалкой. Женщины собирали грибы, ягоды: землянику, черёмуху, боярышник, смородину, калину, орехи. Сажали огороды, где прекрасно вызревали овощи и картофель. Вот в таком далёком благодатном месте и предстояло обживаться молодому переселенцу.

Дело было весной, и буйное цветение черёмухи, боярышника, шиповника да яблонь-дичек так напоминало оставленную за многие тысячи километров родную Малороссию. Время горячее – посевная, а тут пришлось бегать по землемерам и нарезать участки земли. Хозяйственного инвентаря никакого, кроме больших, в народе говорят: «как грабли», больших натруженных рук.

Благо хоть немного помогли казаки. За чисто символическую плату вспахали небольшой участок земли.

Помог и Илья казаку Фёдору, старшему казачьего разезда, когда у того расковался конь. Обученный с детства всем премудростям подковки лошадей, Илья быстро зачистил копыто, срезал ороговевшие края и посадил разболтавшуюся подкову на гвозди-ухнали.

– Хорошая работа! – сказал старший. – Не из казаков сам?

– Деды с Запорожской Сечи, – сказал Илья.

– То-то и видно, наш брат казак. А чего не к нам? Нам хорошие казаки надобны, опять же и земли у нас поболее, и помощь окажем.

– Нет, – ответил Илья. – Не могу, невеста у меня тут, вместе с Киевщины пришли, жениться надумал.

– Жаль, – сказал старший, – время лихое наступает, не до женитьбы сейчас, как бы головы уберечь. Давай говори, чем тебе помочь, а то нам к вечеру на стан надо вернуться, в поход собираемся. Сказывают, атаман Семёнов большую силу собрал супротив большевиков. Знать, и нам пора в поход.

Не спросил тогда Илья, за атамана Семёнова пойдут казаки или против, а зря – время действительно было сумасшедшее. Как и на далёкой родине, замельтешили белые, красные, японцы, американцы, латыши, чехи, китайцы... и кого только не носил Господь по землям Приамурья в борьбе за власть. За эту самую власть обещали её представители богатства несметные, райские кущи да бескрайние земли. Прямо на хлеб можно было укладывать эти обещания, до того вкусно и смачно обещали. И уходили молодые и пожилые мужики да казаки на войну, где каждый хотел свою райскую долю поймать. Кто идеей проникся, кто интерес имел. Война же и не думала выделять тех или других, а попросту укладывала вчерашних пахарей навечно в сырую землю, а кому ещё страшней – руки, ноги отрывала. Тысячи тонн металла, начинённые взрывчаткой, без жалости рвали человеческие тела. Война, как известно, – это два передних края, две идеи, две правды, и самому Господу не дано определить, чья правда самая правдивая, самая справедливая. Убийство людей никогда не будет оправдано, кто бы и как бы ни пытался это сделать и под какую правду подвести.

Лето 1920 года для многих стало моментом истины, выбором своей дороги жизни. У многих этот выбор закончился в первом бою. Кому-то повезло больше, хотя бы тем, что живы остались, пообтёрлись, пороху понюхали. Люди привыкают к войне, наверное, даже тупеют.

После боя, когда вокруг с десятков убитых, кровь, грязь, кровавые бинты и оторванные конечности, вдруг расхохочется солдат, завидев в соседнем окопе сельчанина, у которого от долгой стрельбы затынуло пороховой гарью половину лица: ну клоун, язвы его... И в хохот. До нервной икоты, пока не дойдёт до сознания, что вокруг него не обещанные райские кущи, а жуткие, опустошающие картины смерти, и потянется рука солдата к фляжке со спиртом, и тогда каждый обжигающий глоток спирта начнёт туманить этот ужас.

В мае начались переговоры с японцами о выводе войск из Забайкалья и районов, контролируемых Временным правительством Дальневосточной Республики. Переговоры прошли успешно, и японцы начали выводить войска, а правительство ДВР развернуло Амурский фронт на Читу. Боевые действия вроде как отошли от Амурской области, а вот разговоры о страшных боях и потерях не утихали и, обрастая домыслами, кочевали из избы в избы. Недавно произошедшие Павловский и Бочкарёвский бои, унёсшие сотни убитых и раненых, ещё оплакивались близкими, а уже начал формироваться командующим С. М. Серышевым Амурский фронт, где из партизан и местных жителей создавались первая и вторая стрелковые дивизии.

Далёкий от желания вершить мировую революцию, весь в мечтах о будущем доме, Илья каждую свободную минутку хворостинной рисовал на песке свой дом. Свой, где будет большая печь, где будет много места и для него с женой, и для будущих ребятшек, и где можно будет в праздники встретить гостей. Каждый человек обустроивает своё жилище со смыслом, ведь дом – это его внутренний мир, в котором каждая деталь характеризует хозяина. Печи, как и красный угол с иконами, не строились абы как. Во всё это вкладывается глубокий смысл. Закончив полевые дела и сделав разметку дома, Илья принялся изыскивать возможность закупа и подвоза строительных материалов. У него были неболь-

шие сбережения из заработанных по дороге и оставшихся от переселенческой ссуды, но этого было мало, и решил Илья идти внаём. Работники требовались везде, рабочих рук не хватало, и за сезон можно было заработать немалые деньги, которых могло хватить на полное обустройство. Ситуация была благоприятная, правительство ДВР усиленно начало заниматься укреплением народного хозяйства, в Бочкарёвке началось строительство мукомольного завода. В общем, работа была на выбор, и Илья решил идти в Бочкарёвку, где на предприятиях устанавливалась твёрдая зарплата. На строительстве завода, куда он поступил, работа шла в две смены, и обладавший отменным здоровьем Илья работал в двух сменах. Первая же зарплата приятно удивила, и Илья, наняв подводу и загрузив её стройматериалами, поехал в Белоцерковку. Выехали вечером, и в вечерней тишине отчётливо слышались орудийные выстрелы; сколько Илья ни прислушивался, так и не смог определить, с какой стороны доносятся звуки. Уже почти в полной темноте навстречу проскакали два десятка вооружённых всадников.

– Не к добру, – сказал возница. – Знать, опять или японцы, или белые зашевелились, наверное, опять придётся шинелку одевать.

Уже утром Илья, окунувшийся с головой в хозяйские заботы и подготовку к строительству дома, внезапно был вызван в недавно созданный Совет крестьянских депутатов, где ему с порога предложили вступить в красногвардейский партизанский отряд, что базировался в Бочкарёвке и Александровском, и повоевать за освобождение крестьянства от помещиков, эксплуататоров и мироедов. Илье ну никак не хотелось идти воевать за мифическое освобождение. У него уже был довольно приличный надел земли, участок под строительство дома, да и невеста Мотя поселилась на соседней улице. К осени собрали бы урожай, да, как водится, за свадебку.

Да и не за тем Илья ушёл из родных мест, насмотревшись на «освободителей» всех мастей и народов, после которых не успевали зарастать травой ровные ряды могил на погосте. Думы его изворотливые разом прервали, пригрозив, что если он не «проникнется текущим моментом», то его враз определят в расход, как пособника белой сволочи.

– Какого пособника? – возмутился было Илья, но председатель Совдепа, плюгавый мужичонка из местных пьяниц, выскочил из-за стола и заорал, размахивая немощными ручонками:

– Я тебе, гиря здоровая, враз укорот сделаю, думаешь, я не знаю, кто тебе пашню подымал?

Глянул на него Илья – грозен, подлюга, соплей перешибить можно, а поди ж ты – власть, и заверил:

– Да я чего, я согласный, я как все.

Народец вокруг захихикал, угодливо улыбаясь председателю.

– Эвон как его выстроил, бугая, как есть «Гиря».

Так и прозвали с того времени Илью «Гирей», правда, больше за спиной: прямо сказать побаивались, а многие попросту уважали парня за любовь к труду да безотказность.

Получив напутствие, что взять с собой в дорогу, Илья вышел из избы Совдепа. Собраться-то недолго, бедному собраться – подпоясаться, а вот как сказать Моте, что вместо ожидаемой свадьбы их ждёт злая разлука? Загруженный такими мыслями, направился Илья к дому Казекиных, на ходу сочиняя, что сказать.

Вот только придумывать ничего не пришлось, отец Моти встретил его у ворот со словами:

– Знаю. Что ж, знать, не судьба в этом годе свадьбу играть. Будем надеяться, Господь милостив.

Выбежала со слезами на глазах Мотя и, не стесняясь отца, кинулась к Илье.

– Будя! – предупредил отец. – Не начудите, не ровён час, убьют – что делать будешь? А потому прощайтесь здесь, дай парню с мыслями собраться, чай, не на гулянку идёт. А вернёшься – милости прошу, по сердцу ты нам.

Быстрые объятия, прощание, как во сне, и вот Илья уже в строю, с десятком таких же новобранцев, двинулся в Бочкарёвку, где находился штаб отряда, на пополнение безропотной массы сырья, ненасытной топки Гражданской войны.

Узловая станция Бочкарёвка, построенная впритык к селу Александровскому, шумела от прибывающего мобилизованного люда и военспецов, комплектовавших Амурский фронт. Илья поначалу, встретив сельчан, прибил к партизанам, но уже на первом смотре был отобран в Амурский особый полк и одним из пер-

вых эшелонов отправлен на краткосрочные курсы обучения под Читю. Казалось бы, необъятен Дальний Восток, можно месяц идти, не встретив ни одного человека, а вот Илье повезло. По прибытии на место Амурский особый полк выгрузился из вагонов и походным порядком отправился в казармы, на размещение. Вот здесь Илью и ждала неожиданная встреча. Встречал взвод Ильи его старый знакомец, старший казачьего разъезда Фёдор. После суматохи размещения Фёдор подошёл к Илье, и у них завязался разговор.

– Ты-то каким путём здесь, казаки вроде с Семёновым, супротив большевиков воюют? – спросил Ильи.

– Воюют, да не все, я, брат, на германском фронте почитай два года воевал, домой вернулся – а в хозяйстве разруха. Был и с Семёновым, да только как тот ушёл за границу, я к дому подался. Немного хозяйство подладил, а тут и призвали – как спеца, для обучения новобранцев. Сейчас без навыка не навоюешь, почти во всех частях и у белых, и у красных – фронтовики. Их криком не возьмёшь, сноровка нужна.

Может, потому и выбрался Ильи из вихря Гражданской войны живым, что дал Фёдор тогда новобранцам хорошую воинскую выучку, научил в бою чувствовать товарища и видеть поле боя. Ой как пригодилась наука товарища дорогого, Фёдора.

Наступление началось 5 февраля 1922 года, когда 2-й стрелковый полк Читинской группы нанёс удар по станции Ольгохта и овладел ею. Закрепившиеся красногвардейцы отбили наступление белых и дали возможность для развёртывания Инской группы. Конечно, Ильи не знал тех глобальных планов и действий; первый же бой показал, насколько неординарно ведут себя люди на войне. Первые убитые и раненые, кровь, бинты, беспомощность и неумение – всё оголяется в первом бою. Всё сильнее прижимавшие морозы сразу приоткрыли все прорехи в обмундировании, и бойцы, имеющие полушубки, чувствовали себя неизмеримо лучше. В первом бою было немного раненых, и их вовремя сумели вывезти, что их и спасло. Забайкальская группа уже 9 февраля вышла из Ольгохты в обход позиций белогвардейцев на Верхнеспасское, а Инская группа двинулась в обход сопки Лумку-Корань. Фёдор, видевший обмундирование Инской группы и направление их движения, стоял и шептал молитву, украдкой крестясь.

– Ты чего? – спросил Илья.

– А ты, паря, не видишь? Тебе коротко или длинно пояснить? – угрюмо буркнул Фёдор. – Видишь, дымка садится от мороза, знать, ещё сильнее придавит. А сопка, как муравейник, окопами изрыта. Если наши на неё в лобовую пойдут «за власть советов», то на хрен им та власть будет, потому как не увидят они уже никакой власти, кроме Господней.

Как много ни хвалили советские историки военный гений Блюхера, только погнать людей на три ряда заграждений с винтовками против пулемётов в минус 35 градусов по Цельсию, да на господствующую высоту – это «полный компресс», как говорил герой знаменитого фильма о Гражданской войне. Кровожадность красных комиссаров, играющих везде главенствующую роль, перешла границы человеческого разума.

Инская группа, не дождавшись подхода артиллерии, под шквальным огнём пулемётов в пешем строю пошла в наступление, вручную рубя колючую проволоку и пытаясь войти в прорыв, но не смогла сделать этого и, потеряв почти половину тысячи бойцов, откатилась назад.

Быстро смеркалось. Раненые, как могли, перевязывали себя сами. Ослабшие от потери крови замерзали. Мороз не щадил никого: ни бойцов за мировую революцию, ни сторонников монархии. При выглянувшей луне кто пытался ползти, кто – стянуть шинель с убитого товарища, и замерзал с застывшими окровавленными руками на пуговицах чужой одежды. Трупы лежали в самых странных позах, с не закрытыми, удивлёнными глазами. Остановленные страшными ударами смерти, ещё недавно живые люди перекручивались в какой-то неестественный клубок, покрывающий склон сопки. Здесь можно было увидеть и солдата с вывернутыми кишками, которые он перед смертью пытался засунуть на место, и партизана, ставшего на колени для броска гранаты, да так и застывшего с гранатой в руке. По темноте в низинке уже наложили штабель из мёрзлых тел, от них шлейфами торчали бинты, которые они не смогли домотать на свои раны и замёрзли в этом свинцово-морозном аду. Не видно было комиссаров. Они, подлюги, в тёплых землянках, вырытых руками солдат из этого штабеля, за их упокой выпивали. Дело своё сделали, можно и выпить.

В тот же день забайкальская группа заняла Верхнеспасское, а на следующий день Нижнеспасское, разгромив группу генерала Никитина, начала продвижение на Казакевичево, отрезая белых от Хабаровска.

Среди однополчан Ильи тоже были убитые и раненые, но эти схватки были больше локальными и не такими кровавыми. Когда известия о бое в Волочаевке докатились до них, он сказал Фёдору:

– Да, прав ты оказался, столько людей положили, и всё без толку. Не сегодня-завтра ещё больше положат. Сгонят партизан, и все, какие есть войска в округе, до кучи, и вперёд – кровушку рекой пуцать с русского человека.

Сворачивая самокрутку, Фёдор ответил:

– Она, паря, та сопка, сейчас и на хрен никому не нужна. Обогни её и возьми Хабаровск, белые сами оттуда уйдут. Откуда им снабжение брать? Но эти твари в лоб пойдут, чтобы геройские отписки в Москву строчить, больно уж у них «главнюк» кровушку любит. Помню, когда Семёнов своё первое войско собрал, он в бой не рвался, а начал строить работу Учредительного собрания, власть восстанавливать, и подошедшие войска Лазо не задирали. Так Лазо, глядя на это, предложил все вопросы порешать миром, для сохранны населения, а то, мол, таких делов натворим. Он тогда ещё не озверевший от крови был, и договорился о встрече с Семёновым. Так что началось? Комиссары этого Лазо чуть не арестовали, в Москву сообщили и, накрутив его, в бой заставили все части бросить. Волкам потом в лесах на полгода корму было от пуза, а могли всё миром решить. Сейчас и подавно не будут солдата беречь, чем больше их погибнет, тем больше почестей комиссарам. Только ты слова мои пойми правильно, и – боже упаси! – не говори на эту тему ни с кем более. Лучше слушай молча, а то сейчас за невпазд сказанное слово загреметь можно, сам понимаешь куда.

К вечеру одиннадцатого февраля к станции Волочаевка подошли бронепоезда Красной Армии, и утром двенадцатого началось решительное наступление. Всё, что можно было собрать, было брошено в бой. Двукратное превосходство в живой силе, бронепоезда и артиллерия сделали своё дело: Сопка Июнь-Корань была взята. Решительный штурм, унёсший более двух тысяч убитых и раненых с обеих сторон, закончился победой красногвардейцев.

Ту картину «победы» можно было сделать главной во всех военных учебниках и для всех правителей мира, с напоминанием и вопросом: «Что ж вы, суки, творите?».

Конечно, самое страшное увидели люди весной, когда сплошь и рядом, а в иных местах ярусами, стали вытаивать трупы, изначально присыпанные где снегом, где землёй от разрывов снарядов. Тогда сопки были голыми, только поросли негустым кустарником, и всё было чёрным и неразличимым от взрывов. Местами наверху просматривались погибшие в рукопашной схватке бойцы, смёрзшиеся от мороза в неопишную смертельную панораму последних минут. Здесь и впившийся зубами в горло врага солдат, сам проткнутый кинжалом, застыли вместе. И замерший в крике боец, прибитый штыком к мёрзлой земле, и сцепившиеся в последней схватке русские люди – с невыносимыми гримасами смерти, порванные гранатами и застреленные в упор из наганов, резанные и колотые штыками и кинжалами. Русские люди. За что? За идею? Где же она, эта высшая мировая идея, унёсшая миллионы ни в чём не повинных людей, сотни тысяч сделавшая изгоями? На мемориальном вокзале в селе Волочаевка стены украшены зверями с человеческим обликом комиссаров и командиров Красной Армии, которые, бросив не захороненными сотни солдат, двинулись победным шествием к Тихому океану.

А тем временем белая армия организованно отходила на Хабаровск, который оставила 14 февраля, то есть через два дня после безумного штурма, и начала готовить второй рубеж обороны в районе станиц Бикинской и Васильевки, где отгребели одни из последних боёв братоубийственной Гражданской войны. Здесь боевые столкновения носили больше партизанский характер, и до сих пор по сопкам не найдены десятки могил убитых казаков и крестьян. Сам оборонительный рубеж забайкальская бригада атаковала сходу, но, встретив ожесточённое сопротивление, с потерями отошла. На другой день, подождав, пока подойдут значительные подкрепления, красногвардейцы вновь атаковали позиции белой армии. На это раз успешно, но опять же с большими потерями.

На станции Бикин стояло три бронепоезда белых, и Забайкальская группа пыталась пробиться к вокзалу и захватить его. Бой был настолько кровопролитным, что санитары не успевали

выносить и перевязывать раненых. Вот здесь надолго и разошлись пути солдата-переселенца Ильи Герасименко и тарбагатайского казака Фёдора Власова.

А случилось это так.

Часть, в которой были наши знакомцы, наступала вдоль полотна железной дороги – место это низменное, недаром китайцы называют «Бикин-Яма», и насквозь простреливаемое. Укрыться негде, а с бронепоезда лупили будь здоров, только успевай голову прятать. Тут и клюнула Илью пуля. Вроде и не сильно, в правое плечо так аккуратно вошла, кость не раздробила а по мышце насквозь. Не почувствовал Илья сначала боли, только удар и онемение – силы куда-то делись. Затвор не смог передёрнуть, глядь – а плечо всё в крови. Вскоре и санитары подоспели, вынесли из-под огня.

Всё-таки это был счастливый случай, кто ж его знает, чем мог закончиться далёкий поход к Тихому и Великому океану. А здесь Илью заштопали, и на другой день он уже покачивался в вагоне санитарного поезда на Хабаровск, в госпиталь. Молодость и здоровье – хорошее подспорье в залечивании ран. Вот и на Илье застарело, как говорится, «как на собаке», одно тревожило: война на востоке продолжалась. Стоял вопрос, что с рукой, как она себя поведёт. Вроде и зажила, а онемение не проходит.

Раздумья прервали врачи:

– Езжай, мил человек, в отпуск, сухожилие у тебя затронуто, какой из тебя стрелок. Вот через полгода перекомиссия, а там и посмотрим. Пока для службы ты не годен.

И рад, и не рад был Илья. Рад, что скоро увидит любимую, не рад, что дома-то ещё нет – строить надо.

– Ладно, приеду в Белоцерковку – там и видно будет, с чего радоваться, а по чему плакать, – решил он.

С тем и поехал Илья в ставшее родным ему новое село.

Глава 2. Коллективизация

Путь домой был значительно быстрее, чем путь на войну. Из Хабаровска до узловой станции Бочкарёвка поезд с многочисленными остановками добирался чуть более суток. Всё это время Илья следил за железнодорожной насыпью, иногда узна-

вая места недавних боёв и движения войск по шоссейной дороге, пролегающей вдоль железнодорожного полотна. Вот неспешно проплыли места волочаевских боёв, при воспоминании о которых кровь стыла в жилах. Молчаливо вздымалась над станцией сопка Июнь-Корань. Теперь она не представляла такого грозного вида: не были видны полосы траншей и ряды колючей проволоки, а вроде как вчера это было: взрывы, гарь, чёрный снег, и по всему этому, как россыпи мёрзлой клюквы на снегу, – ярко-красная кровь.

На станцию Бочкарёвка поезд прибыл поутру. Собрав вещмешок, Илья направился к военкомату, где после недолгих расспросов получил справку для местной власти, кто он и что он. Дел в Бочкарёвке не предвиделось, и Илья подался к базару, надеясь найти попутчика из Белоцерковки, да в лучшем случае добраться до дому на подводе. Ему сразу и повезло, и не повезло. Повезло, что случилась попутная телега, а не повезло, что управлял ей комбедовский знакомец, давший Илье кличку «Гиря». Но деваться было некуда, не топтать же грязь разбитыми сапогами более двадцати километров. По пути мало-помалу разговорились. Комбедовец явно заискивал: наедине с красноармейцем под два метра ростом, на которого по-хамски разорался при первой встрече, при отправке на фронт... Болтал комбедовец без умолку, рассказал все деревенские сплетни: кто с кем переспал, у кого сколько самогона, кто с войны не вернулся, а кто попросту спился, не сумев взять себя в руки после войны. Война – она, конечно, не кончилась, да уж край её проглядывается. Сказывают, стягивают белые последние силы под Спасск-Дальний. Вот бы там и закончить, чтобы народ на землю вернулся, а то пахать-то и некому. Посевная прошла, да не так, как хотелось бы.

Илья сквозь дремоту слушал болтливую попутчика, про невесту свою Матрёну да Казекиных спросить не решался, но тут попутчик, словно угадав мысли Ильи, сам начал рассказывать про Матрёну, какая ладная да добрая девка уродилась. Опять же – верная, с кем встретиться – ни-ни, его, Илью, значит, дожидается. Сколько разов его, председателя комбедовского, пыталась: когда же эта проклятущая война кончится, когда же солдаты домой вернуться. Это она, конечно, про Илью узнавала.

Радостно стало на душе у Ильи, ноги сами норовят с телеги спрыгнуть да побежать к любимой. Так и сделал: не доехав до сворота с тракта, решил срезать угол и напрямик двинул в Белоцерковку. За час дошёл, солдатские ноги привыкли дорожные вёрсты мерить, а тут осталось всего ничего. Дело было к вечеру, и Илья сразу направился к Казекиным.

Едва он вошёл во двор, как попал в объятия Моти. Слезы, смех, вопросы – всё сразу осыпало Илью, и неизвестно, сколько бы продолжалось, если бы отец Моти Иван не остановил эти причитания. Со словами: «Ну, здравствуй, Илья, с прибытием!» обнял его за плечи и повёл в избу. Иван был мужик молчаливый, немногословный, говорил всегда исключительно только по существу. Всё это, как понял потом Илья, было привито традициями жизни, невзгодами да вечной боязнью сболтнуть чего-нибудь лишнего. Слово не воробей, а вот сказав его, где окажешься? В семье же Иван был общительным и добрым, шутил, правда, редко, да и было бы с чего. Порасспросив Илью о службе и боях, Иван в ответ начал рассказ о сельском житье-бытье, иногда дополняемый женщинами. Дальневосточная Республика была упразднена и подчинена РСФСР. В этом, 1923 году проводилась большая предвыборная компания, а сейчас идут выборы в сельские советы, в наш Белоцерковский совет пытается пролезть комбедовец Смоляк, хитрющий и вредный мужичонка с большими амбициями, как сказал Иван:

– Этот и маму родную продаст, но своего добьётся. Ты, Илья, с ним поосторожней!

– С чего это? – спросил Илья.

– Да видишь, они к власти добрались, так под видом принятия во власть преданных работников подтянули подхалимов и родственников, и создали группу содействия Советской власти. Сам Смоляк в церкву не ходил, иудейского сословия, вот тут и выбился, как же – атеист, противник тёмного прошлого. Да они и сейчас сплошь комиссары да советчики.

– Откуда столь набралось? – жаловался Иван. – И все, понимаешь, угрожают разборками по законам военного времени. А какие у военного времени разборки? Ясно, к стенке – и весь разговор.

Илье-то, конечно, желательно подальше от этих дел, подлечиться, да хотя бы мазанку построить. С раненой рукой не до

дома сейчас, будет здоровье – будет и дом. Так за разговорами пришла ночь, и Иван отвёл Илью на сеновал на ночлег. С Мотей так толком и не переговорил, одно грело – успел спросить:

– Ждала?

И жаркий шёпот в ответ:

– Да, да, да...

Утром Илья встал рано и ушёл на своё подворье, нашёл в схоронке инструмент и принялся махать косой, окашивать подворье. Лето, трава только что сок набрала, и после косы падала ровными рядами, издавая незабываемый духмяный запах свежей кошенины. Обкосив двор, Илья отправился к бывшему комбеду, а теперь сельскому совету, сообщить о прибытии да узнать о продналогах, о которых усиленно ходили неприятные слухи да сплетни. Может, ему как раненному красноармейцу какая поблажка положена?

На подходе увидел сидящих на завалинке и лузгающих семечки местных недорослей, полусонных парней-бугаёв, числящихся местными «активистами». Вчера Илья уже наслушался про них, и уже имел к ним своё отношение, хорошим которое даже с натяжкой назвать нельзя было. «Активисты» больше занимались пакостями неугодным и непослушным, могли и подпалить. Их побаивались. Кому пожалуешься? Управы против них нет, они – председатели. Что интересно, до сегодняшних дней осталась эта чиновничье-подхалимская власть. Подойдя к избе сельсовета, Илья поздоровался со всеми и хотел было пройти, но его тормознули громким окриком:

– Ты чего, паря, неуважение народу оказываешь? Не поручался, не проставился, и сразу к председателю. Так недолго и по мусалу схлопотать.

Говоривший сидел ближе всех к двери и поднялся навстречу Илье.

– А у меня ни к тебе, ни к вам разговору нет, – сказал Илья и попытался обойти «активиста», но тот ухватил его за руку. То, что был соперник одного роста с Ильёй, никак его не впечатлило, а вот то, что схватил за большую руку...

– Ну, это ты зря...

Илья в доли секунды крутнулся на месте, и его тяжёлый кулак врезался в лицо обидчика.

Не зря Илью прозвали «Гирей». Пролетев метров пять по воздуху и сделав пару кульбитов, парень сел на задницу, руки безвольно обвисли, ноги шпагатом, голова поникла.

– Ни хрена себе! – зашептались на завалинке готовые к бегству «активисты», но тут на крыльцо выскочил тот самый плюгавенький попутчик Смоляк, а ныне председатель сельского совета, и с нервным смешком засловоблудил:

– Ну, чего здесь? А... это мой дружбан Илья прибыл? Заходи, паря, давно жду тебя!

Вот так враз Илья стал «дружбаном» у самого Смоляка, человека неадекватного и подлого, как и весь его род. Первым предложением, которое поступило Илье от председателя, – это возглавить активистов. И стоило немало труда отговориться тем, что находится на лечении в отпуске, так как задето сухожилие правого предплечья, а стоит на учёте как красноармеец Амурского особого полка.

– Вот как подлечусь, тогда пожалуйста, а сейчас хочу пригласить в воскресенье всё честное население на «помóчь», – ответил Илья.

Хорошее это было раньше дело – «помóчь». Собирались все свободные мужики и бабы, да помолясь, а в советское время и без этого, принимались за большую работу, ту, которую один крестьянин не смог бы сделать при всём своём желании. А желание у Ильи было одно: построить дом. Сейчас – хотя бы мазанку, но чтобы было своё жильё.

В воскресенье собрался народ, пожалуй, не менее 50 человек, среди них и те, кто Илью вовсе и не знал, но на «помóчь» шли все, кто мог. Ведь завтра у любого могла возникнуть такая необходимость. Пока мужики рубили и возили не успевшую затвердеть талу на плетение стен, бабы насобирали по селу кто что мог из продуктов. Дело нашлось всем, работали дружно и слаженно. Как говорят русские мужики – глаза боятся, а руки делают. Наскоро пообедав, принялись крепить между собой плетёные стены и обмазывать их толстым слоем специально замешиваемой глины. Вроде несерьёзное жильё получается, из сказки «Три поросёнка», а ведь жила треть Амурской области в таих вот мазанках, почитай, до самого брежневского правления, без малого по 50 лет стояли такие глиняные с

глиняным же полом дома. Как говорят сейчас, «под ключ» дом не сдали, но основную работу сделали – без отделки дом был готов, а вечером гулянка-застолье, куда приглашали всех. Вот здесь представлялся хозяин, так что пришлось скупить Илье весь сельский самогон. За тяготами Гражданской войны люди забыли про веселье, и гулянка начиналась как-то робко, но вскоре, подогревшись самогоном, народ загомонил, запела гармонь, и вот уже заиграли плавные и певучие украинские песни, медленные сказы да залихватские частушки. Неописуема сельская гулянка – это надо видеть.

Отгуляв «помóчь», принялись Илья и Мотя, теперь уже вместе, за выравнивание жидкой глиной стен и полов, а затем побелку: черновую, серую и чистую. После того, как Илья приспособил наличники на окна и покрасил их, домик и впрямь стал похож на сказочный теремок – заходи и живи. Илья и Мотя ещё не были расписаны, не играли свадьбу, а потому боялись пересудов и ждали отведённого для свадеб осеннего времени. Приходилось думать и о пропитании, благо у Ильи сохранился небольшой запас денег за время службы. Зная предстоящие расходы, он берёт каждую копейку, махоркой и то не баловался. Кормили неплохо огороды. Песчаная земля Приамурья хорошо родила овощи, бахчевые, картофель. После уборки урожая решили сыграть скромную свадьбу, расписали по дням, когда и что делать. Первого октября Илье нужно было проходить комиссию на пригодность к службе, а свадьбу решили сыграть 10 октября, несмотря на то, что Илью опять могли забрать в полк. В общем, ожидания, кроме свадьбы, были не из приятных. Тем более, что если Приамурье выживало на своих продуктах, то в Центральной России уже два года свирепствовал голод.

К первому октября Илья уже был в Александровском, где находились административные здания и всевозможные службы. Комиссию пройти оказалось не сложно и не долго. После прохождения председатель комиссии сказал Илье:

– Ну-с, молодой человек, рука ваша на удивление радуется, сухожилие, от которого можно было ожидать неприятностей, хорошо разработалось и не потеряло своих функций. Если нет никаких смягчающих обстоятельств, можно возвращаться в полк для прохождения службы, а впрочем, как решат в военном комиссариате.

Илья, услышав про «смягчающие», быстро выпалил:

– Товарищ доктор, свадьба у меня на десятое намечена, – и замолчал, перехватило дыхание.

Доктор задумался:

– Да-с, жизнь продолжается, а выпишу я вам, молодой человек, окончательное заключение комиссии на 20 октября, а пока доверяйте свои счастливые дела. Удачи вам! Сказал бы – с Богом, да, видите, времена другие. Так жду вас двадцатого.

Заикающийся от переполненных чувств Илья не знал, как благодарить доктора, и топтался у порога, пока тот не погнал его:

– Идите, идите, не задерживайте больных, у меня же очередь.

Как в угаре, пробежал Илья все дни перед свадьбой, которую скромно сыграли, а проще – отметили близкие и двое-трое знакомых. Но не это важно. Важно, что они теперь вместе, важно, что все живы и здоровы. Одно омрачало – перекомиссия, но и тут Илье повезло. В самом конце свадьбы завалился неожиданный гость Смоляк, и с порога завёл речь:

– Прошу уважаемую публику налить и поднять стаканы за доблестную Красную Армию, которая вчера взяла последний рубеж обороны белых – Спасск.

Это означало только одно: конец Гражданской войне, конец страшным событиям, перевернувшим всё с ног на голову. Это было двойное счастье, и вскоре Илью, прибывшего на перекомиссию, отправили в запас на гражданскую жизнь. В оставшихся частях хватало и здоровых красноармейцев. Страна становилась на мирный путь.

Прежде чем уехать домой, Илья заглянул на базар – нужно было прикупить кое-чего по мелочам, – и был поражён, увидев почти пустой базар.

Подойдя к ближайшему ряду, спросил:

– А куда народ подевался? Самое торговое время.

– Да какое торговое! Налоги вдвое увеличили, неужто не слышал? А поговаривают – кто не сдаст налоговые поставки, тех специальные продовольственные отряды в чувства приводить будут. Чует моё сердце беду.

Все шёпотом материли Советскую безбожную власть, доведшую народ до нищеты. Много нового услышал Илья, только не

хотелось в плохое верить. С такими тревожными мыслями он направился домой. В Белоцерковке напрямик пошёл к тестю, где ожидала его Матрёна, и поведал об услышанном.

– Дак всё верно, – подтвердил Иван, – как ввели единый сельхозналог, так крестьянину хоть в гроб ложись.

Интересно, что налоги циклично делают едиными, вот уже почти сто лет, и каждый раз становится хуже. Проклятая Богомать «смоляков» никак не хочет хорошей жизни русскому народу.

Новая система налогообложения неподъёмной тяжестью легла на плечи крестьян.

Крестьяне, как могли, изворачивались и пытались уйти от налогов. Кто-то пытался быстрее скинуть урожай, но тем пришлось ещё хуже, кто-то вовсе бросал хозяйство и перебирался на стройки города, кто-то прятал зерно с надеждой на лучшие времена. И хотя молодожёнов это не зацепляло – Илья всё лето числился «по ранению», – их постоянно преследовало чувство тревоги, чувство нерадостной неизвестности, так что «Заведу голубей, и с тобой, и с любовью посажу я сирень под окном» – было явно не для них. Подготавливая свою мазанку к зиме, Илья и Матрёна как могли, украсили её: побелили стены, покрасили обналичку. Илья с помощью тестя Ивана пристроил сенцы и навес под дрова. Зимы здесь суровые, благо, ветра сильно не донимают, но морозы иной раз под минус сорок градусов стоят.

Мотя усиленно занималась подготовкой к первой совместной зиме, в основном налегая на заготовку продуктов. Приходилось многому учиться: как рыбку присолить, как грибы заготавливать да ягоды вовремя набрать. Привычным селянам дело не сложное, а поди ж ты, сколько чудесных блюд можно наготовить из грибов: и посолить, и замариновать, и посушить, а с груздями вовсе морока – и вымочить их, и смывать, и солить по старинным рецептам. Зато у хорошей хозяйки в Приамурье всегда найдётся чем мужа порадовать, гостей встретить и стол накрыть. Так в хлопотах и заготовках отошла осень. Илья, от рождения немногословный, словно предчувствуя, что недовольство крестьян-земледельцев просто так не закончится, и вовсе старался ни с кем не общаться, даже на заигрывания Смоляка не откликался. Сколько тот ни звал его в «активисты», Илья сразу сказывался больным: «Куды ж

я с простреленным сухожилием, рука-то толком не работает, как есть калека», – жаловался он. Рука давно перестала болеть, молодой организм быстро восстановился, но лезть в дела «активистов», большая часть которых была просто болтунами и тунеядцами, не хотелось до зубного скрежета.

– Не по-людски живут, – говорил он Моте. – Откуда эта нечисть берётся? Как тяжело в стране, так они вылазят, как тараканы. От войны, небось, все отвертелись, а как чего напакостить, так они – вот они, тут как тут.

Конечно, в разговорах с председателем и «активистами» Илья старался не показывать своей неприязни, больше отмалчивался. Молчит? Ну так «Гиря» – она «Гиря» и есть.

Перед Новым годом зачастили продотрядовцы со своими особыми полномочиями. Так устроен мир, что вместе с нормальными людьми и подлецы, и стукачи обретаются. Не замечали, насколько разумна природа? Змеи живут в клубке, как и негодяи, вот как они друг друга находят? Как возле здорового дерева, так и возле здорового человека всегда паразит заведётся. По указке этих паразитирующих активистов продотрядовцы выгребали всё до зёрнышка, не оставляя даже на семена. Говорить о каком-то снисхождении со Смоляком не приходилось. Было такое впечатление, что он родился с похмелья и в этом состоянии проживал. Вечно с невымытыми патлами, блуждающим взглядом, облизывающий пересыхающие от самогона губы, он ещё и умудрялся похотливо заигрывать с бабами, верно, те его просто побаивались и, не желая неприятностей к наступающему празднику, как могли, отбивались от него.

Но они пришли, неприятности. Только оттуда, откуда их никто не ждал – казаки и крестьяне восстали, их не устраивала политика продналога, устраиваемая на Дальнем Востоке. Как и сейчас, чиновничество трепалось про диалог с народом, надеясь только на силовые структуры. Изначально упор восставшие делали на расправу с «активистами» и налоговиками, обдирающими народ. Ещё вчера воевавшие за Советскую власть казаки и крестьяне превратились в мятежников. Отстоять свои права на Руси всегда пытались по принципу «а-ля Дубровский», то есть громили сельские управы, отбирали налоговые сборы, убивали

комсомольцев, коммунистов и советских работников. Восстание охватило Николаевскую, Гильчинскую, Тамбовскую и Амур-Зейскую волости, создав Амурскую повстанческую армию со штабом в селе Тамбовка. Выступления проводились во всех деревнях под лозунгом: «Не плати налог, бей коммунистов и жидов».

Уже 4 января в поддержку восстания через границу из Манчжурии прорвалась боевая группа в 200 человек. С 4 по 14 января группа вела бой у села Толстовка, а 16-го выбила чоновцев из Песчано-Озёрска. С обеих сторон участвовало по пять тысяч человек.

Уже 18 января была образована группа Амурвойск для ликвидации мятежа. Руководители восстания были арестованы и расстреляны. В районе восстания чекисты расстреляли более тысячи человек.

Вот так был произведён диалог, причём за всё время восстания погибло до 60 человек партийно-советского актива, после чего продналог снизили в два раза, а наиболее одиозные чиновники-беспредельщики были уволены.

Почти весь год ОГПУ проводило расследование, от которого значительная часть повстанцев укрылась в Манчжурии.

Как только началось восстание, «активисты» из деревни исчезли, и мобилизационную повестку Илье принёс почтальон, когда по сути уже всё закончилось. Но кто же знал, что закончилось? А потому провожали из села призванных шесть человек, как положено: с самогоном, гармошкой, слезами и мордобоем. А как же – на то и проводы.

На сборный пункт попали 20 января, после формирования Амурвойск, и оказались не нужны. Не совсем, конечно, на сборном пункте их с такими же призванными из других сёл продержали до конца месяца, и отпустили домой после прочтения обязательной политграмоты.

Почти полмесяца призывные больше водку жрали да в самоволку бегали, благо дисциплина была никакая. Илья, зная, сколько дома прольёт слёз молодая жена, изводил себя думами, и, чтобы забыться, ходил к старослужащим на занятия по боевой подготовке: всё время быстрее пройдёт. Стрелять Илья и так мог претлично, друг сердечный Фёдор обучил, а вот штыковой и ножевой бой пришлось обновить досконально. Усердия и силы хватало, и,

видя как он «длинным коли» протыкал мишень, с которой летели и опилки, и куски мешковины, командир только осаживал:

– Ты же мне все чучела раздолбаешь, бугай здоровый, аккуратнее нельзя?

– Так я и так аккуратно, – улыбался Илья. – Ты мне лучше покажи...

И возникал новый приём, и опять летели опилки, войлок и куски ткани.

Пройдут годы, и уже возмужавший командир отделения Илья Герасименко не раз мысленно поблагодарит своих учителей за науку, от которой в холодную зиму сорок первого года с выдохом: «Майн Готт!» падали, как снопы, от его точных ударов на стылую землю непрошенные тевтонские гости – гитлеровские выкормыши.

А в том 1924 году, после сборов, Илья добрался до дома, где встретила его Мотя небогатым ужином да рассказами о деревенских новостях. Смоляка сняли, теперь новый из Александровска, вроде грамотный, и «активисты» у него новые – комсомол. Только проговорила, как стук в дверь: пришёл знакомиться новый председатель, и начал без предисловия рассказывать о предстоящей коллективизации и необходимости увеличить посевные площади не менее чем в два раза. Александровка вскоре срастётся с Бочкарёвкой, строительство там большое, опять же армия сокращается, люди вернутся, а чем их кормить? В западной части России люди ещё не пришли в себя после двухлетнего голода, возможно, что нам придётся им помогать.

– Это чем же ты надумал землю поднимать, лопатами, что ли? Лошадей и тех половину на войну угнали. Тут весной как бы свой участок поднять, не до жиру, – под поддакивание Матрёны заявил Илья.

– А вот это неправильно. Нужно объединиться в коллективное хозяйство, провести всем миром посевную, а летом – на курсы трактористов. Мне тебя рекомендовали как человека с руками, думающего, хорошего работника, и с железом ты знаком. Кому же, как не тебе? – предложил председатель.

Илья видел трактор «Фордзон» – эх, силища, вот бы такой в хозяйство. Глаза у Ильи загорелись, и он, хотя неуверенно, сказал:

– Дак посоветоваться нужно, подумать...

А сам мыслями был уже на тракторе.

– В общем, завтра забегу, – сказал председатель и убежал, оставив молодожёнов размышлять и принимать решение.

Прошёл год прежде, чем в хозяйство выделили трактор, и то при помощи сборов членов коллективного хозяйства. Сколько споров было!.. Доходило до рукопашной. И вот Дальземуправление приняло решение, и Илья поехал за трактором. Курсы он уже успешно прошёл, но сердце, надо сказать, стучало, как полевой кузнечик, – волновался.

Трактор поразил белоцерковцев грохотом, дымом, железными колёсами и тем, что на него можно было цеплять и плуги, и бороны, и сеялку, и телегу, и сани. В общем, агрегат в хозяйстве необходимый.

Преобразованный в 1926 году из Амурской губернии Дальневосточный край всячески содействовал развитию сельского хозяйства и введению в оборот земель. Вводились поощрительные системы за разработанную целину. Начали выпускаться отечественные трактора, образовываться МТС (машино-тракторные станции) и совхозы. Росла посевная площадь колхозов, разворачивалось культурное строительство, но одновременно с позитивными начинаниями усиливалось очередное злоупотребление властью партийных чиновников и сотрудников ОГПУ, под контролем которых проводилась коллективизация и антикулацкая политика. Недовольных или не подчинившихся крестьян раскулачивали, то есть определяли как классовых врагов, и пожалуйста – делайте что хотите. Опять вспыхнули мятежи. Сильным потрясением для Ильи было то, что в руководителях восстания были простые крестьяне, бывшие партизаны и красноармейцы, знакомые ему по боям за Волочаевку, Хабаровск и Бикин. Это были те, кто не жалел себя в боях за Советскую власть. Что же произошло, что настолько сместило сознание людей, что из борцов за новый мир они стали его врагами?

Сианское и Улунгинское восстания крестьян и казаков вызвали поддержку и симпатию у местного населения. Управляли восстанием бывшие партизаны, закалённые в боях, и представляли собой вполне боеспособные отряды, так что взять их нахрапом и артиллерией, как в Зазейском восстании, было нельзя, нужно было договариваться.

Путём удачных переговоров восстание удалось прекратить, но вопросы у таких, как Илья, бывших красноармейцев, остались.

Как можно допускать до кровопролития решение простых житейских вопросов?

Как власть может так исхитриться и превратить в ненужное быдло свой народ?

Началась очередная кампания террора под названием «раскулачивание».

Жизнь шла своим чередом, вперемешку с годами страха. Ведь могли прийти и забрать любого, а то и просто расстрелять на месте. Лично мне до сих пор непонятно: а в чём разница между террористами? Почему «красный террор», вроде как и не террор, а массовка, а кровавые убийцы-исполнители – добрые персоналии новогодней сказки?

Да полно! Террорист – он и есть террорист, а какая-то переквалификация террора – укрывательство преступления.

Так и Илья тогда метался в своих раздумьях и оценках, и не находил ответа. Успокоение находил в работе и в детях. По работе Илья стал бригадиром у механизаторов. Парк техники постоянно пополнялся, начали приходиться первые комбайны. Техника, как говорится, была «сырая» – недоработанная, и постоянно приходилось что-то ремонтировать, придумывать, исправлять. Зато сколько было гордости, когда всё это работало. Вроде и отдача началась по труду, время бы настоящий дом построить, ведь так и жил Илья с семьёй в построенной в первый семейный год мазанке.

Годы шли, семья разрасталась. Было теперь у Ильи с Мотей четверо ребятишек: Надежда, Василий, Маруся да Николай. Илья всё время пропадал на работе, и уму непостижимо, как с таким хозяйством управлялась Мотя. Была она домовитой, вот только не в меру прижимистой. Другой раз Илью в стыдливую краску вводила. Забежит кто из родственников, – так и чаю не подаст, приговаривает: «Время рабочее, не до чаёв теперь, дома чай попьёт». А в гости к кому пойдёт – сроду гостинец не прихватит.

Любил её Илья сильно, а потому старался не обращать внимания на эти недочёты, понимая, что это вросло в неё от постоянной нехватки чего-нибудь, боязни за завтрашний день.

Постоянная мечта о строительстве дома оставалась мечтой. Война, террор, коллективизация, мятежи, раскулачивание, репрессии – ничего просто так не прошло мимо дома Ильи, как, впрочем, всех приамурцев. И ведь старался нигде не участвовать, никуда не влезать, только работа и семья. Мотя постоянно откладывала деньги на строительство дома. Илья работал, как вол, от зари до зари, и денежки в доме водились, но вот очередная попытка приступить к строительству дома не получилась.

В 1932-м, когда техники было достаточно и урожаи хорошие, Мотя вновь понесла, и пришлось готовиться к рождению очередного, пятого ребёнка, который вскоре и появился на свет крепеньким мальчишкой, назвали его Иваном.

Жизнь после 30 лет вроде как бежит быстрее. Не успел одно доделать, глядь – другое подошло. Ссылки на «успею, завтра доделаю», иногда у самих вызывают удивление: вот же недавно было 29, как говорится, не успел обернуться – а уже 32, а там 34, пора остепениться да солидности набираться, а всё тянет назад, в молодость, детство. Они ведь, молодые годы, всегда считаются счастливыми, хотя в детстве все мечтали: скорее бы вырасти, скорее бы взрослыми стать. Вроде с годами устоялось всё, но разве крапивное властное семя даст народу пожить спокойно? Казалось бы, мирное дело – коллективизация, ан нет! Превратили в фарс с показушными арестами, раскулачиванием, поиском врагов и расстрелами. Никогда не думал Илья, что хоть как-то может причислить себя к врагам Советской власти. Воевал за эту власть, всегда поддерживал, за свою жизнь гвоздя не украл – жил честно, работал до ломоты в костях. Но вот покати́лась вторая волна арестов раскулаченных, опять недочёты управления искали среди народа. Покатились опять по деревням и сёлам (слово «станция» было приказано забыть) новенькие полуторки в сопровождении малиновых фуражек – сотрудников ОГПУ, – и, как недавно выгребали из сёл и деревень зерно, так же деловито принялись сгребать мужиков и увозить невесть куда и невесть за что. Зажиточных крестьян и казаков увозили особо показательно, с этаким вывертом: «Давили мы вас и давить будем».

За короткое время 1937–1938 гг. более двадцати тысяч жителей Амурской области прокатили на этих грузовиках. Многие не вернулись, а если кого-то удалось реабилитировать, то объяс-

нить, за что «мы вас давили и давить будем», бывшие идейные партийные деятели не хотят, да и кто с них спросит? Их сыновья, внуки, что сегодня опять у власти?

Докатились как-то на рассвете полуторки и до Белоцерковки, солдаты быстро рассыпались по селу, и пока начальство вело разговоры в сельском совете, согнали всех мужиков, кто не успел спрятаться, на площадку перед зданием сельского совета и стоящими тут же машинами. Офицер-чекист вышел на крыльцо и скомандовал:

– К погрузке.

Быстро, по-деловому, солдаты набили людьми машины – над безоружными изгаляться одно удовольствие – и отправились к большаку на Благовещенск.

Бабы плакали, кричали: «За что? Куда?».

Председатель молча разводил руками: откуда, мол, я знаю. И опять затаилась Белоцерковка, даже собаки не гавкали, видно, и в них закрался страх от хозяев.

По области гуляли жуткие слухи. Фабриковались исковые дела, писались доносы. Людей арестовывали, выселяли, придумывали надуманные обвинения, приговаривали к смертной казни. Создавалась сеть лагерей по системе ГУЛАГа. Только для строительства Байкало-Амурской магистрали в системе БАМЛАГа к 1939 году содержалось 291 384 тысячи заключённых, и кому-то озаботиться делами и арестами маленькой Белоцерковки просто было недосуг.

Гружённые людьми машины между тем прибыли к окраине Благовещенска, где находилась тюрьма, и одна за другой въехали в ворота этого мрачного учреждения. Прозвучала команда: «Разгружайсь!», и люди с топаньем и оханьем начали выпрыгивать из машин. Встречавший командир приказал солдатам, чтобы они выстроили задержанных по росту – для лучшего, так сказать, осмотра и переписи вновь прибывших. Построившиеся арестованные начали под запись говорить свои данные и сверять со списками.

К высокому правофланговому в начале колонны подошёл командир и спросил:

– Фамилия, имя, отчество, год, место рождения? – и принялся записывать:

– Герасименко Илья Гаврилович, родился в 1901 году...

Так началась первая ночь Ильи в благовещенской тюрьме.

Глава 3. В тюрьме

Благовещенская тюрьма НКВД до 1938 года имела несколько названий: «Амурский губернский дом лишения свободы», «Благовещенский дом лишения свободы», «Благовещенский исправительно-трудовой дом», что не меняло её прямого назначения – быть тюрьмой. Причём она, как первоклассный отель, при любой власти была переполнена.

Построена тюрьма была как комплекс зданий для следствия и содержания арестантов в 1912 году, и уже как учреждение стала называться Благовещенской тюрьмой первого разряда. На территории находились: контора, три арестантских корпуса, больница, баня-прачечная, ледник и четырёхэтажный дом для персонала. В центре территории расположен арестантский корпус, на вид в три этажа, но на самом деле – это четырёхэтажный дом. Первый этаж – затапливаемые водой камеры, самое страшное место временного палачества власти, назвавшей себя самой гуманной.

Тюрьма, рассчитанная на 500 человек, содержала до 3 000 арестантов, средств на содержание не хватало, и было решено построить «расстрельную стену», перекрывающую расстояние между зданиями, шириной один метр и высотой восемь метров. По разным оценкам возле неё только в 1920 году было расстреляно более тысячи человек. Вот так просто решались вопросы экономии содержания арестантов.

Вот в этой самой тюрьме, в этом самом дворе и стоял арестованный Илья Герасименко со своими односельчанами, и отвечал на вопросы. Арестовали их на рассвете, по классической схеме НКВД – с грохотом сапог и кулаков в дверь, затем пять минут на сборы – и вот уже конвой растолкал их по полуторкам и в сопровождении «чёрной маруси», как называли машину сопровождения с командиром, отвезли в Благовещенск, в тюрьму НКВД, и выстроили во дворе.

Стоять пришлось почти до утра, так много подвозили людей и так плохо работали тюремные печи. В общей сложности во дворе собрали человек 250–300, которые, пройдя оформление, ждали своей очереди в баню-санпропускник.

Ближе к утру начался развод по камерам. Вели арестантов под грохот кованых сапог охраны по железным лестницам, коридорам и переходам к намеченным камерам. Наконец и Илью подвели к окованной железом двери с врезанной в неё дверкой, глазком-«кормушкой» и мощными дореволюционными запорами.

Камера – карантин, у входа бочка-параша, напротив вторая бочка, с водой и раковина умывальника. Камера большая, на всю камеру одно зарешеченное окно, и ряды двухярусных нар, забытых арестантами.

«Человек шестьдесят, не меньше», – подумал Илья.

От говора и шёпота в камере ровный гул, всем интересно: кто уголовник, кто политический, у кого какие статьи.

Вновь прибывшие – сплошь политические, по 58-й статье: «враги народа», кто поменьше, а кто и поболее. Это Илья узнал в последующие дни из разговоров арестантов. Камера его встретила без всяких выкрутасов, которые здесь были в моде: наверное, размеры и молчаливость Ильи не вызывали желания пошутить. В тюрьме сидеть – целая наука, о которой у Ильи раньше меньше всего болела голова. Для нормального человека сам факт задержания – это стресс, это – трагедия. Вопросы «за что», замкнутое пространство, незнакомый народ – всё это туманит мозги, и многие просто ломаются, подписывая невесть что и наговаривая на себя в надежде побыстрее закончить эту процедуру и облегчить свои страдания. Не думаю, что пуля в голову что-то может облегчить, но шли и на это, лишь бы уйти от пыток и зверских побоев. Что стало причиной ареста половины села по обвинению в антисоветской деятельности, никто не знал. Поговаривали, что это дело рук совсем спившегося и потерявшего человеческий облик бывшего председателя комбеда Смоляка.

На допрос Илью вызвали через неделю, и молодой следователь в отглаженном френче и сияющих сапогах начал задавать вопросы, которые вроде как к Илье и не относились, но вызывали тревогу.

Какое он имеет отношение к контрреволюционной деятельности? В какой антисоветской организации состоит? Почему с кулаками дружбу водит? Кто готовит восстание против Советской власти, и часто ли к нему приходят гости из-за кордона?

Естественно, никаких веских и даже косвенных доказательств не было, но следователь вызывал Илью раз, два, три... и на всех допросах вроде как ласково разговаривал, пытаясь убедить Илью в том, чего не было. Наверное, если бы Илья был словоохотливее, то, может, и запутал бы его вконец щёголь-следователь, но Илья больше молчал, и лишь иногда мотал головой в знак несогласия. Чувствовалось, что следователь постепенно начинает раздражаться и сдерживает себя явно через силу. В конце третьего допроса сухо сказал:

– Ну, всё, надоел ты мне. Не хочешь помогать Советской власти, придётся с тобой по-другому разговаривать.

– Это я не помогаю Советской власти? – первый раз огрызнулся Илья. – Я же воевал за эту власть, кровь проливал, ранение имею, да и в колхозе не последний человек.

– Посмотрим, проверим, разберёмся, но, чувствую, недолго тебе на тюремной баланде сидеть. Дружки твои уже всё подписали да поразъехались, – сказал следователь, и отправил Илью опять в камеру.

В общей сложности просидел Илья около месяца, у него уже начал побаливать желудок: еда была такая, что только рвоту не вызывала. Но приходилось есть: здесь люди очень быстро становились дистрофиками; лечить арестантов никто не собирался, да и какое лечение, если у расстрельной стены каждый день гремели выстрелы. Как человек, понюхавший пороху, Илья слышал, что стреляли из винтовок и наганов. Стреляли над землёй, пули щёлкали о мягкое, а звук не уходил в сторону или вверх. Значит, били по людям, с близкого расстояния, залпами, по команде. Арестанты как приходили, так и исчезали, уходишь на допрос – одни люди в камере, приходишь – уже половина других. Некоторых притаскивали избитыми до неузнаваемости. Пятна крови, выбитые зубы, сломанные пальцы никак не прибавляли настроения, которое оставалось гнетущим. Покалеченные на допросах шёпотом рассказывали о зверствах в следственном изоляторе как о чистилище ада, передавались рассказы о подвалах с водой и плавающих в ней трупах.

В очередной раз на допрос конвоиры повели Илью мимо расстрельной стены. Метрах в десяти от неё стояли два командира и кури-

ли. Одного из них Илья узнал сразу – это был его следователь-щёголь, второго, пожилого, в очках, щёголь в разговоре называл Трофимычем, Илья его видел в первый раз.

Конвоиры остановили Илью возле стены и отошли в сторону.

«Вот и смерть пришла, – подумал Илья. – Надо же, как всё просто! Всю жизнь метался, пахал от зари до зари, воевал, детей растил, а тут – стена и всё. Конец».

Между тем командиры, явно говорившие о нём (щёголь несколько раз показал рукой в его сторону), докурили, и щёголь скомандовал конвою: «Ведите».

«О Господи, значит, это не конец, значит, помучаюсь ещё на белом свете», – думал Илья, и тело от сознания всего этого колыхнуло жаром. Струи пота потекли по голове, по шее и спине. «Ну прямо как на сенокосе», – мелькнула мысль.

Щёголь увидел его состояние, сказал, ехидно улыбаясь:

– В подвал его, пусть остынет.

Раньше Илья думал, что страшнее боя у Волочаевки уже ничего не случится, но только здесь узнал тогда всю степень любви правящей группировки к русскому народу.

По переходам конвоиры привели Илью к двери, одной из дверей первого этажа, ведущих в подвал. Когда открыли дверь, пахнуло таким зловонием, что у Ильи защипало глаза.

– Вперёд! – скомандовал конвойный, и Илья шагнул вперёд.

Ноги погрузились в воду, и Илья инстинктивно бросился назад, но дверь с грохотом захлопнулась. Илья остался в темноте, окно в стене под потолком было настолько мало, что не давало света, а воздух и вовсе не вентилировался. Боясь отойти от двери, Илья спросил:

– Есть кто живой?

– Пока есть, – на расстоянии полуметра ответили ему, – а больше неживых.

Сразу за порогом было по колено воды, но уже через несколько минут в подвал втолкнули ещё одного бедолагу, и Илья стоял уже по пояс в воде. При свете приоткрывшейся двери Илья смутно определил, что в подвале несколько человек, и попытался где-то пристроиться, о чём спросил у соседа:

– Здесь нары-то есть?

На что тот ответил:

– Тут ничего нет. Разве что на трупе посидеть можно, параши и то нет.

– Не надо так глупо шутить, – буркнул Илья, но ответа не услышал.

В подвале звуки отдаются гулко, и слова, сказанные шёпотом в ужасе ожидания, кажутся криком. Слышно было, как кто-то молился, кто-то плакал, судорожно всхлипывая, кто-то в изнеможении матерился – и в Бога, и во всех святых, и царя, и Ленина, и мать их...

Ещё через полчаса Илья стоял в воде чуть ниже груди – это при его-то росте. А что низкорослые? Они-то по грудь, а то и по шею. Ну и дела... Сколько же их будут охлаждать? Илья чувствовал, как холод начинает сковывать тело, ноги начали неметь, и он тихонько начал двигаться по камере. Ноги наступали на какие-то неровности, скользили, руки утыкались в людей. Первый же, на кого он наткнулся, покрыл его матом и озлобленно спросил:

– Чего тут шарить, не чуешь, что конец тут всем?

– Да хотел кости размять, застыл. И чего орать? Сосед вон молчит, а ты – глянть какой, лишь бы поорать! – ответил Илья, трогая рукой кричавшего соседа.

– Да он уж суток двое как помер, и плавает, бедолага. Чего ему кричать? Тут долго не живут. Господи, на всё воля твоя, да за какие же грехи завёл ты нас в такую страхоту... – шептал кричавший до этого арестант.

У Ильи от сказанного начали подкашиваться ноги, и он окунулся под воду. Вода была холодной, вонючей и какой-то густой. Он мгновенно пришёл в себя и, отталкиваясь руками от пола, вынырнул на поверхность. То, что он ощущал руками, рвало сознание, рот открывался в беззвучном крике, казалось, глаза выскочат из орбит. Ужас раздавил его – под ногами были трупы.

Илья начал метаться, и если бы не лязг засова и открывшаяся дверь, он просто сошёл бы с ума и утонул, как десятки других, сгинувших в застенках самого гуманного государства.

Выкрикнули десять фамилий, отозвалось восемь, и, шлёпая руками по воде, подались к выходу, по очереди шепча: «Про-

щайте... Передайте...». Дверь захлопнулась, и Илья спросил в темноту:

– Куда их?

– Знамо куда, десятками на расстрел водят, сейчас походим, мертвяков к двери сплавим, может, уберут – посвободнее будет. Я тут, почитай, четыре вывода, и ещё трупы не убрали, мрёт народ, как мухи. Условия, видишь, не курортные.

– И что, всех к расстрелу, если сам не сгиб? – прошептал Илья.

– Почему? Могут и на допрос, – это когда по одному вызывают. Меня уж вызывали, зубы выбили да опять сюда. Давай помогай! – и потащил покойника к выходу.

Илья стоял, как столб, от всего услышанного и увиденного он просто не мог заставить себя двигаться, ноги подкашивались. Спасло его от верной смерти требование явиться на допрос.

Илью отвели в баню-санпропускник, дали быстро обмыться и кое-как привести себя в порядок, затем отвели в камеру. Ночной допрос. Сидевший за столом следователь курил папиросу и улыбался:

– Ну как, горячая голова? Теперь давай с чистым сердцем подпишем несколько бумажек – и домой.

Следователь неторопливо разложил заполненные страницы допросов и протянул Илье ручку. Ох как хотелось Илье подписать все эти бумаги да плюнуть в эту холёную рожу и разом всё окончить, но, видно, сильна была любовь близких, если она, эта любовь, как стрела, врывалась в мозг: «Ты что же, сволочь, только за себя думаешь? А как же жена, дети мал-мала меньше?». Скрипел Илья зубами и молчал, только головой в знак отрицания мотал.

На этот раз следователь взбеленился и крикнул конвойным:

– Позовите Левкова и Аношина, пусть они ему мозги вправят!

Влетели два гориллообразных мордворота с засученными рукавами рабочих гимнастёрок – все в бурых засохших пятнах крови, и сходу начали метелить Илью. Били долго, ничуть не боясь за результат. Да кто ж с них спросит? Какова власть, таковы и подручные. Раньше били, стреляли, теперь воруют. И опять – кто ж с них спросит?

Очнулся Илья в камере, сидельцы, что с ним раньше сидели, подняли да на нары положили.

Избили его умельцы так, будто между мельничными жерновами протащили. За полтора месяца Илья ещё дважды охлаждался и раз пять отлёживался после Аношино-Левковских примочек. Всё чаще разъедала мозг мысль подписать бумаги, но уже из настырства терпел, не подписывал. Другой человек с более слабым здоровьем уже окончил бы свой жизненный путь, а Илья держался, верил, что разберутся. Нельзя ж безвинного человека ни за что ни про что истязать, обвинять в том, чего не было. Нужно только потерпеть. Держали и мысли о доме. Старшенькие – Надежда, Мария и Василий – уже помощники, в школу ходят, по дому помогают. Николай, копия Ильи, в этом году в первый класс пошёл – сентябрь-то уже наступил, – и только младшенький, Иван, дома с матерью. Вспомнилось, сколько радости, веселья было, когда в первый класс отправляли старших ребятишек, как собирали их все вместе. Николай-то упирался: «Зачем мне в школу? Буду, как батька, механизатором». И правда, любил машины очень, всегда за отцом в механические мастерские бегал. Теперь, должно быть, за партой сидит.

Так в тревоге, избиениях, подвальных истязаниях и шли тюремные будни, и полагал Илья, что шли к концу, больно уж время затянулось и ждать ничего хорошего не приходилось. Но, как оказалось, бывают радости и в тюрьме.

В начале октября его вызвали на очередной допрос, и Илья с удивлением увидел за столом следователя пожилого мужчину в очках и полувоенном френче, он видел его уже однажды у расстрельной стены вместе со «щёголем». Вообще-то по тюрьме ходили слухи о каком-то следователе, досконально, по крупицам разбиравшемся в каждом деле, и все мечтали попасть к нему. В тюрьме случайности редки, а тут, можно сказать, повезло.

Следователь представился, и тут же сказал:

– Фамилию мою запомнить трудно, все зовут меня Трофимычем, так и вы можете называть.

Илья сидел и медленно соображал, как себя вести.

Трофимыч листал листы дела и что-то чиркал карандашом на листке бумаги, затем поднял голову и сказал Илье:

– Вы сейчас пойдёте в камеру и очень точно и подробно вспомните события дней... – и перечислил даты из записей на листочке.

Когда Илья вернулся в камеру, его ждала вторая радость. Если нельзя назвать радостью арест друга, то встречу – можно. На соседних нарах он увидел знакомое лицо Фёдора, казака, учителя и дорогого товарища Фёдора Фомича Власова. Они крепко обнялись, и Фёдор поведал свою историю.

– После окончания Гражданской войны он вышел в запас, женился, родилось четверо детей: Надежда, Георгий, Катерина и Леонид. Старшие двое учатся, а младшие дома. Работал, особенно добра не нажил, как и все, кто воевал. Коллективизацию, восстания тоже как-то стороной обошёл, была мысль к восставшим, к Перельгину уйти, или за кордон к Семёнову, да куда семью на разор бросать? Так и жил, а тут, почитай, полдеревни, как граблями, НКВДшники заарестовывали, – рассказывал Фёдор. – Даже попрощаться толком не дали, доченьку Катюшу из рук вырвали. Вот такие, паря, дела. Всё думал – встретимся после войны, да по чарке за друзей, полёгших в злой войне, прием. Семьями познакомимся, глядишь, и породнимся...

Долго они вспоминали о былом, не зная своего будущего.

Илья рассказал о себе, о детях, о том, что в этом году Николай, сынок, пошёл в первый класс, какой он степенный и рассудительный ребёнок.

Фёдор расхохотался:

– Вот, паря, разберутся, и познакомим мы детей наших, глядишь, мою Катюху за Николу и выдадим.

Утром Фёдора Власова увели из камеры, и он больше не вернулся.

Через несколько дней Илью выпустили, разобрался таки в его спяпанном наспех деле Трофимыч.

Много лет спустя после этого встретились их дети, Николай и Екатерина, как и предполагал Фёдор, поженились и осели в Белогорске (старое название Александровск).

Илья на свадьбе глотал скучные слёзы, когда подняли традиционный тост «за родителей». Не дожил его верный боевой товарищ Фёдор до этого светлого дня. Через полгода после их встречи в Благовещенской тюрьме, в апреле 1938 года, он был расстрелян в следственной тюрьме НКВД г. Томска, посмертно реабилитирован.

Глава 4. Дорога домой

Услышав последние слова конвоира, Илья конвульсивно дёрнулся и застыл в изумлении. В голове зашумело, как после стакана хорошего самогона. Кровь, казалось бы, выстывшая в подвале до состояния льда, вдруг стала стучать в виски ударами молотка. Мысли путались. «Надо идти, надо идти», – мелькало обрывочно в голове, но ноги не слушались, холодный пот покрыл затылок.

Следователь Трофимыч, видя, в какой ступор впал Илья, молча подошёл к столику в углу кабинета, взял большой медный чайник и налил стакан чаю. По кабинету разнёсся запах шиповника и сушёной моркови. Порывшись в столике, Трофимыч достал два куска сахара, положил их на блюдце, и всё это поставил перед Ильёй.

– Пей чай, пока я тебе пропуск выправлю, и можешь идти домой. Да смотри, чтобы второго раза не случилось, тогда уж точно не выйдешь, – как-то обыденно сказал Трофимыч и принялся за выписывание пропуска.

Илья дрожащими руками взял стакан тёплого чаю, сделал глоток и потянулся за сахаром. Глаза застлала слёзы, и рука прошлась по краю блюдечка. Блюдечко подпрыгнуло, и сахар выкатился на стол.

Трофимыч, уже заполнивший пропуск, обошёл стол и, взяв рукой сахар, засунул его Илье в карман.

– Всё, топай, по дороге подсластишься, держи пропуск. – И, взяв Илью под руку, поднял с прикрученного к полу табурета и повёл к двери.

Под табуретом блестела ещё не высохшая вода, стекавшая с одежды Ильи. Одежда не успела высохнуть даже в тёплой комнате следователя, и Илью знобило. Он вообще мёрз последнее время постоянно.

Даже проходя мимо расстрельной стены, где невольно кинуло в жар: остановят или поведут дальше? – внутри у него всё равно ледяным комом сидел кладбищенский холод.

Илья, как сквозь вату, услышал голос следователя:

– Конвойный, проводи освобождённого к выходу.

Илья, на негнущихся ногах, но уже мало-мальски пришедший в себя, прошёл по коридору к выходу.

В коридоре, кто на стульях, а кто прислонившись к стене, ждали своей участи такие же бедолаги.

Выйдя во двор, Илья отметил, что солнце уже садится, и скоро стемнеет. Охранник забрал пропуск и, открыв ворота, вполголоса сказал:

– Повезло тебе, паря, теперь иди, и никому глаза не мозоль – мой тебе совет, а рот и вовсе не открывай.

Ворота с грохотом закрылись, и Илья остался один на сумрачной улице.

В голове настойчиво билась мысль: «Надо идти, надо идти!».

И он, сначала неуверенно и медленно, двинулся вдоль улицы.

Дыхание убыстрялось с ускорением шагов. «Свободен, свободен, свободен!» – отстукивали по дороге стоптанные сапоги.

Чтобы согреться, нужно было не сбавлять темпа и двигаться быстрее и быстрее. Улица была пустынной, и надежда раздобыть у кого-нибудь спичек, чтобы, добравшись до ближайшего леса, разжечь костёр и обсушиться, угасала вместе с закатом солнца.

Было прохладно, в октябре 1937 года осень наступила рано. По обочинам дороги шелестели листья, попавшие на пожелтую траву.

«Замёрзну, нужно что-то делать», – подумал Илья.

Замедлив шаг, так как уже окончательно пришёл в себя, начал лихорадочно обдумывать, что же предпринять. Решение пришло внезапно, и Илья, круто развернувшись, пошёл назад к тюрьме, к этому проклятому месту, из которого редко кто выбирался живым, где находились подвалы смерти, затопленные водой, и был четырёхэтажный дом для служебного персонала. Вот на этот персонал и надеялся Илья, когда принял решение повернуть назад. Служащие тюрьмы к вечеру частенько подавались в город – кто за покупками, а кто водки выпить в ближайшем питейном заведении после тяжкого трудового дня. Уничтожать с изощрёнными пытками трудовой народ у них и называлось трудовым днём. После такого созидательного труда тянулся тюремный персонал глушить остатки совести в стаканах с горькой.

В плотных сумерках Илья встретил таких двух служащих, помогавших друг другу двигаться в направлении тюрьмы и пы-

тавшихся рыдающими голосами изобразить песню. Росту, как говорили, Илья был под два метра и, несмотря на перенесённые тяготы и ужасы тюрьмы и потерю почти половины своего веса, выглядел внушительно. Чёрное от пережитого, обросшее лицо без слов объяснило служивым, что лучше задобрить этого страшного, внезапно представшего перед ними разбойника, и они принялись судорожно выворачивать свои карманы, будто хотели там найти то, чего туда не клали.

Илья – человек бывалый, и он сразу взял то, что ему было нужно в дорогу: спички и нож-складень. Взяв необходимое, он выдал из себя что-то благодарственное и исчез в темноте.

Теперь к лесу, иначе – смерть.

Осенний морозец начинал вместе с темнотой давить на землю. Одежда не высохла, и, чтобы спички лучше загорелись, он нёс их в руках. Часа через полтора обессилевший Илья добрался до безлюдного места на краю чьего-то покоса. Положив спички на пучок травы, вытащил складной нож и настрогал на сухой ветке «воронье крыло» – стружки для лучшего розжига. Набрал сухих веток и травы, обложил «воронье крыло» и зажёл спичку.

Пламя лизнуло сухие стружки, и затрещали, разгораясь, ветки костра. Илья, аккуратно отложив спички, протянул настывшие руки к огню.

Огонь, где-то разрушительный, сейчас был спасением для Ильи, вместе с его теплом тело бывшего зэка наполнялось жизнью. По-настоящему благодать костра понимает только тот человек, который хоть однажды побывал в ледяных лапах холода и ощутил на себе реальное дыхание смерти.

Расслабившись от тепла, Илья чуть было не уснул и, чертыхнувшись, кинулся собирать дрова, тащил всё, что под руку попадалось, лишь бы не угас живительный огонь.

Костёр весело полыхал, и Илья поворачивался к нему то одной стороной, то другой, долго не решаясь снять с себя одежду. Наконец, воткнув вокруг костра колья, разулся, снял с себя одежду и развесил для просушки на кольях.

Переवेशивая одежду другой стороной к огню для лучшей просушки, нащупал в кармане сахар, и вдруг от голодухи у него свело челюсть. Хотел тут же съесть его, но невероятным усилием

сдержал себя – этим не наешься, а запить даже воды нет. Эх, сейчас бы кипяточку, да где ж его взять? Не то чтобы посуды, воды нет.

Где-то к полуночи вышла луна, и Илья решил продолжать путь к своей Белоцерковке, путь неблизкий, под сто километров, но что это был за путь по сравнению с той дорогой, которую прошагал он от родной киевской Белоцерковки до неизвестной Белоцерковки в Приамурье, ставшей ему Родиной?

В высохшей одежде было значительно теплее, но как Илья ни пытался не обращать внимания на запах, пропитавший одежду подвальными испражнениями, всё равно он временами до тошноты напоминал о подвальных ужасах тюрьмы.

При свете луны идти было легче, да, пожалуй, и безопасней – дорога была пустынная, в год лихолетья разве что тати могли пробираться в ночи. Илья быстро устал и двигался по инерции, как робот. Вялые от усталости мысли текли в такт шагам, и только сознание, как шило, подталкивало Илью: «Надо идти, надо идти, тебя ждут дома ребятишки и Мотя»...

Мотя, не имеющая никакой весточки о муже. А вдруг ей кто чего лишнего сболтнул, ведь каждый день у расстрельной стены гремели выстрелы? Ясно, что не по мишеням стреляли. Видел Илья на стене следы от пуль с кровавыми отметинами да кусочками одежды, вырванными пулями. Даст Господь дойти до дома, сам всё ей расскажу. Да нет, лучше не буду рассказывать, за это ещё быстрее упекут, и уж во второй раз вряд ли повезёт. Патронов, поди, у них на всех хватит, эвон сколько народу постреляли ни за что ни про что. «Подпиши бумажку, домой отпустим» – и тут же к стене!..

Вот с такими тяжёлыми мыслями по ночной осенней дороге шёл домой Илья-горемыка, коих на Руси в то время было не меряно.

И всё же одного не понимал Илья, и мысли его поэтому постоянно возвращались к одному и тому же – к подвалу. Как же так можно допустить такое адское место, с той лишь разницей, что без огня оно – это место, и оттого ещё темнее и страшнее...

Светало, дорога проходила мимо сенокосов, на которых стояли небольшие стожки сена.

Твёрдо решив не продолжать путь днём во избежание ненужных встреч, Илья подошёл к ближайшему стожку с намерением отоспаться в нём в дневное время. Обойдя стожок, тут же понял опасность этой

затеи: возле стожка был явно виден вытоптанный круг под табор сенокосчиков, а значит, сюда в первую очередь могли подойти люди.

Под кромкой стожка Илья нашёл присыпанный травой схрон, в котором лежал на боку закопчённый чайник да три кружки.

Сразу захотелось пить.

Побоявшись забрать чайник – да и громоздкий он был очень, – Илья взял одну кружку и поспешил к концу покоса, подальше от дороги.

За покосом начинался кустарник, шиповник, орешник вперемешку с осинником, которые рассекал весело журчащий ручеёк. Расположившись возле ручейка, Илья разжёг костёр и закипятил кружку отвара шиповника.

Обжигаясь, выпил первую кружку, и тут же поставил на огонь вторую. Мысли о еде гнал прочь. Но в кармане был сахар! Он чувствовал его при ходьбе, и рука невольно тянулась в карман, но здесь Илья мысленно наложил запрет на сахар – не трогать!

Решение об этом пришло, как только появились мысли о доме, о детях – трёх мальчишках да двух маленьких дочках. Как они там без отца? Солнышки мои, радость Божественная, как я скучаю по вам!

Выпив вторую кружку отвара и почувствовав мало-мальский прилив сил, Илья разделся и принялся стирать одежду, перетирая её речным песком. Развесив одежду по кустам вокруг костра, принялся мыться сам и ожесточённо натирать себя пучками пожухлой травы, пытаюсь смыть тюремную грязь. Особое внимание было уделено кисету – подарку с которым он никогда не расставался и сохранил в тюрьме. Он тщательно, на несколько раз перестирал его, и после просушки положил в него так же аккуратно очищенный сахар.

От импровизированной бани Илья взбодрился и, подождав, когда подсохнет одежда, принялся подбивать низ в ближайшей копне для отдыха. Получилась нора, куда он залез и закрыл травой вход, быстро согрелся в пахучем сене и уснул.

Бывают такие сны, которые лучше бы не видеть. Тяжёлое забытьё вперемежку с какими-то картинками не то далёкого прошлого, не то будущего только грузят мозг, не давая ему отдохнуть. Жуткие картины наполненных грязной водой подвалов тюрьмы, по стенам которых ползали черви и плавали экскременты и трупы, сменялись радужными картинками детства и да-

лёкой дороги на восток. Кованая лестница из палубного железа, высокая, вся испещрённая пулями расстрельная стена благовеценской тюрьмы НКВД. Снился чернозём молодой, только что созданной Украинской республики, и песчаные земли Приамурья, на которых колосилась пшеница, каравай свежеиспечённого хлеба на столе, бережно укрытый полотенцем. Так и метался бы Илья в тревожно-сонных видениях, да начавшийся день приносил новые звуки, которые вывели его из сна.

Проходящая невдалеке дорога зажила своей дневной жизнью, пропуская то обоз, то одиночную телегу, а то изредка пронеслась полуторка, разбивая остатки дорожной жизнедеятельности и разметая их по сторонам.

Больше всего Илья пугался этих машинных звуков: ведь именно на полуторках вывезли их в тюрьму после быстрого ареста на рассвете. Боялся и того, что приедут за сеном, но потом успокоил себя: стога уже сметали, кто ж телегу будет бить из-за одной копны, да и увезёшь на телеге мало. Стало быть, вывозить будут по снегу на санях-розвальнях.

Так в мыслях он опять задремал, на этот раз дольше и спокойнее. Настывшее в тюремном подвале тело, набравшись тепла, замерло в тёплой истоме. Шевелиться не хотелось.

Уже к вечеру прошёл обоз из нескольких подвод. Сидящие на телегах возчики переключались о чём-то своём и, в общем-то, несли несуразицу, скорее, голосовую переключку, чем поддерживали разговор.

Пока совсем не стемнело, Илья решил взбодрить себя горячим отваром. Насобирав корней и подвяленных на первом морозце ягод шиповника, нашёл несколько пожухлых пахучих листочков мяты и вдобавок насыпал ягод красной смородины, растущей в изобилии по-над ручьём, высыпал в кружку, но разжигать огня не стал – заметил невдалеке яблоньку-дичку, на которой, уже сбросившей листву, ярко выделялись красные плоды. Илья с жадностью набросился на них. Подбитые морозцем, мягкие и терпкие по вкусу, они были необычайно вкусны. Насытившись, уже в плотных сумерках разжёл костёр и вскипятил душистый, приятный отвар.

Ужин получился. Вдоволь напившись и набрав в кружку яблочек-дичек с отломанной ветки, Илья двинулся дальше. Было

тихо до звона в ушах, но Илью уже не занимали звуки или отсутствие их. Он понял, что переполоха нет, значит, отпустили его не случайно, а потому успокоился. Уже появлялось чувство радости: одежда сухая, при ходьбе не замёрзнешь, главное – свобода, и дорога домой! Домой, к родимым деткам и любимой жене Матрёне. И мысли сразу переключились на них.

С Мотей, Матрёной Казекиной, Илья познакомился давно, ещё до революции, а в 1920 году обозы Герасименко и Казекиных, объединившись, тронулись в далёкую Восточную Сибирь – в Приамурский край. Сорвались с насиженных мест с одной лишь целью: уберечь детей от напасти, охватившей их родные места. И раньше нельзя было сказать, что украинская сторона – спокойное место, а уж что началось после Первой мировой войны и Октябрьского переворота – это уж точно: ни в сказке сказать, ни пером описать.

Как только с территории Украины эвакуировались германо-австрийские войска, так её территорию разом начали делить Петлюра, большевики и Деникин.

Территория, которая была под немцами и гетманом Скоропадским, была захвачена Петлюрой. Большевики, объединившись с Нестором Махно, захватили Харьков, затем Киев, провозгласив Украинскую Советскую Социалистическую Республику в военном союзе с РСФСР, при этом включили в Республику западные области Войска Донского. Весной 1919 года началось наступление Вооружённых Сил Юга России, которые совместно с петлюровцами заняли Киев, но тут же сами изгнали петлюровцев. Армии Деникина не нужны были союзники-мародёры, но в этом случае они получили ещё одного врага. Сражаться на три фронта – с большевиками, с петлюровцами и армией Махно в тылу – у Деникина просто не было сил. Во время этих самых событий на Западной Украине сичевыми стрельцами, украинскими национальными частями в составе австро-венгерской армии, была создана ЗУНР – Западно-Украинская Народная республика, которая начала войну с Польшей. К середине того же 1919-го трагического года почти вся Западная Украина была оккупирована Польшей, Румынией, Чехословакией. Польша и петлюровская ЗУНР заключили договор, направленный против РСФСР, но были разгромлены большевиками, и части их бежали в Польшу и Чехословакию.

Разброд и шатание стихийных, самостийных и других армий, грабежи и расстрелы – эти неотъемлемые атрибуты любой гражданской войны, насилие и кровь, – всего этого насмотрелся Илья вдоволь, приходилось и самому участвовать в самообороне, зачастую не зная от кого. Трудно было понять сельскому парню, за какие такие неведомые идеалы бьют друг друга насмерть вчерашние пахари да работяги. А возраст подходил к призыву. Куда, зачем? За кого? Не только Илья, в то время многие другие, а пуще всего их родители ломали над этим голову: где выход? Наступил уже 1920 год, а успокоения не было, то там, то тут вспыхивали перестрелки.

Как бывает в сложных ситуациях, выход нашёлся. Трудный, неведомый, но какой заманчивый! В один из базарных дней, в относительное затишье, когда каждый норовил что-то продать, обменять, короче, поймать какую-то выгоду, подъехали к базару человек пять красногвардейцев, а с ними один штатский. Бабы, завидев штатского, зашептались, захохотали, и тут же от испуга зашикали друг на друга. Было от чего смеяться: штатский попытался неуклюже взобраться на ближайшую телегу, чуть не упал, и если бы красногвардейцы не поддержали его и не положили на телегу, наверное, грохнулся бы оземь.

Бабы шептались: «Носом надо было цепляться, тогда бы удержался».

«Носатый», назову его и я так, зычно крикнул:

– Внимание, внимание! Селяне, слушайте сюды. Я, представитель Наркомзема, предлагаю до вашего рассуждения предложение о переселении на новые земли.

И представился: не то Блюмштам, не то Гринбам, в общем, «русский» с самой Одессы-мамы. С виду обыкновенный был «носатый», как и все комиссары того времени: нечёсанные патлы крупными кольцами, борода «а-ля Свердлов» да горбатый сопливый нос. Но говорить мог... как курский соловей. Столь наговорил про земли Приамурья, которые якобы ленивые антисоциально настроенные казаки побросали, и ждёт богатая землячка хозяйских рук земледельца-кормильца, что мысли и мечты о «своей земле» запрыгали в голове, как караси на горячей сковороде. «Своя земля даром!» – было над чем задуматься. Кругом разруха, голод, поло-

вина хат сожжена да разбита орудийным огнём, поля вытоптаны, да и сколь времени пройдёт, пока из земли весь металл военный повытаскиваешь.

Мужики, у кого сыны на призыв, те долго не задумывались: «Идём на свободные земли, чай, не пропадём. Да вот только как туда добратся»?

«Носатый» только и пообещал справки в дорогу дать, а путь долгий – год, а может, два идти придётся. Ладно, до Сибири поездом помогут, а дальше, почитай, полпути самим идти придётся. Сейчас начало лета, нужны телеги, а как до зимы не управимся? Что же, ещё и сани с собой везти? На телегах и так много груза собирается: инструмент, плуги, бороны да скарб домашний...

Вроде и собралось несколько семей, но постоянные разговоры и толковища так и не привели к единому решению. Собравшееся было семейство Гаврилы Герасименко, отца Ильи, вдруг стало находить сотни причин, что тормозило отъезд и вызывало ссоры. Женская половина вообще никак не хотела трогаться с места, и Гавриле, здоровенному мужику, которого в округе побаивались за крутой нрав да силушку немереную, частенько приходилось осаживать их: «Цыть, бабы! Путного не посоветуете, а только кудахчете без умолку. Вот я вам укорот найду!». Но и сам Гаврила был в большом раздумье: с одной стороны, в родном доме и воздух в помощь, а с другой – после трёх лет войны не понять, за кого и за что, округа крестьянская, почитай, вся на крапиве и лебеде щи варила. Уж больно голодно становилось. Домочадцы же были категорически против: ведь ни копейки в зачатке, а на новом месте обустроиться надо, а на какие такие шиши? Власть поможет? Да где она, власть? Каких только панов за три года не повидали. А здесь и дом, и подворье, спаси Господи, целым осталось. И порешили Герасименки остаться. Но тут, как говорится, взбрызнул Илья. К своим девятнадцати годам он вырос видным парнем, ростом за метр девяносто, косая сажень в плечах, да с крупными по породе и от тяжёлой работы руками. Не один раз слетали с ног «низовские» хлопцы от хлестких ударов Ильи. Любили они и побезобразить по праздникам. А уж в праздничной забаве «стенка на стенку» и вовсе трудно было против него устоять. «Здоров чертяка!» – похваливали взрослые

мужики. В общем-то, Илья был спокойным, рассудительным хлопцем, и выставлялся только для того, чтобы понравиться Моте Казакиной, чей дом был в конце той же улицы, где жили Герасименки. Уж очень она нравилась ему. С норовом девка, но уж очень хороша.

В этот вечер, когда Илья повстречался с нею, как бы невзначай Мотя сообщила ему, что всё – порешили они всем семейством двинуть на новые земли, в далёкую дальневосточную сторону, что в приамурской бескрайней земле. Илья уже знал о решении семьи, и, вернувшись домой, с порога заявил: «Вы как хотите, а я в новые земли – новую жизнь строить».

Женщины заохали, запричитали, и принялись наперебой отговаривать его. Республика республикой, а, говорят, не ушли оттуда ещё японцы и американцы. А вдруг и там война? И куда же тебе несмышлёному да в такой путь, в земли неведомые? Дрогнуло сердце у Ильи, растерялся, начал что-то нечленораздельно объяснять. Хорошо, отец вступился. Как всегда, осадив женщин своим «цыть, бабы!», спросил Илью:

– Ну, и чего тебе сподобило в путь? Никак зазноба твоя Матрёна надоумила?

«Усмотрел старый», – подумал Илья, но тут уже всё встало на свои места, и отступать было некуда.

– Я еду, – заявил он. – Не сгибну и не пропаду. Как всё наладится, так и вас всех на новые земли заберу. Даст Господь, заживём справно, но по-новому.

– Так и порешим, – сказал отец.

Бабы утихли и деловито принялись собирать Илью в долгий путь.

Не знал тогда Илья, как далеко и неимоверно трудно добраться до этого «справно, по-новому».

Длинен, долог и тяжёл был путь на Дальний Восток. Добирались и поездом, и на баржах, и пароходах, а где пешком. Добрались наконец до Благовещенска, и явились в комитет по переселенцам. Там, коротко рассказав положение в Приамурье, отослали переселенцев в Александровск, так раньше назывался Белогорск. Оттуда их отправили, уже более точно обозначив место, – Белоцерковка. С местными жителями, поселившимися

здесь до революции, переселенцы имели связь, многие были родственниками, так что ехали вроде как и не к чужим людям.

Прибыли на место уже после сроков сева, да и сеять пока было негде. Впереди предстояла работа по раскорчёвке земли и подготовке её к пашне. Работы было много. Переселенцам сразу нарезали по 15 десятин земли на душу, да по участку под строительство. В первый год принялись за строительство временного жилья, срубить сразу дом – ни у кого не было таких сил и средств. Строили кто землянку, кто мазанку, кто хатёнку из жердей с засыпанными стенами. Амбары, бани и прочие пристройки оставляли на другой год. Тяжело далась зима переселенцам. Наспех построенное жильё промерзло, и приходилось его обкладывать чем ни попадя: соломой, грунтом, снегом...

Так, погружённый в свои мысли, отмахал Илья здоровенный кусок дороги до дома, и спохватился только когда совсем рассвело и он издали увидел двигающуюся навстречу подводу.

От страха, что его увидят, Илья стремглав бросился в придорожные кусты и затаился. Мимо, поспешая, прогрохотала телега, и Илья узнал в возничем односельчанина, но выйти побоялся, только подумал: знать, до дома близко. Переночевать он решил подальше от дороги, и пошёл искать копну или стог, уже хорошо узнав близкие к дому места. Чтобы не рисковать, пошёл на свой покос и, подбив низ стога, улёгся в пахучее сено. Натруженные ноги ныли. «Это ж сколько я сегодня прошёл?» – подумал Илья, и крепко заснул.

К вечеру опять ударил морозец, и Илья, почувствовав его свежесть через сено, выбрался из стога. «Пока дойду, будет, пожалуй, к полуночи», – определился он, и опять скоро зашагал по выкосу, а потом и по дороге. Слышно было, как уже недалеко мычали коровы, брехали собаки. В голове Ильи на этот раз не было никаких мыслей, только желание быстрее дойти и обнять близких. Последние перед селом метры он почти бежал, но, войдя в село, обошёл его по низине к своему участку со стороны озера. Участок у Ильи был длинный и выходил к озеру, в районе которого не было ни жилья, ни огородов. Летом там только ребятишки купались. Подошёл к дому и тихо постучал в окно у их семейной кровати. Зажёгся свет, и уже из сеней дрожащим голосом Мотя спросила:

– Кто там? Кого нелёгкая принесла?

Кто же мог так тихо прийти? Конечно, он – любимый Илья, и, не дожидаясь ответа, Мотя откинула крючок на двери и кинулась на шею Илье.

Разве можно описать семейную радость двух взрослых людей при встрече, которые уже пережили мыслимые и немыслимые невзгоды? Эти слёзы и поцелуи? Жаркий шёпот и опять слёзы. А тут и младший сынок Ванечка проснулся по своим детским делам и, увидев отца, заплакал не то от страха, не то от радости.

Жутковатый вид имел Илья: похудевший и почерневший, как лесовик-разбойник. Ребяшня проснулась и облепила отца с расспросами, жалобами и рассказами про свою нелёгкую детскую жизнь.

Пока Матрёна готовила ужин и накрывала на стол, Илья как мог привёл себя в порядок. Домашний ужин для изголодавшегося человека – это сказка. Утолив голод, Илья вспомнил про сахар, и выложил его на стол под удивлённые взгляды детей. Дома редко позволяли сладости, всё на дом откладывали, да и пятеро детей при одном кормильце – не шутка, так что сахар был в диковинку.

Илья аккуратно поколол сахар на мелкие кусочки и передал ребятам со словами:

– Это я вам от зайчика с походу принёс, он вам привет и гостинец передал.

Ребяточки, смакуя, пили чай до тех пор, пока Матрёна не загнала их спать.

В постели она всё допытывалась:

– А как там в тюрьме?

Разбередила душу. Ночью Илье опять снился подвал с плавающими мертвецами, истошная вонь и звуки, как в бочке. Плакал во сне Илья, и со слезами на глазах проснулся от того, что ребята опять окружили его со словами:

– Пап, не спи. Ты когда опять в поход к зайчику пойдёшь? Сахар кончился, он такой вкусный, а мы ещё хотим.

Господи, неразумные дети, разве они понимали, о чём просили? Что мог Илья ответить этим невинным созданиям? Он плакал.

Вот такую грустную историю рассказала нам бабушка, а мы сидели потрясённые, как будто это произошло с нами, и, отворачиваясь друг от друга, смахивали слёзы...

СЕНОКОС НА КАНИКУЛАХ

Глава 1. Отправка на сенокос

В середине июня ученики седьмого класса, а теперь уже будущие восьмиклассники заканчивали учебную практику, которая заключалась в благоустройстве новой, только что отстроенной школы в посёлке Решающий. Многие уже построили планы проведения летних каникул и нехотя дорабатывали последний день практики: завтра свобода! Хочешь – на рыбалку, хочешь – на озеро покупаться... Лично для меня круг возможностей на этом и замыкался. Не знал я тогда, что этот круг может быть ещё уже.

Вечером, во время ужина, к нам зашёл дед Павел, и позвал мать о чём-то переговорить. Они вышли на веранду, и только слышно было, как мать резко несколько раз сказала:

– Нет.

Беседа продолжалась довольно долго, наверное, более полу- часа, и, когда они зашли, мать упавшим голосом сказала:

– Вот, сынок, дед предлагает идти на работу, на Дармангинский сенокос копновозом, говорит, работа не тяжёлая и заработать можно. Сам понимаешь, с деньгами у нас туго, – уже как бы извиняясь, добавила она.

– А чего, – быстро согласился я, – можно и копны повозить.

Дед, угостившись предложенным чаем, вскоре ушёл. У меня сложилось впечатление, что мать не хочет отпускать меня на работу, и я задал ей этот вопрос. Она сидела за столом, задумавшись, и подперев рукой щёку, и нехотя ответила:

– Я не против работы, просто я своего отца знаю лучше, а потому побаиваюсь: недолюбливал он твоего отца, как бы... – и махнула рукой.

Порешили: что если что-то не так, то я просто уйду и всё. Наутро мама собрала меня в дорогу: сумку с продуктами, полотенце и смену белья, и пошла провожать меня на «Сенную», откуда водомётный катер должен был тащить понтонную площадку с сено-

косчиками, инвентарём, двумя сенокосилками и двумя конными граблями.

Мама перед уходом попросила деда не нагружать меня: ведь дитя ещё, только четырнадцать исполнилось. Дед покивал головой и бросился руководить погрузкой, которую вскоре закончили и перетянули понтоны к большому плашкоуту, гружённым мешками с овсом и ячменём. Вот тут я понял, что «что-то не так» уже началось. Сердце матери не обманешь, и вся сенокосная эпопея показала это. Впрочем, по порядку.

В бригаде кроме меня и деда было ещё шесть здоровых мужиков, моторист и повариха. Мотористом дед поставил своего сына, а моего дядю Александра, или попросту Шурика, как его все звали, он был после травмы «на лёгком труду», и дед посчитал, что работа моториста ему в самый раз. В его распоряжении была лодка со стационарным тринадцатисильным мотором. Поварихой была всеобщая любимица Валентина, тоже дочь деда, и моя тётка. Валентину, наверное, все сразу полюбили не за её формы и красоту, которые вне всякого сомнения вызывали восхищение, а за её котлеты и борщи, которые готовила она с удивительным мастерством. Об остальных шестерых расскажу в процессе повествования.

После погрузки и небольших пересудов дед, как старший покоса, скомандовал отгрузить на понтоны три тонны овса. Овёс был в канадских мешках, люди старшего поколения помнят эти мешки. Примечательна была не упаковка, а их внушительный вес – 90 кг!!! Дед, подмигнув мужикам, начал подкалывать меня:

– Ну, что, слабо мешочек протащить, бригаде помочь?

Это при том, что коэффициент оплаты копнового в 0,5 оклада был определён только за подвоз сена в копнах. Помочь я был не против, и попросил помочь уложить мешок на плечи. Мешок пришёлся почти в рост, так что нагнуться не пришлось, и я принял первый мешок. Пошёл я вроде не трудно, но с каждым шагом 90 кг так давили на спину, что стало тяжело дышать, тем более, что идти надо было по трапу, покачивавшемуся между плашкоутом и понтоном. Ноги от нагрузки дрожали. Два друга, как мы их звали, Пат и Паташонок, – двухметровый Вова Ниловский и полутораметровый чифирист Костя Горбунов, не-

давно освободившийся из мест заключения, – ехидно посмеивались надо мной:

– Давай, давай, малой, тащи, шевели батонами.

И, хотя погрузка подходила к завершению, за меня вдруг вступился незнакомый коренастый мужик:

– А ну, сявки, не видите – у пацана ноги разъезжаются?

И что-то ещё – я даже и не разобрал – на «птичьем языке», то есть на жаргоне. Костя враз спал с лица, что-то шепнул Ниловскому, и они тут же предложили мне передохнуть – мол, сами пошабашим (закончим погрузку). Ниловского я знал раньше, так как мы с Толяном не один раз были в Калиновке у него в гостях, там жили его родители, а работал он на Решающем, поэтому я подошёл к нему и спросил:

– А кто это?

– Да прибыл недавно авторитет какой-то. Говорят, в 1944 году он на фронте застрелил командира, получил «вышку», но заменили на 25 лет лагерей. А сидел в Цуцумане 23 года, и к нам – на условно-досрочное, около двух лет ему осталось под надзором.

С Анатолием Шелестом, тем коренастым мужиком, мы очень быстро сошлись: у меня отца не было, а он тоже был со всех сторон одинокий. Вроде никаких дел общих, кроме работы, конечно, а тянуло нас друг к другу. Отсидев столько лет, будучи, как говорили, «матёрым», он не растерял своей душевности. Мне, молодому деревенскому пареньку, была интересна тюремная романтика, все мы тогда были помешаны на Владимире Высоцком. При всём своём немногословии и установке «сказал – сделал, не можешь – не говори», Анатолий очень быстро мне разъяснил о романтике, туберкулёзе, лагерных кладбищах и лагерных помойках. Рассказывать не буду, но той науки мне хватило на всю жизнь, чтобы не соприкоснуться с надуманной романтикой. Именно Анатолий научил нас понимать Высоцкого не как автора запрещённых блатных песен, а как величайшего поэта-воина.

– Ты пойми, – говорил он, – Высоцкий живёт в этих песнях, это он сам лезет по скалам, плывёт в океане и идёт в атаку, он настолько вникает в тему каждой клеткой своего тела, что всегда кажется, что кто-то, не он сам, поёт о нём. У этого человека неземное чутьё и бездна души. Я когда услышал его песни о войне,

– казалось, рядом почувствовал его дыхание, и увидел себя в мокром от воды и грязи июльском окопе 1944 года. Всё те же звуки и тошнотворные запахи войны, – казалось, даже руки запахли ружейной смазкой, а по спине холодок, как перед атакой. Ты слова песни воспринимай, а не голос «а-ля Колыма», суть слушай.

Да, отношение к Высоцкому сменилось, я до сих пор периодически прокручиваю его сборник, и не уходит чувство новизны.

Глава 2. Сенокосные будни

Разговоры по душам были довольно редки, всё-таки работа на сенокосе очень тяжела, особенно первые дни. Пока одна часть бригады устраивала табор – так мы называли летние жилища и кухню, – устраивала мощные дымокуры от миллионных туч комаров, дед с Шуриком на двух конных сенокосилках выкосили всё в округе. Над лугами стоял нескончаемый стрёкот сенокосилок. Косили они очень быстро, сказывалась сноровка. Дед кроме войны всю жизнь занимался лошадьми, попеременно работая то ветеринаром, то заведующим гужевым транспортом. Уже на третий день в ход пошли конные грабли, меня Шурик тоже начал учить работе на них. Вроде простая техника – грабли, ан нет, оказывается, и в ней премудрости есть. Есть тут и тормоз, и полуавтомат, и рычажок автомата, до которого ещё дотянуться нужно с прыгающего рессорного сиденья, и тогда грабли через определённое время сами поднимаются, высвобождая валок сена. А если не сделаешь этого вовремя, будешь поднимать валок рычагом с довольно большим усилием, изогнувшись в правую сторону. Всё-таки я был мальчишка-недоросток, ноги не доставали до рычажка, сиденье было высокое, потому не было возможности положить на него что-нибудь типа подушки, чтобы не сидеть на голом железе. И постоянный недосып, я просто не высыпался.

Дед взял привычку будить меня на рассвете, и посылал за конями. С вечера им на ноги надевали верёвочные путы, стреноживали, и они обычно паслись неподалёку, вот их-то и надо было пригнать к табору, где уже дымил дымокур. Кони сами жались к дымку от несметных полчищ комаров, здесь же их обрабатывали мазью, предварительно обмакнув квач – палку с намотанной

тряпкой наподобие факела, – в железную двухсотлитровую бочку вонючего зелья. Вот тогда и начинала просыпаться бригада, которая, позавтракав, начинала разъезжаться по лугам: кто косить, кто собирать, кто валки подтаскивать волокушами к месту, где начинали метать стог.

Первые три стога по четыре-пять тонн сена мы сметали на четвёртый день своего пребывания и выставили их прямо на берегу протоки. Первые стога были «продажными», то есть на продажу, а на вырученные деньги покупались продукты. Главным продуктовым разносолом был спирт.

После первых «продажных» стогов я стал тоже ненавидеть деда.

В тот же купеческий вечер по продаже сена Шурик привёз ящик спирта, и началось веселье, которое не поддержал Шелест. Он выпил несколько глотков и ушёл спать со словами:

– Давно так не вкалывал, уморился.

Я тоже хотел было уйти, но уже подвыпившие мужики, явно стараясь загладить первый день, загалдели:

– Да ты что? Не уважаешь? Пашешь, как все, а от нас нос вортишь?

Окончательно добил дед:

– Ты что, не мужик, что ли? К тебе народ с уважением... – И поставил передо мной эмалированную кружку спирта:

– Воздух выдохни и пей.

Зачем выдыхать воздух, я до сих пор не знаю, а тогда взял кружку, закрыл глаза и... всё! Больше я ничего не помню. Казалось, тут же меня дед начал тормошить за плечи:

– Вставай, за конями пора.

Было уже утро, но как не хотелось вставать!

Я всегда удивлялся деду Павлу: сухощавый, среднего роста, закалённый в двух войнах, Финской и Отечественной, фронтовыми «стограммами», казалось, он никогда не болел. И это при шести ранениях! Видно, природа и постоянная езда верхом сделали своё дело: он в возрасте за 80 лет бегал по бабам и, не задыхаясь, преодолевал железнодорожный виадук. Глядя на своего старшего сына, дядю Володю, болевшего с похмелья, хмыкал и говорил:

– Слабак! Не умеешь пить – не пей.

Желание быть похожим на него не одну голову настроило на хмельной путь, как говорится, «спиться легко, а вот назад»...

В то утро, не проснувшись, я пошёл за лошадьми, и нашёл их неподалёку от табора, у небольшого озера.

Вставало жаркое солнце, хотелось пить, казалось, что язык, обожжённый спиртом, распух. Я подошёл к озеру и до отвала напился, и уже через минуту понял: зря. Спирт, зараза, разыграл по новой, и, отойдя от озера несколько шагов, я упал на траву и заснул. Сколько проспал, не знаю, но только проснувшись от резкой боли вдоль спины, подскочил. Рядом с кнутом в руке верхом красовался дед и виртуозно матерился:

– Быстро на работу! Погожий день, а ты тут спишь!.. Вот будет дождь – выспишься.

Я быстро погнал коней к табору и, не позавтракав, отправился подтаскивать копыны.

Кобыла Арктика, здоровая по всем меркам пятилетка, заслышав перегар, зафыркала. Вот, зараза, а тебе-то что от меня надо? И я, развернувшись, хлестнул её ладонью по морде.

Говорят, что лошадь лягается, но верьте, говорю по опыту: обиженный конь скорее укусит. Так и случилось со мной: только я потянул Арктику за повод, как она догнала меня и цапнула своими зубищами за плечо. Хорошо – у лошади зубы как пеньки, а если бы были как у крокодила? Отхватила бы плечо, зараза. Теперь синяк на всё плечо. Да, день не задался. Эту картину увидел Шурик, и вроде как пожалел меня:

– Давай запрягай Арктику в грабли, нужно сена подгрести, да на граблях полегче будет, всё не ноги топтать.

Я быстренько запряг Арктику и прочитал ей мораль утрашающим голосом.

Арктика мотала головой, как будто соглашалась, и вскоре мы катили по скошенному лугу, подгребая сено. Как назло, педалька автомата была свёрнута. На граблях вчера работал Ниловский, а этому «лосю» технику вообще нельзя было доверять, пришлось пользоваться ручным подъёмником. Несчастья мои в тот день не закончились. Как я уже писал, ручной подъёмник – это рычаг с правой стороны, который, чтобы довести грабли до полного объёма, нужно подать вперёд почти до рамы. При моих коротких ногах

приходилось прыгивать с сиденья, и вот при очередном подъёме грабли колесом наезжают на небольшую кочку, подпрыгивают и придают мне ускорение, от которого я влетаю под раму и под опустившиеся зубья граблей. Арктика добросовестно тащит грабли до конца загона, а это метров двести, и тащит меня по луку, закручивая вместе с сеном в валок. Пока дотащила, я чуть не задохнулся.

В конце загона я, чертыхаясь и выплёвывая изо рта набившуюся пыль, выполз из валка. Сил не было. Я сидел на валке и перебирал в уме все дедовы маты, адресуя их и Арктике, и деду, и ещё не знаю кому. Оказалось, что запомнить их не так и трудно.

Арктика, это умнейшее животное, посматривала на меня и иногда вскидывала голову, наверное, на мировую приглашала. Я подошёл к ней и прижался к её большой голове и гладил по гриве. Она тяжёлыми мягкими губами водила по моей руке – целовала.

Всё, мир был заключён.

На таборе я, не раздеваясь, не ужиная, упал спать. Спал долго, и проснулся уже в тревоге: отчего не будят? С пробуждением услышал ровный шум, шёл дождь – праздник сенокосчика.

Глава 3. Калуга

Дождь лил не переставая, тихо шурша по дощатой крыше табора, и только иногда доносились трёхэтажные матюги деда. Это он, проснувшись в очередной раз и услышав, что дождь не кончился, матерился в природу и в невыполненный план заготовки кормов.

После обеда дед не вытерпел, выполз из своего закутка, и начал находить всем занятие: меня и Шурика отправил на Амур, на рыбалку.

Мы, надев рыбацкие резиновые куртки, чертыхаясь под нудным дождём, перебирали небольшую, метров в 25, сеть и тихо говорили меж собой: сдурел, мол, старый, в озере карасей, сазана, щуки да лещей – навалом, только удочку опусти – жарь, парь, ешь. Амур ему понадобился! Кета не подошла, а чего ещё ловить этим огрызком?..

Поехали на дедовой деревянной здоровой лодке с мотором «Москва», и по выходу из протоки подались вверх по течению, там

раньше вдоль песчаной косы была рыбная рыбкоповская тонь. Со временем её по всей длине подзанесло песком, но небольшая яма вдоль косы всё же существовала. Вот повыше неё мы и заплыли, развернув сеть поперёк течения.

По воде вскипали пузырьки от дождя, но, в общем, было тихо. Поплавки на сетке утонули, и только с другого конца сети, покачиваясь на волне, как бы кивая кому-то, плыла крестовина из досок: рыбацкий буй-наплав.

Шурик закурил и сел на кормовом сидении у мотора, я грёб. Докурить он не успел, наплав-крестовина стал вертикально на воде, которая зашумела, обтекая неожиданную преграду. Лодка тоже стала тормозиться и разворачиваться, течением её стало сводить с наплавом. Задела, наверное, зацепились за что-то.

– Ну, дед, хрен старый, загнал на рыбалку, – ругнулся Шурик, и принялся выбирать сетку на носовой кубрик.

К нашему удивлению, сетка сорвалась с зацепа, и Шурик постепенно выбирал её.

«Наверное, корчей нацепляли, вот и тяжело», – только подумал я, как метрах в трёх от нас всплыла трёхметровая калуга, явно за 100 кг весом, и нас уже свободно понесло по течению. Шурик осторожно повёл калугу к борту, и шёпотом сказал мне:

– Глуши её.

Чем? У нас ни топора, ничего тяжёлого, ни даже приёмника не было. Взяв весло, я смаху звезданул калугу по башке. Никакого эффекта – вёсла были лёгкими, из хорошего, высушенного дерева. Калуга была какая-то сонная, она и держалась только небольшим кусочком сети на голове, наверное, потому, что все эти дни стояла жара, и вода была тёплая, а в тёплой воде рыба не активна. Нужно было как-то привязывать её, и я, схватив буксирную верёвку, просунул руку с верёвкой под жабры.

– Тащи верёвку из пасти, – шепнул я Шурику.

Он метнулся к голове калуги и перехватил верёвку, протаскивая её через жабры в рот: зацеп надёжный. Я едва успел вытащить руку, как калуга медленно пошла в глубину, и моя рука едва не оказалась на изломе. Сломала бы, зверюга!

Теперь нужно было думать, что делать дальше. Решение пришло внезапно: в лодке было два сиденья из доски на 50 мм, что-

бы на них можно было без боязни наступать, вот первую, которая подлиннее, мы и принялись отрывать, используя вёсла как рычаги. Сиденье поддалось, и я взял его в руки: да, тяжёлая колотушка, можно попробовать ей глушануть рыбину. На Шурика, после травмы ноги, я не понадеялся, и попросил его подвести калугу к борту.

Когда калуга приняла удобное положение, я со всей силы ударил её в лоб. Удача. Калуга резко раскрыла рот, это говорило о том, что я оглушил её. Теперь мы принялись переваливать её в лодку, кое-как нам это удалось.

В лодке калуга лежала головой к кубрику, на котором сидел я, а хвост лежал у ног Шурика, который сидел у мотора. Так мы и поехали, я доской периодически бил калугу по башке, а Шурик рулил. До табора доехали за минуты, течение поднесло нас почти ко входу в протоку.

Наши сенокосчики только сели обедать, и увидели нас с крутого берега. Когда увидели улов, засуетились и спустились к причалившей лодке. Действовали быстро, но пока притащили ещё верёвку, отвязали нашу буксирную, калуга очнулась и звезданула хвостом по стоящему над ней Шурику. Тот, совершив вынужденное сальто в воздухе, плюхнулся в протоку. Теперь пришлось ловить его. Вскоре всех вытащили, и Шурика, и калугу. Довольный дед тут же приказал Валентине заварить из головы и плавников холодец, что и было сделано, а сам, покряхтывая от нетерпения, сказал:

– Однако это дело обмыть надо. Ты, Шурка, езжай в посёлок, рыбу отвези бабам, да поменяй на спирт. – На этом доброта его не кончилась, и добавил: – И Вовку свези, заслужил, вечером ждём.

Мы уехали, рыбу доставили, поменяли, но назад приехать не смогли. Шурик, уговорив пузырь водки, принялся за второй, так как пришёл дядя Володя, живший через дорогу напротив, и было уже не до поездки.

Утром, по рассвету, мы выехали: в лодке лежал амнистирующий нас рюкзак, позвякивая бутылочным стеклом, да и дождь, в наше спасение, временами ещё поливал.

Бригада встретила нас подобострастно:

– О, добыткики прибыли!

На столе уже стоял густой наваристый холодец и кружки. Шурик тут же расположился за столом, чувствуя себя таким

рыбацким Наполеоном, только этот Наполеон никогда не мог предсказать действий деда. Дед зачастую выкидывал непредсказуемые фортеля, вот и сейчас он зловеще оглядел нас:

– Так, Вовка нормальный, а ты чего же, подлец этакий, без коллектива лакаешь. Похмелишься, как три рыбазких заезда (тони) сплывёшь, и точка на этом.

Шурик было взъерепенился, но спорить с дедом – бесполезное занятие, и мы, захватив топор – сеть так и лежала в лодке, – выехали на тонь. В те времена редко кто прятал сети, местного рыбнадзора Горячева можно было услышать на его стационарном моторе километров за десять, а то и за пятнадцать. Да и не особо его боялись, он был местным, всех знал, и наказание чаще было устным.

Заплыли мы точно так же, как вчера. Удачливым – удача! Всё произошло один в один как вчера, с той лишь разницей, что у нас был топор, а калуга была килограммов на 20-30 побольше, и, оглушив, её пришлось тянуть мотором к берегу.

Если бы я не был участником всего этого процесса, то не поверил бы. Так же разделали рыбу и уехали домой. Пока я дома выгружал рыбу – возили мешками на Шурикином «Иже», – к дому подошла соседка и попросила:

– Вы, наверное, с рыбалки, а у меня дочь приехала с учёбы, угостить нечем. Может, угостите, я в долгу не останусь.

Для студента не жалко, и я кинул для неё солидный кусок калужатины. Пока, распродав часть рыбы, мы подъехали к дому Шурика, нас уже ждала мать, и приказала быстро всё прятать. Женщины за нужной нам водкой, естественно, пошли в сельмаг, где собирается весь поселковый люд, стали в очередь. Тут же у витрин с консервами, сделав вид, что что-то рассматривает, и насторожив уши, ошивался участковый. Вот и соседка заявила, объявив с порога:

– Володя такой хороший парень! – и, разведя руками, добавила: – Сейчас меня вот таким куском калужатины угостил.

Участкового сдуло, побежал переодеваться, чтобы, значит, по всей форме нагрязнуть. Бабы загалдели. Заведующая магазином, моя тётя, сразу заявила:

– Ты что, дура, ведь накроют хлопца.

А тут и мы подъехали, пришлось возвращаться и всё прятать, конечно, не всё, но свежую калугу спрятали да раздали. А солёная рыба была в каждом доме – как без рыбы на Амуре жить? Это сейчас демократы пытаются амурчанам внушить, что прожить можно на «дошираке», сами, небось, чёрную икру жрут до поноса.

Вечером Шурик опять «банковал». Подвыпив, он становился заносчивым и значимым, близкие знали его слабость и не обращали внимания. Перед знакомыми был «рыбный король» – это сейчас, а в других ситуациях он бывал «королём» по обстоятельствам: сегодня – одним, завтра – другим. Несмотря на эти моменты, оба мои дяди – Шурик и Володя – относились ко мне, как к равному, по-доброму. Оба были отменными работягами, и я многому научился у них.

Утро третьего дня начиналось так же: приехали на табор рано, получили от деда взбучку и наказание в три рыболовных тони, то есть заплыва. Так же была выброшена сеть, и в лодке, ожидая очередную жертву, в подручных местах лежали топор и приёмник – здоровенный крючок, намертво приделанный к деревянному древку, от которого шла верёвка-буксир. Доплывая до заветного места, мы затаили дыхание и, хотя я говорил, что ничего у нас не выйдет, – Амур не сарай, где на заказ выращивают рыбу определённого вида и размера, всё-таки ждал. И вот наплав встал, потом вылетел от какого-то толчка вверх, и плюхнулся в воду. Лодка будто на стену налетела, постояла и свободно поплыла.

Шурик, радостно выдохнув: «Есть!», – принялся лихорадочно вытягивать сеть.

От сети остались одни лохмотья ниток и верёвок. У меня в тот день, как заезженная пластинка, крутилась сказка о золотой рыбке, и, увидев остатки сетки, я безудержно расхохотался.

Шурик сначала недоуменно смотрел на меня, а потом тоже захохотал. Хохотали мы до слёз, до икоты, и, кое-как успокоившись, поехали на табор, над которым уже проглядывало солнышко. На вопрос деда Шурик ответил:

– Да чего булькаться, солнце вон вышло, косить пора. Дело нужно делать, а не рыбачить.

Дед недоуменно посмотрел на нас и ничего не сказал, только махнул рукой – косите.

Через несколько минут мы уже выехали на двух косилках в луга, так и не сказав деду про сеть. Зачем его огорчать, пусть радуется, что мы сами, без его команды, поехали косить сено, и косили до темноты. Вот такие мы молодцы.

Глава 4. Роковой выстрел

Объезжая покосные уголья или просто собирая коней, мы часто видели лосей. Конь не боится лося, да и лось не шарахается от коня, мне самому верхами приходилось подъезжать к лосю метров на пятнадцать. Как-то вечером, обсудив лосиную тему, решили привезти ружья и как-нибудь поохотиться: приварок был нужен, на одной рыбе долго не протянешь, а мясо, взятое в леспромхозовской столовой, закончилось. При случае привезли два ружья. Я привёз свою одноствольную новенькую бескурковку двенадцатого калибра, а Николай Куприенко – одноствольный двадцать восьмой калибр.

Николай, здоровый, необщительный мужик, недавно приехал с семьёй в посёлок, и о нём мало кто что знал, а сам он больше молчал, и работал, как вол.

В первый же день он начал снаряжать патроны, и вечером ходил на засидку, но ничего не видел. Он не был охотником, а убить зверя наобум, без должных знаний, сложно. Охоту обещал устроить дед, он видел это просто. Проскакать верхами по двум-трём релкам (небольшие заросшие возвышенности вдоль лугов), и вся недолга, ничего выдумывать не надо. Верховые кони Ландыш и Колокольчик выстрелов не боялись, можно было ехать, но за круговоротом дел выехать не получалось. А тут дожди пошли. Дождь – раздолье для комаров, иной вечер дышать спокойно нельзя, и весь немаленький табун лошадей жался к табору, от которого несло дымом незатухающего дымокура.

Во второй день нашего отъезда дед, раздражённый тем, что мы не приехали, а значит, и душу погреть нечем, предложил Николаю стрельнуть солью поверх лошадей – вреда не будет, но от табора выстрел их отгонит. И, действительно, после выстрела табун перестал жаться к дымокуру. На один день. Но на второй, когда мы уже косили, а послеждевые комары и вовсе озверели, табун лошадей опять топтался у табора и вокруг кухни.

Николай и Анатолий ремонтировали грабли, а два друга – как дед говорил, «член да подпруга» – Горбунов и Ниловский, отгоняли по просьбе Валентины лошадей от кухни.

Костя был придумщик по разным мелким пакостям. Водки не было, гармонь надоела, и всё зудилось от желания что-нибудь сотворить.

Услышав просьбу Валентины отогнать лошадей, он быстро нашёл решение, и сказал Ниловскому:

– Это мы счас враз сотворим, пугнём, как вчера.

С этими словами он залез в палатку Николая, вытащил ружьё с патронташем, принялся выковыривать пулю из патрона. Вытащив, насыпал крупной соли и забил сверху бумагой вместо пыжа. Валентина от кухни закричала ему:

– Ты чего? Охренел, что ли, тоже мне охотник, положи чужое ружьё.

Но было поздно. Горе-охотник театрально вскинул ружьё и выстрелил. Ближняя молодая гнедая кобыла упала, табун кинулся за вожакон в сторону озера. Как раз к табору подъезжал верхами дед, он ездил на верхний Дармангинский табор к конюху Пестереву, отвозил хлеб. Раньше к нему ездили на лодке, а после того, как упала вода и въезд в Кашинскую протоку был перекрыт, можно было добраться на коне. Дед сразу понял, в чём дело и, разразившись матюгами, двинул Костю по загривку, подошёл к раненому животному и вынес вердикт:

– Навылет пулей. Надо дорезать, хоть на мясо пустим. – И пошёл за ножом, что-то бурча под нос и, как всегда, матерясь.

Когда мы в сумерках подъехали к табору, дед свеживал кобылу. Разделал на части и сложил в глубокую яму со свежей травой – своеобразный холодильник. Ниловский крутил ручку большой мясорубки, отхватывая ножом куски мяса и подкидывая их в мясорубку. Николай осматривал патронташ, а дед готовил аптечку.

– Ты это зачем, отец? – спросил Шурик.

– Дак этот подлец в табун пулей ударил. Кобылу невылет – кстати, жеребая была, – а куда пуля дальше табуна ушла? Утром пойду посмотреть, дай Бог, подранок, может, выхожу. Как же ты, урод, пулей-то в табун? – уже Костю спросил дед.

– Да я разрядил, вот и Ниловский видел, – оправдывался тот.

Неясность разрешил Николай:

– Это я так патроны на лося зарядил. Калибр маленький, вот я по две пули в контейнер из пробки вставил. Он первую вынул, а про вторую не знал. И чего было ружьё брать, мудила, вот врезать бы тебе! – И поднёс к носу Кости кулак – чуть меньше Костиной головы.

Посоветовавшись, решили не говорить, что кобыла была жеребая – это увеличивало её стоимость вдвое и для судимого Кости могло плохо кончиться.

– Посмотрим ещё, что утро принесёт, – буркнул дед. – Спать ложитесь, до свету встанем.

Утром, только рассвело, я ушёл с дедом к табуну. Подранка увидели сразу: у молодого двухлетка вся левая передняя лопатка была в засохшей крови. Дед подошёл к коню, приласкал его, и засунул ему в рот небольшую круглую палку с прикрепленными к ней кожаными ремешками, закрутил ему нижнюю губу, поясняя, – чтобы боли не было. Рану он обработал быстро, и какими-то тонкими щипцами быстро и аккуратно вынул пулю. Подранок только вздрагивал, но стоял. Странно было видеть, что из глаз коня текут слёзы.

– Он что, плачет? – спросил я.

– А чего же, живое существо, понимает, что я ему помогаю, терпит, не брыкается, – говорил дед, распустив ремешки на губе и складывая инструменты. – Ну, пожалуй, Костю от тюрьмы спасли, ты пока про подранка никому не говори, а я его вылечу.

Плохие вести летят быстро. Вроде только уехали проезжие рыбаки, а у нас после обеда уже были участковый Алексей Чириков и заведующий гужевым транспортом Николай Фёдорович Павлюченко.

Участковый забрал наши ружья и поехал на Среднюю Дармангу, проверять Пестерева.

Я с разрешения деда в галоп поскакал к Пестереву – предупредить, и успел вовремя. Пока участковый ходил пешком до домиков, я уже вернулся к лодке и хотел забрать ружья, но не стал этого делать: в лодке сидел Костя.

– Ты там не болтай лишнего. Дед сказал, поможет, – передал я ему слова деда.

Костя сидел поникший, и только молча кивал головой. Вскоре появился участковый, и сразу спросил:

– А ты чего здесь? – и кинулся проверять кубрик, где лежали ружья.

Увидев, что всё в порядке, Чириков завёл мотор, и они уехали.

На таборе Павлюченко брал со всех объяснительные, и по пути рассказывал истории, невесть когда и кем придуманные, но слушать их без неудержимого хохота было нельзя. Человек был наиудивительный во всех отношениях. Рассказ про сенокос без Николая Фёдоровича – это как уха без рыбы. Только он мог разрядить обстановку после всего случившегося, оставаясь при этом серьёзным, авторитетным руководителем.

Разборы по выстрелу длились почти месяц и закончились для Кости годом вычетов по двадцать процентов и возвратом ущерба, который был сравнительно небольшим, так как мясо дед оприходовал на котловое довольствие. Половину денег мы сразу собрали всей бригадой. Костя плакал, так был растроган. Ружья нам вернули, дядя Лёша Борисов поручился за нас, и участковый, ни слова ни говоря, вернул нам наши одностволки. А коня мы съели.

До чего же вкусные котлеты делала Валентина!

Глава 5. Зав. гуж.

Заведующим гужевым транспортом был у нас известный всем без исключения Николай Фёдорович Павлюченко. Это был очень одарённый, самобытный человек, который всё знал. Абсолютно всё!!! Не было вопроса, на который он не мог ответить. Его принцип «не могу, но покажу», действовал безотказно, как девиз А. Суворова: «Мы русские, мы победим! Вперёд!». Способность Николая Фёдоровича, а для нас – дяди Коли, была просто феноменальна и необъяснима одновременно. Когда он заходил в диспетчерскую или конюховку, все находившиеся там начинали подхохатывать, то есть неестественные смешки раздавались по очереди со всех сторон, и это при том, что дядя Коля ещё не успел ничего сказать! Затем все замолкали и выжидательно смотрели на него.

Присев на скамью, Николай Фёдорович обводил всех взглядом и произносил: «Так». После чего складывал на колени две рукавицы, если это было зимой, или вытаскивал портсигар, и сдвигал шапку на затылок.

Шапку после тяжёлой контузии он носил зимой и летом, и перемещение шапки на затылок было сигналом: сейчас что-нибудь скажет! Все замирали, и Николай Фёдорович неспешно заводил беседу.

Мне не пришлось встретить в жизни лучшего, чем он, конфетансье. Каждый раз его беседа начиналась вроде так... или совсем не так, но каким талантливым рассказчиком он был! Через десять минут диспетчерская гудела от смеха, смеялись до слёз, до соплей и кашля, выбегая на улицу. Случалось там быть и моему деду, и тот старался убеждать с самого начала:

– У меня от него печень болит, дед Щукарь, язвы его! – и тоже хохотал.

Тяжело было, когда он приезжал на сенокос и оставался ночевать. Ещё с вечера кто-нибудь просил его рассказать анекдот – а знал он их великое множество, – и до утра вся бригада каталась по полу от смеха. А рано утром нужно было на работу. Фантом безудержного веселья исходил из этого небольшого физически, но огромного душой человека.

Впервые мы узнали его в четыре года, когда познакомились с «низовыми», и Кольку, сына Николая Фёдоровича, мне представили как Кривошея.

Когда я спросил его:

– Ты Кривошей?

Он ответил:

– Да нет, я Павлюченко, а за Кривошея по мусалу получишь.

Мы чуть не подрались, и тогда я узнал, что такую кличку носил его отец. После тяжёлого ранения он долгое время не мог нормально держать голову и как бы прислушивался. В минуты волнения голова начинала трястись и мёрзнуть. Конечно, всё это вызывало неудобства и злые насмешки, которые, впрочем, быстро прекратились. Загрузив себя работой и заботой о детях, Николай Николаевич, несмотря на кучу заработанных болячек, всегда старался казаться бодрым и поддерживать других. Я пом-

ню его как сейчас: он сидит на завалинке с гармонью и играет, а вернее – поучает Кольку за что-то и недовольно говорит:

– Да сам ты неправильно играешь. Это я-то неправильно? Ты слушай лучше! – И начинал выводить на гармонии такие рудалы, что было не понять, что откуда берётся. Сейчас это назвали бы музыкальным попури.

Мы спустились к рядом протекавшей речушке, и я, сев у бани, продолжал слушать гармонию. Колька возился с фанерным катером, а я всё пытался понять, что дядя Коля играет. Было очень много знакомого, иногда тоскливого, щемящего, с нотками тревоги. Нет, не узнавал я знакомой мелодии, и только много лет спустя понял. Это пела душа, душа израненного человека рассказывала про жизнь, про все тяготы и радости появления детей, трудные дороги жизни с супругой-фронтовичкой, боевой подругой, и о светлых, солнечных мечтах. Это была душевная идиллия, переложенная в знакомую и незнакомую, но близкую нам музыку.

Николай Фёдорович, как человек деятельный, быстро завоевал авторитет и уважение на лесоучастке, и то прозвище больше не вспоминалось и исчезло из обихода. При всей своей кажущейся весёлости Николай Фёдорович мог быть и жёстким. Вопросы, которые он затрагивал, доводил до конца, и правду-матку мог сказать любому, потому как сам был предельно чист и честен. Кому-кому, а мне это пришлось прочувствовать на себе.

В один из весенних дней в посёлке поднялся шум: угнали гружёный лесовоз «МАЗ».

И чего было шуметь? Застрял неопытный водитель недалеко от Сенной в вечной грязи, не доехав сотню метров до разгрузки. Обвиновали сразу меня – безотцовщина в деревне, как чирей на мягком месте, – всем мешает. Грозные начальники Адраев и Желдак решили меня поставить на милицейский учёт как несовершеннолетнего хулигана, но тут произошло нечто такое, что заставило этих начальников зачесать свои затылки.

Угнал лесовоз Колька, сын Николая Фёдоровича, и сразу заявил об этом отцу.

Наверное, с того времени отец верно определил Кольке автомобильную жизнь, и проработал потом Колька почти всю

свою трудовую жизнь шофёром. А тогда Николай Фёдорович ругнулся дома, обул сапоги, надел шапку и двинул в контору, где проходило заседание местного комитета и решалась моя судьба.

Не знаю, что на местком говорил дядя Коля, но утром к дому прибежал Адраев и принялся извиняться перед матерью и заискивающе спрашивать, не надо ли чем помочь.

Много можно было бы рассказать о дяде Коле в рамках романа, но в рамках нашей повести хочу рассказать ещё один эпизод, можно сказать, определивший строение моего мозга.

В школе классы у нас были большие, и как-то осенью решили собрать учеников с родителями на так называемое родительское собрание. Класс был битком забит при том, что не все родители явились.

Николай Фёдорович сидел в шапке на первой парте, и как-то сразу попал на глаза нашего историка и завуча Тамары Георгиевны Густовой, и она грудным голосом обратилась к нему:

– А вот, Николай Фёдорович, ваш сын Коля даже не знает, кто у нас теоретик коммунизма.

Зал замер, шапка Николая Фёдоровича двинулась назад, затем вперёд и опять назад: этим Николай Фёдорович показал сильное волнение, но всё же спросил:

– А кто?

– Ну как, Николай Фёдорович, не знать Сулова, нашего ведущего теоретика, как можно? На что последовал второй вопрос:

– А он меня знает?

– Ну как, Николай Фёдорович, в масштабе страны разве он может вас знать?.. – зал уже не дышал.

– А тогда на хрена он мне нужен, чтобы я его знал, – невозмутимо заключил Николай Фёдорович и сдвинул шапку на лоб.

Родители и ученики после его интонаций лежали на партах и хохотали.

Тамара Георгиевна беспомощно разводила руками и пыталась всех успокоить. Это была победа над женщиной-скалой и завучем. Мне это так врезалось в память, что даже спустя 50 лет я всё это помню, я просто выкидываю ненужных людей из головы и не запоминаю их.

Глава 6. Шелест

В начале августа от нас забрали Анатолия и командировали в Софийск. Там было большое подсобное хозяйство, сельхозтехника, а вот ремонтника хорошего не было. Нет, не то чтобы не было слесарей, их как раз на заготовительную технику было полно, а вот починить сенокосилку или грабли – таких не оказалось, и выбор пал на Анатолия. Семьёй он не был связан, добра и жилья не было, такому собраться – только подпоясаться, и уже готов. Мы с ним неплохо ладили, и мне было жаль, что он уезжает.

Перед отъездом он несколько раз выходил на откровенные беседы, в основном на тему «как молодому пацану сохранить своё достоинство и своё «я» в этом переменчивом мире». Многие из его советов помогло мне в жизни, но тогда меня это мало интересовало, лишь просто сжигало любопытство: почему по жизни правильный на вид мужик вдруг сел в зону на целых двадцать пять лет?

Анатолий был старше меня, и разговор с мальчишкой на такую болезненную для него тему складывался тяжело. Он принимался рассказывать, затем замолкал, уходил в себя, потом опять начинал рассказывать. В общем, рассказ его состоял из урывков, которые я попытался собрать воедино, убрав отступления в воспоминаниях в краткое содержание.

Весной 1944 года Анатолий Шелест окончил школу, и, как все семнадцатилетние мальчишки, мечтал об отправке на фронт, о новеньких ремнях крест-накрест, серебре с блеском золота орденов и медалей. Кто же в этом возрасте не мечтал стать героем? Война близилась к концу, и желание успеть было выше разума, и Анатолий, как и несколько его друзей, написал заявление в военкомат с просьбой о добровольной отправке на фронт. И хотя некоторым из них, как и Анатолию, не было восемнадцати лет, желание попасть на фронт не хотело с этим считаться. И даже призыв в семнадцать лет на краткосрочные курсы артиллеристов был воспринят с радостью. Вот только артиллеристом стать Анатолию не довелось.

Одетые в новенькую форму новобранцы, среди которых был и вчерашний школьник Анатолий Шелест, в начале июля 1944 года

в железнодорожной теплушке прибыли в расположение 3-й гвардейской армии Первого Украинского фронта маршала Конева, прозванного за блестящие наступательные операции «Генерал Вперёд». Молодёжь радовалась, что едет на фронт, к такому замечательному военачальнику, да ещё и перед началом наступления. Вот мы себя покажем! Уже 13 июля Украинский фронт перешёл в наступление, и взвод Шелеста, не добравшись до курсов, был отправлен в часть села Колтова, где шли жаркие наступательные бои. Немцы правильно оценили направление удара и постарались закрыть Колтовский коридор, кинули в бой мощные оперативные резервы. Контрудар немцев был полной неожиданностью, артиллерийские удары не давали должного эффекта, территория была сплошь из торфяников, и из-за сильных дождей, размывших дороги, тылы и тяжёлая техника отставали и не оказывали должной поддержки.

Вот в это перепаханное снарядами и танками болото и был брошен взвод необстрелянных мальчишек, вчерашних школьников. Война не разбирает, кого ей бросили в прожорливую глотку смерти, алчность её неизмерима. Командование, придавая особое внимание уничтожению контрудара, оказало «честь» наступавшим пехотинцам – выставило заградотряды. Смерть со всех сторон подогревалась политработниками: «Только вперёд, ни шагу назад, за Родину». Для многих это были последние слова.

Командир взвода, озлобленный лейтенант из штрафников, чертыхаясь и матерясь от того, что в бой кинули желторотых птенцов, а не солдат, пытался поднять их в атаку, пиная, толкая и стреляя по верх мальчишеских голов. Очумевшие от ужаса и не понимающие в беспрерывном разрыве снарядов, где свои, а где немцы, новобранцы пытались укрыться в воронках, которые на глазах заполнялись водой, закрывали головы руками, словно это могло спасти их.

Оглохший от взрывов Анатолий никак не мог заставить своё тело подняться из очередной воронки. Озноб ужаса пронизывал иголками ноги и руки, винтовка валялась на краю воронки. В очередной раз появившийся лейтенант что-то кричал и показывал куда-то рукой, но слов разобрать было нельзя, и Анатолий закрыл голову руками. Удар по рукам и голове был таким, что вместо грохота разрывов в ушах ровно зазвенело, как будто рой комаров облепил голову. Лейтенант начал пинать его и, схватив

за шиворот, выволок из воронки, толкнув вперёд. Анатолий, подхватив винтовку, побежал, куда показал лейтенант.

Из ближайшей воронки выскочили двое красноармейцев и побежали чуть впереди него. Навстречу, совсем рядом, яркими вспышками бил немецкий пулемёт. На лицо Анатолия брызнуло чем-то горячим, и под ноги упала голова бежавшего впереди красноармейца. Тело его, сжимая руками винтовку и разбрызгивая кровь, по инерции бежало в атаку. Анатолий не видел, как упал красноармеец, потому что вырвался вперёд, и тут второго красноармейца буквально перерубило пулемётной очередью, и Анатолий, наткнувшись на его тело, упал на землю и перекатился в воронку. Уже не ужас, а кровавая ярость затянула пеленой глаза, руки крепко держали винтовку. Одна мысль оставалась в голове: «вперёд». Вот так в ярости и ненависти к врагу формируется солдат. От этой ненависти пропадают все звуки, и остаётся только враг впереди, всё происходит, как в немом кино.

Высунуться из воронки не получалось, неугомный пулемёт брил торфяные закраины убежища, посыпая Анатолия свистом пуль. Наконец, после разрыва гранаты, пулемёт смолк, и Анатолий смог подняться. Тут же на него обрушился удар приклада, и появившийся лейтенант заорал:

– Вперёд, сука! Мне из-за тебя опять в штрафбат? Застрелю!
– И – мат-перемат, словно Анатолий был в конце наступающих, а не в пяти шагах от немецкой траншеи.

Они вместе спрыгнули в неё и принялись осматривать ужасы войны.

Траншея была сделана насыпью, в которую были врыты ружейные и пулемётные ячейки, устроены площадки для противотанковых пушек. Сейчас это всё дымилось, было завалено трупами в самых неестественных позах вперемежку с кучами гильз и оружия. Неподалёку находился небольшой блиндаж с накатной крышей, обложенной торфяным дёрном. На команду «выходи» оттуда выползли четверо раненых, которых лейтенант тут же пристрелил очередью из автомата. Анатолий только и успел сказать:

– Зачем?

И сразу маты взводного:

– Я тебя, сука трусливая, спрашивать буду, что мне делать?

Анатолий промолчал, и присел в траншее, пока подходили остатки взвода. Собралось вместе с лейтенантом семь человек. Лейтенант явно был рад: при таких потерях теперь на переформирование отведут.

Анатолий угрюмо раздумывал: «Чему ты, сука, радуешься? Тому, что бойцов в чистом поле положил?» – И закипали злость и обида. Какие ремни, какие ордена? Вокруг трупы молодых ребят с оторванными конечностями вперемешку с торфом и кусками чужих тел. Нет, не так представлял себе войну солдат Анатолий, в своих мечтах видел он атаку под красным знаменем, а не скрюченные порванные тела под неусыпным взглядом чекистов из заградотряда, что вызывало не меньший ужас и угрозу расстрела.

И не хотелось уже ничего, тем более – идти на смерть, осознавая её неизбежность не с одной, так с другой стороны. И всё это под крики: «За Родину, за Сталина!..». Только вот не слышал Анатолий в этой страшной атаке за воем и свистом осколков и снарядов этих криков, а слышал только вой умирающих, матерную брань да хрип открытых ртов – пока сохранялось дыхание солдат, пока не обрывалось оно омерзительным и губительным военным металлом. Догма, что на войне человеческая жизнь ничего не стоит, бесчеловечна и омерзительна. Война уничтожает человеческие инстинкты морали.

Вскоре опять загрохотало, и подошедшие заградотрядовцы, насобиравшие до двадцати солдат, опять дали команду лейтенанту «вперёд!». И это с двадцатью бойцами!

Опять всё повторилось, но теперь в голове Анатолия была только слепая ярость, разум исчез. Голодные, измученные бойцы пытались изобразить атаку и идти на вторую траншею.

Опять маты, побои... И хоть вёл себя Анатолий осмысленно, передвигался перебежками от укрытия к укрытию, прицеливался, стрелял, казалось, даже попадал, – в общем, вёл себя как обстрелянный солдат, и от взрывов не шарахался, но опять попал под приклад лейтенанта, который шарахнул его, когда он задержался над первым убитым его же штыком немцем, и побежал вперёд. Руки Анатолия до судороги стиснули винтовку, и уже помимо его воли прозвучал выстрел, скосивший ненавистного лейтенанта.

Особисты арестовали его, едва утихла стрельба. Анатолий беззвучно сидел на краю воронки, рядом лежала винтовка с по-

черневшим от крови штыком. Чрезвычайная комиссия в течение пятнадцати минут вынесла приговор: высшая мера, привести в исполнение немедленно.

Анатолия отвели к леску, росшему вдоль дороги на краю торфяного поля. Невдалеке грохотали орудия, передний край отодвигался в сторону Львова, по дороге сплошным потоком двигались «студебеккеры», «виллисы», подкатилась чёрная легковая машина.

«Наверное, начальство, – подумал Анатолий. – Хоть бы подалее отвели от дороги, прямо на виду расстреляют, скорей бы».

Из блестящего «Газа» вышел командир со сверкающими на кителе орденами. Офицер расстрельной команды подобострастно подбежал к нему для доклада. Маршал Конев – а это был именно он, тот самый «Генерал Вперёд», боготворимый бойцами, – сел в машину, и машина свернула к штабу. Офицер скомандовал бойцам, и Анатолия повели назад к штабу, где офицеры чрезвычайной комиссии стояли навтыяжку перед маршалом и объясняли произошедшее.

Он не отчитывал, он только спросил:

– Сколь лет мальчишке? – и, услышав: «семнадцать», сцепил до хруста руки, и так же спокойно спросил:

– Может, это вы за них, за этих пацанов, порушенную страну заново строить начнёте? Понимаю, что виноват. Первый бой, потерял голову, но ведь не бежал, сами объясняете, что с убитого немца его забрали... – и уже со злостью добавил:

– Там что, в ваших распоряжениях, – одна мера наказания? Что, нельзя наказать так, чтобы и внукам приказал, но жить оставить? – и пошёл к машине.

Опять начался недолгий судебный разбор, и теперь ошалевшему от последних событий Анатолию определили срок в двадцать пять долгих северных лет.

Конвоиры, пропихнувшись к Анатолию, с жалостью наперебой объясняли – мол, жив будешь, и не так страшен чёрт, и по двадцать пять лет четверть России отсидела. Главное – живой!

Видя, что он почти ничего не соображает, пытались объяснить ему на пальцах, подсчитывая года. Так и увели его, не до конца осознавшего, что произошло и что «Генерал Вперёд» отвёл от него смерть.

А дальше – пересылки, «столыпины», периметр и захлёбывающиеся от злости овчарки северных лагерей. Двадцать три дол-

гих года. Как он их пережил? Он был совсем не похож на выходцев сегодняшних тюрем, как они себя называют, – «сидельцев». Может, это был другой человек, а может, время было другое? Люди его уважали, и он дорожил этим уважением.

Уехав в командировку, он только один раз вернулся за нехитрыми пожитками, и уехал, тепло попрощавшись со всеми нами, хоть ненадолго, но ставшими его семьёй.

Глава 7. Перелом

В конце июля мы скосили и собрали сено со всех ближних покосов, и всё дальше уезжали от табора. Обед зачастую подвозили, или брали с собой. Основной работой было – сметать сено в стога. Кошенины было много, и копны я таскал непрерывно. Делалось это так: толстой верёвкой, диаметром 25-30 миллиметров, закреплённой за одну петлю хомута лошади, обводилась по кругу копна, и другой конец верёвки закреплялся за вторую петлю хомута. Верёвка подбивалась под копну, натягивалась, и – «Но!... Поехали, родная Арктика!».

Копна скользила по кошенине и ехала к формирующемуся стогу сена.

Подтащив копну, я освобождал один конец верёвки, и она свободно вытягивалась за конец, так мы шли к следующей копне.

К обеду Шурик привёз термос с наваристым борщом и гречку с мясом, да вот досада – хлеб забыл. Как всегда, молодым у нас везде дорога, и я, сняв хомут с Арктики, поскакал к табору. Валентина положила в сумку нарезанный хлеб, и я, держа сумку одной рукой а другой – повод, поскакал назад. Не очень удобно скакать с сумкой в руке на лошади без седла, да и, как оказалось, опасно. Недалеко от стана, где обедали сенокосчики, прямо из-под ног Арктики выскочила лиса! Арктика резко, почти под 90 градусов, сделала поворот и понесла в кусты тальника. Силой инерции меня сразу свернуло набок. Стремян не было, и удержаться было невозможно, а когда Арктика врезалась с перепугу в тальники, меня и вовсе оторвало от коня и бросило на землю. Кувыркнувшись раза три, я рассёк обо что-то руку и набил синяков где только можно. Поднявшись, подошёл к сумке. Хлеб был

помят, будто кто-то сел на него. Делать нечего – поднял сумку и пошёл к сенокосчикам. В конце тальниковой релки хрумкала трава моя Арктика.

«Вот сволочь, – подумал я, – хозяйина сбросила и жрёт себе преспокойно, а хозяин ещё не ел».

Подхватил поводья, и так мы вскоре подошли к обедающим. Почти все поели, не дожидаясь хлеба, и отдохали в тени. Больше всех хлеба хотел, конечно, дед, куда в него, такого худого, столько лезло. Увидев помятый хлеб, он не стал слушать моих объяснений, не смягчило его заступничество сенокосчиков и моя рассеченная рука. На матюгах он объяснил мне, что я плохой, плохо ухаживаю за лошадью, потому она и шарахается из стороны в сторону, и нечего жрать, идите себе на пару копны таскать. И это без обеда.

Кое-как стерпев эту несправедливость, я повёл Арктику к копнам.

Сенокосчики уже поднялись и начали вершить стог. Костя рубил тальниковые наверхья, а дед вилами обдёргивал стог, придавая ему форму. Я подтащил копну, отвязал верёвку, и тут дед опять заорал:

– Давай шевелись, видишь, на наверхье сена не хватает, давай бегом.

Сена вообще-то хватало, но я бегом рванул к следующей копне, таща за собой коня, и сразу захлестнул верёвку вокруг копны, сам оказавшись внутри верёвочного круга. Обученная Арктика машинально натянула верёвку и начала поворачиваться по направлению к стогу. Ненужная дедовская суета передалась и ей. Когда она поворачивалась, я уже не успевал выскочить из верёвочного круга, крупом она давила на меня, а верёвка, натянувшись, подрезала мои, да и её ноги, и она начала валиться на меня. Сенокосчики это сразу увидели и рванули в нашу сторону.

Как в замедленной съёмке, Арктика валилась на меня, и вскоре всей своей огромной тушей придавила меня к земле.

Когда лошадь падает на бок всем телом, она очень часто переворачивается через спину на другой бок и встаёт. Если бы это случилось, она бы убила меня, просто смяла бы.

Дед, воткнув вилы в землю, крикнул Шурику:

– За повод её бери, за повод!

Шурик знал, что делать, он осторожно взял повод и ухватил Арктику за гриву, начал ласково приговаривать:

– Вставай, родная, вставай, милая.

Арктика начала осторожно подниматься, тело её дрожало от напряжения – я чувствовал это, она боялась причинить мне боль и встала так аккуратно, что не задела меня.

Я с помощью Шурика поднялся. Дышать было нечем. Арктика осторожно переступила через верёвки и положила голову мне на плечо – жалела.

– Ну вот, язви тебя в дышло, неча рот разевать, первый раз, что ли? – разразился дед, но, увидев мой взгляд, решил уйти по-доброму-поздорову.

А меня уже заклинило: лошадь жалеет, а тут дед... Сволочь, прибью! Схватив его вилы наперевес, я побежал за дедом. Он всё видел, и рванул бежать. Мужики кинулись ко мне.

Шелест кричал:

– Стой, Володя, стой, о матери подумай!

Ничего я не думал, ненависть ослепила и оглушила меня, но не восстановившееся дыхание подвело. От бега я просто задохнулся и упал.

Очнулся от брызг воды на лицо, это Шурик брызгал на меня водой из чайника. Вся бригада вместе с дедом собралась вокруг меня. Дыхание возвращалось.

– Ну, слава богу, очнулся. Ты, это... не пугай меня так, – каким-то скорбным голосом произнёс дед.

На волокуше меня довезли до табора, и Валентина, осмотрев опухший бок и руку, вынесла вердикт:

– Надо показать врачу.

Дед махнул рукой и скорее – Шурику:

– Вези. Если ушибся – заживёт, даю неделю на поправку.

Через неделю я не вернулся. Попросили Толяна, и он работал почти весь август. Мне же прописали покой, замотали накрепко бинтами: одно ребро всё-таки сломалось, была небольшая трещина и на левой руке, она, кстати, беспокоила больше всего.

Вот так закончились мои трудовые летние каникулы. Скорее, не каникулы, а долгие проводы беззаботного детства и входа во взрослую жизнь. В деревне, как я говорил, дети рано взрослеют.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

Глава 1. С Толяном

Пятый класс мы заканчивали в интернате соседнего села, так как в нашем была лишь начальная школа, а восьмилетняя только была заложена и ударно строилась местной бригадой строителей. Село располагалось на берегу Амура, и всё, что происходило на реке, ученики наблюдали из окон: ледоход, первый пароход, баржи и низко летящие над Амуром косяки гусей и уток. Учеников из Решающего, так называлось наше село, освободили от отработки на приусадебном школьном участке, и мы, собравшись все вместе, обошли пешком прилегающий с восточной стороны большой залив и вышли к дороге, где нас ждала бортовая машина, автобусов раньше не было.

Место, куда мы вышли, называлось «перетаск» – это был довольно узкий перешеек земли между двумя заливами, через который в большую воду перетаскивали лодки. Сам перешеек от «перетаска» расширялся и выходил крутым берегом к Чкаловской протоке, соединяющей заливы с Амуром. Место это было довольно обширное, и на нём бойко работал завод по распиловке и заготовке шпалы. Это был государственный заказ под железную дорогу на Сахалин, сюда лесовозы по лежнёвой дороге привозили лес, а на заводе распускали его на шпалы, которые ровными штабелями ожидали погрузки на баржи. Вокруг возвышались огромные кучи опилок, стучал натужно дизель электростанции и истошно верещала циркулярная пила, отхватывая очередную шпалу. Баржи подходили к крутому берегу, и к ним по покатам скатывали шпалы. Раньше так же грузили на баржи дрова для пароходов и первый заготовленный на Решающем кирпич. Отсюда и вся эта местность от «перетаска» называлась «кирпичный участок». Ко всему этому хозяйству вдоль залива по богатейшим голубичным ягодникам была проложена дорога из брёвен, сшитых между собой железными скобами в мостки, и называлась «лежнёвой дорогой»,

или попросту «лежнёвкой». Вот по ней и возили на «ЗИСах» лес на шпалорезку. Удивительно долго служила эта дорога, её периодически ремонтировали, и вновь возили лес и людей на работу.

Домой мы пришли после обеда, и ко мне тут же прибежал друг Анатолий, сын дяди Володи Павлова. Тот, в свою очередь, дружил с моим отцом, а точнее – дружили семьями.

– Ты знаешь, сегодня мой отец, Трошин, Нименуший и дядя Петя Колодочкин собрались ехать на луга в бывший посёлок Дарманга, порыбачить и уток пострелять. В Дарманге же твой дед управляет, вот отец и говорит: если ты поедешь, чтобы за нами присмотр был, то он нас возьмёт с собой, а то им будет не до нас, – выпалил он с порога.

Дед Павел действительно был в Дарманге старшим. Он был ветеринаром, наблюдал за жеребятами и лечил их по мере необходимости. Жеребят было много, и для догляду за ними в конюшне стояло два верховых коня. Уговорив маму – ведь еду к деду не один, иначе не отпустила бы, – мы начали свои нехитрые сборы, и вскоре на двух лодках отправились на другой берег Амура. Погода стояла прекрасная, и мы не спеша под стук маломощных моторов пересекали реку.

Я много читал о великих реках, но если говорить серьёзно, то говорил бы только о Лене и Амуре. Эти реки по-настоящему великие. Наше село расположено чуть ниже среднего течения, и я сам лично и не один раз пересекал Амур на снегоходе «Буран» и на дежурных вахтовках при вывозе леса, так вот, по спидометру ширина Амура напротив Быстринска – 12 километров! Двенадцать! Только мужественные люди смогли разведать и заселить эти места.

Вскоре мы прибыли, и сразу поняли, почему всем охотникам будет не до нас – из каждой лодки достали по полмешка водки.

Да, дела!

Веселье началось сразу, как только водку донесли до дома. Наши охотники не были пьяницами, но как удержаться вдали от семьи и забот? Свобода бежала по венам мужиков, ну как тут не выпить? За свободу и волку?

Мы с Толяном осмотрели всё в округе: первым к протоке стоял ледник, забитый до половины льдом, поверху было расстелено сено,

далее была кузница и станок для ковки лошадей. Между ними стояли конные грабли, сенокосилки, резки для травы – видно, их собрали здесь для ремонта. Дальше была большая конюшня с сеновалом и загоном, а влево несколько домиков, оставшихся от прежних хозяев. Село в наводнение расселили, а вот кое-какое жильё осталось. В поисках применения своей энергии, а вернее, чтобы избежать: «принеси то, подай это», мы осмотрели оморочку, взяли пару небольших сетей и поставили их тут же, недалеко от домов, на слиянии двух протоков.

Когда крепили к берегу сеть, Анатолий поднялся наверх по береговому уклону и обомлел: вдоль протоки тянулись два небольших озёрка, буквально рябивших от рыбы. Озёра были заливные, вода после ледохода отошла, проход из озёр обмелел и закрылся, а рыба осталась в озёрах.

– Тащи весло! – крикнул он мне.

Я принёс весло, и он наотмашь ударил ребром весла по воде. Воды было меньше чем по колено, и с первых ударов мы подняли штук пять довольно больших щук. Решили, что на сегодня хватит, подъехали к домам и выложили рыбу в ледник. В доме стоял гул от разговоров, и мы решили не заходить в него, а пошли копать червей и настраивать лежащие на берегу удочки.

Клевать стало сразу, и мы тут же поймали с десятков карасей. Пора было и подкрепиться, и мы пошли в дом, положив перед этим карасей на лёд. Мужики наши уже не пили – уже не лезло, но поочерёдно собирались на «вечёрку» – вечерний перелёт уток. Толян стал шутейно задирать отца:

– Ага, сейчас пойдёшь ты. Ты идти-то сможешь?

– Кто, я? Да я сейчас покажу, как стрелять надо.

И вся компания с ружьями пошла во двор.

Раньше в Дарманге был совхоз, сеяли зерновые, и утка по привычке летела на озёра между полей, в общем стреляй – не хочу! Но в первый день начали стрелять по бутылкам.

– Ну и зачем ты их вытащил? – спросил я Толяна. – Патроны пожгут и всё.

– Так нам это и надо, – зашептал он.

Из всех ружейных запасов у нас было только полбанки бездымного пороха да пара горстей дроби, проще сказать – ничего. Сообращалка у Толяна работала, рассчитал он всё верно. Расстреляв все

бутылки, охотники угомонились и пошли допивать, побросав всё своё снаряжение где попало.

И тут мы начали натуральный грабёж.

А что было делать? Хоть нам и было по двенадцать лет, а пострелять хотелось посильнее, чем сохранить совесть. Из каждого патронташа мы по-честному изъяли по две-три гильзы и по одному целому патрону, отсыпали капсюлей в спичечный коробок и немного рубленых из валенка пыжей.

Охотники наши давно угомонились, дед каждому определил место, нас загнал на сеновал.

– Что дальше-то? – спросил я у Анатолия.

– А дальше вот что, – ответил он. – Утром охотники пойдут на перелёт, мы за это время зарядим патроны, они придут, похмелятся и лягут спать. Мы берём ружья и идём на озёра.

– А если попадёмся?

– Они, как проснутся, будут сети ставить, рыбы-то у них нет, а у нас и в леднике есть, и сетки проверим, и удочки насторожены, вот и не за что нас ругать будет. Если что, скажем: мы вам рыбу добыли, не убивать же нас за десяток патронов.

Да, варила голова у Толяна, всё просчитал. Так и получилось.

Охотники утром ушли на «зорьку» – так называют утренний перелёт, а мы сели за снаряжение патронов, а потом побежали проверять удочки и сети – улов был отменный и разнообразный. Мы уже застелили рыбой весь лёд, и опять закрыли сеном. Вскоре пришли охотники с небогатыми трофеями – по одной, по две утки, поели, выпили и завалились спать.

Деда тоже не было, он с помощником погнал коней на пастбище, и, схватив ружья, мы рванули к озёрам. Ружья взяли осмотрительно: Анатолий – ружьё отца, а я дедовскую двустволку шестнадцатого калибра. Ружьё, как говорится, было уже древнее, хотя я знал, что у деда есть каким-то способом привезённая с войны «бельгийка» – ружьё замечательной красоты и боя.

Сначала нам не везло: истратили по два патрона, но ничего не убили. А вот когда возвращались, подняли пару гусей, и они пошли над озером и прямо на Толяна. Расстояние было мизерным, и он с первого же выстрела сбил гуся, который упал неподалёку и начал бить крылом по прошлогодней сухой траве, так

что пыль и трава летели по сторонам. Гусь – птица сильная, и Толян пришлось добить его. Уже на подходе к становищу повезло и мне: я увидел из-за рёпочки маленький табун кряковых уток и, выскочив, ударил по поднимающимся уткам, одна осталась на воде. Итак, в остатке по одному патрону, надо что-то придумать. С этими мыслями мы крадучись вернули ружья на место и пошли к берегу, откуда слышались голоса. Охотники занимались сетями, спорили, где и что перегородить, строили какие-то фантастические планы, словно хотели наловить рыбы на весь леспромхоз.

Сразу скажу, что всё, что они наловили, можно было зараз съесть.

Тут к берегу «верхами» подъехал дед и посоветовал:

– Вы сейчас больше удочками наловите или палками в ушедших озёрах набьёте, вода-то падает, рыба уже почти ушла. Вон пацаны правильно сеть поставили на слияние двух проток, неужто ничего не поймали?

Мы молчали, да нас никто в расчёт и не принимал.

Вечером охотники подрасстрелялись и уже добыли по две-три утки, дядя Петя подстрелил гуся. Он, как и Толян, прыгал от радости: не так просто взять в наших местах гуся. Пойменная низина, и гусь летит очень высоко. Помогает только случай.

Глава 2. Патронташ

Прошла ещё одна ночь, и охотники засобирались домой – водка кончилась, да и на работу пора. В сетках, как я и говорил, почти ничего не было, и они сняли те, что поставили мы с Толяном. Улов делили тут же на берегу, забрали уток из ледника, начали грузить вещи. Тут мы не выдержали:

– Да вы хоть бы сено в леднике сложили после себя, одним днём живёте.

Хотели мы преподнести сюрприз, но получилось то, чего мы не ожидали.

Нехотя к леднику направился Трошин, за ним Нименуций. Через минуту они выскочили к лодкам, похватили пустые мешки и побежали к леднику.

Дядя Володя спросил Толяна:

– А что там?

– Да рыбы мы с Вовкой изрядно наловили, ну и гуся я подбил, а Вовка крякаша.

– Так, понятно, эй, любезные, а ну, порядок соблюдайте! – крикнул он.

Те двое стали вытаскивать мешки с рыбой: шесть почти полных мешков.

– Да тут всем хватит.

– Эх, дать бы тебе по сопатке, – сказал дядя Володя. – Пацаны ловили, а вы накинудись, как барыги.

Рыбу поделили, куда-то при этом исчез и мой крякаш.

Окончание охоты расстроило нас с Толяном не охотой, а делёжкой. Не помню по жизни, чтобы Толян кого-то обделил.

Подошедший дед Павел сказал мужикам:

– Вы поезжайте, а послезавтра придет Шурик с продуктами, я Володьку и отправлю.

Лодки ушли, а мы с дедом дошли до дома и сели на крыльцо.

Дед скрутил самокрутку, задымил махоркой и сказал как бы сам себе:

– Эх, жизнь! Ты, это, не переживай, утки по вечеру прямо над домом носятся. Неси-ка ружьё, да на окне в коробке возьми пару патронов.

Я принёс ружьё, и дед сразу определил:

– С ружья стреляли. Ты? Почему без спросу?

– Так ты бы не дал, я ж для вас всё маленький, – обиженно ответил я.

– Хорошо хоть не врешь, – сказал дед и, мгновенно вскинув ружьё, выстрелил по налетевшему косяку уток.

Одна утка, кувыркнувшись, упала в траву, и я побежал за ней. Подняв утку, увидел, что дед собирается уходить, я крикнул ему:

– А ты что ещё раз не стрелял, может, и вторую сбил бы?

Дед остановился и с недоумением поглядел на меня:

– Зачем нам две? Одну бы съесть. Сейчас готовить будем.

Пока готовили ужин, он спросил:

– Где патроны взяли?

Я честно всё рассказал и выложил коробку с пустыми гильзами и одним снаряжённым патроном.

Дед отмолчался.

Рано утром он разбудил меня и погнал быстренько умываться. Затем попили чаю и пошли к лошадям, нужно было посмотреть по дальним покосам всходы трав и много чего, в чём сообщал только дед.

Выехали верхами, у деда через плечо висело ружьё, и начал он рассказывать мне, как с ним обращаться и как целиться, в общем, оказалось – целая наука.

Меня всё подмывало задать вопрос про вчерашний выстрел, и наконец я не выдержал:

– Дед, а ты вчера тоже так целился, как говоришь, или в стаю стрелял? А если бы вторым выстрелил?

– Ну, во-первых, я стрелял конкретно в первую утку, как правило, это селезень. Если бы выстрелил второй раз, сбил бы ещё одну, только зачем это? Уж коли взял ружьё, то стреляй в цель, а не жги без дела патрон, как эти липовые охотники. Насмотрелся я в своё время на них. Так, говорить закончили, бери ружьё, будем учиться. Вон за тем бугром озеро. Там всегда утки, вот тебе два патрона. Добудешь одну утку – получишь опять два патрона, не добудешь – получишь один патрон. И так далее. Всё понял?

Чего уж тут не понять. Я передал повод деду, взял ружьё и крадучись отправился к озеру. Осторожно приподнявшись, увидел уток – четыре штуки, уже хорошо, и по траве пополз к озеру...

Дядька мой Шурик не приехал, и я ползал каждый день к озёрам. Было у меня и по три патрона, и по одному. Однажды пришлось зарядить патрон рублеными гвоздями. Порох-то остался, а дробь не было. Исползал я на животе все озёра в округе, хотя вряд ли все: уж больно много их было. Одежда превращалась в лохмотья, дед только подшучивал надо мной, а во мне разгорелся какой-то нездоровый азарт. Дед и здесь вовремя увидел это.

– Знаешь, почему ты сам недоволен собой? – спросил он меня, и сам ответил: – Ты сильно спешишь. Ты свои эмоции перемешиваешь с выстрелом. Это в принципе не должно быть, мыслей не должно быть. Во время выстрела ты ничего не должен слышать. Только цель, прицел, спуск. И всё!

В субботу мы пошли к конюшне, и на озере за конюшней я увидел четырёх уток.

– Дед, я пошёл, – и пополз к уткам.

К озеру подходила низина, вся покрытая кочками. Между кочками выступала вода, но я упорно полз к озеру, долго и осторожно. Пока дополз, вымок полностью. Вскоре увидел уток, прицелился, но не стрелял – не было дедовского «и всё!». Десяток раз я поднимал ружьё и приказывал себе: «Спокойно». Утки расплывались в стороны, сплывались опять, и уже когда я всё-таки решил стрелять, они начали набирать скорость для взлёта, выстроились в одну линию. Вот здесь и пришло то спокойствие. Я выстрелил. Все четыре утки лежали на воде. Всё было как-то обыденно. Я повернулся к конюшне, на пригоне стояли дядя Шурик, Николай (помощник деда) и Валентина, молодая сестра моей мамы. Они махали мне руками и кричали. Я подобрал уток и подошёл к ним. Дед шёл от домика и нёс в руках полный патронташ. В каждую ячейку был вставлен патрон.

– Держи! – сказал дед. – Заслужил. Охотник.

Охотнику в ту пору только что исполнилось двенадцать лет.

К вечеру опять приехали охотники, опять было веселье. А на рассвете мы с Толяном уже шагали к озёрам, и у нас был целый патронташ патронов и два наполовину высохших озера, полных рыбы. Мы были рады встрече, весело болтали, а потом, не советуясь, просто расстреляли эти патроны по найденной старой ржавой банке. И не хотелось ни рыбы, ни уток.

Можно это расписать высокопарно, но сдаётся мне, что тот день был просто днём счастливого детства. Трудного, но счастливого.

КАК МЫ РЫБУ ГЛУШИЛИ

До сих пор поражаюсь мальчишечьей предприимчивости. В деревне дети быстро взрослеют, а уж кто с трудностями сталкивался, те и вовсе самостоятельными к 14-15 годам становятся. В эти годы мы и на охоту ходили, не на медведя, конечно, по водоплавающей дичи в основном, рыбачили тоже успешно. В общем, имели доступ ко всем серьёзным вещам: оружие, сети, лодки и своё бедненькое снаряжение, благодаря чему всегда были с прибытком. А как-то летом привалил нам фарт. Вот как мы с ним распорядились и что из этого вышло, я и хочу рассказать в этом повествовании.

В лето, кажется, 67 года начался недалеко от посёлка пожар. Пожары тогда тушили, как говорится, всеми имеющимися средствами и людьми. Для тушения останавливали производство и всех до единого людей мобилизовывали на пожар. Вся техника безоговорочно задействовалась на пожаре. В соседнем селе стоял пожарный авиаотряд со своим самолётом и лётчиком-наблюдателем. В общем, действовали быстро и решительно, а потому не разрастались тогда пожары до сегодняшних невиданных размеров, когда пожару дают всю разойтись, потом, не единожды посоветовавшись, великое районное руководство решит, какими средствами тушить и сколько из этого можно будет украсть народных денег, прикажет потушить пожар. Но и после этого не начнут. Пожар-то разгорается, средств нужно больше, а потому обратятся в Москву за помощью, и с осенними дождями победно затушат пожар.

Когда только загорелось, прилетел самолёт, скинул три тюка на марь, и следом туда поехали специалисты из пожарного отряда и начали грузиться в машины рабочие леспромхоза с лопатами и мотопилами. Туда же загрохотал и бульдозер, нарезаая ровные полоски плашками гусениц по грунтовой дороге. Мальчишкам всегда нужно быть первыми, а в тот раз у моего дома стоял новенький «Иж», который дядя Александр дал мне на часик прокатиться, и мы с другом-одноклассником Анатолием рванули к пожару.

Ехать было недалеко, и, когда мы приехали, то увидели, как пожарники из авиаотряда растягивали кабельную взрывчатку по кромке пожара, местами обкладывая её круглыми шашками аммонита.

Народ уже суетился вокруг возгорания, и каждый занимался своим делом.

К нам подошёл наш товарищ Виктор Емелин (или просто Емеля), он уже год как работал, оставив школу, так как был старше нас. Сначала он отвёл Анатолия в сторону и о чём-то шептался с ним, затем они подошли ко мне оба, и Виктор сказал:

– Выручай, нужен мотоцикл на десять минут – доехать до посёлка и назад. С пожарного авиаотряда техник-взрывник просит, они в машине детонаторы забыли, а через 15 минут намечен взрыв, не успеют до машин добежать.

– Меня же прибьют, если увидят, – попытался оправдаться я.

– Да мы в посёлок даже заезжать не будем, вон, до машины и назад, да и тебя отблагодарим, – уговаривал Емеля.

– Ладно, езжай, – сказал я и отдал ключ.

Действительно, через 10 минут они были на месте, у техника из обоих карманов торчали горлышки бутылок.

– Так вот зачем вы ездили! – возмутился я.

– Не кипи! – сказал Емеля. – Вечером всё увидишь.

Нас тут же отогнали от зоны взрыва, и через несколько минут ленточный взрыв пробил в редколесье минеральную полосу, которую подправили местами лопатами, где-то деревья спилили, и бульдозер довершил работу. Встречный пал, пущенный навстречу от минеральной полосы, добил пожар.

Вечером, когда стемнело, под окном раздался свист, и, выйдя во двор дома, я увидел Емелю с коробкой в руках:

– Держи, это твоё.

Я открыл коробку и обомлел: она доверху была набита шашками взрывчатки «Аммонит» по 200 граммов и 400, в углу ящика лежала деревянная коробочка-пенал и, как бечёвка, лежал скрученный запальный шнур.

– Ты чего, сдурел? Что я с этим буду делать? – возмутился я.

– Да ты не дрейфь, всегда пригодится. Смотри! – и он показал, как надрезать шнур, как вставлять детонатор. – Отрезаешь шнур сантиметров двадцать – значит, взрыв через 20 секунд. Десять сантиметров, значит, десять секунд – рыбу глушить просто классно. Короче, я пошёл: пацан сказал – пацан сделал. Это твоя половина.

Оказалось, моя половина весом в 10 кг! Куда же её прятать? Ведь наверняка сухое место надо. И я полез на чердак. Как я был наивен: 10 кг аммонита над головой, наверное, и сумасшедший не стал бы прятать. Лет через десять, уже после возвращения с флота, когда у нас уже были семьи и мы собрались семьями с Емелей за праздничным столом, я спросил его:

– Что это за фортель ты выкинул со взрывчаткой?

Уже изрядно подвыпивший, он честно признался:

– Да попросил тогда взрывотехник опохмелиться, я-то уже работал, хотел взрослым казаться, ну и повёлся. Отец же в самом крайнем доме живёт, где у него водка стоит, я знал, вот и съездил по-быстрому, а ящик у него за машиной в лесочке спрятан был. Я вечером открыл его и испугался, побежал к тебе и весь отдал.

– Ты же говорил – половина.

– Да какая половина, меня тогда, честно говоря, трясти начало и заикаться стал, вот и отдал тебе, – продолжал он.

А ведь точно, он тогда заикался и сбежал сразу, но это было после, а тогда нужно было срочно куда-то пристроить аммонит, и утром я помчался к Толяну:

– Поехали сеть ставить, вроде как горбуша подошла.

Это, наверное, единственное, чем его можно было сманить без возражений – рыбалка. Рыбачить он готов был в любую погоду: зимой, летом, в общем, без разницы, где и когда. Да, впрочем, и сейчас, когда далеко за 60, рыбалка остаётся его любимым делом.

Мы быстренько собрались и поехали. На корме ровно урчал мотор «Москва», и мы довольно быстро добрались до улова у острова Чкаловск и поставили сеть.

Подъехав к острову, выставили палатку, вскипятили чай в котелке и почаёвничали.

Что может быть вкуснее чая из походного задымлённого котелка с запахом дыма и полевой мяты?

В протоке весело плескалась рыба, а на перекате возле третьего залива, напротив которого мы расположились, гуляла здоровенная, наверное, рыбина, потому что мелочь от неё шарahalась так, что вылетала из воды и, блеснув серебром, опять уходила под воду.

– Слышь, Толян, а может, глушанём? – спросил я.

Он непонимающе смотрел на меня.

– Помнишь, на пожар ездили и я мотоцикл давал? Так Емеля привёз.

И я полез вытаскивать из кубрика лодки сложенную в коробку взрывчатку. Взял я с собой пять килограмм аммониту, шнур и детонатор.

– Ни фиги себе. Что, мы сразу всё рванём? – спросил Анатолий. Не знали мы силы взрывчатки, а потому я ответил:

– А что, давай, чтобы наверняка.

Мы принялись сооружать бомбу, хотели обмотать шашки изолентой, да где ж её столько набрать? Изолента в те времена была дефицитом.

Побродив по берегу – там на рыбалку много разного народа останавливалось, – Анатолий нашёл здоровую жестяную банку, то ли из-под сухого молока, то ли из-под томатной пасты. Видно, кто-то под котелок хотел приспособить. Вот в неё мы и сложили аммонит, и как могли заделали крышку, в которой пробили отвёрткой дырку и вставили детонатор со шнуром. Все дырки помазали гудроном и сели перекурить.

Получилась у нас ладная работа, всё аккуратно.

Анатолий пошёл к мотору:

– Ты, это, давай сам, я лучше порую, – и завёл мотор.

Мы выехали из заливчика и направились к перекрёстку, спички я держал наготове. На перекате Анатолий сбросил обороты, а я зажёл шнур и выкинул бомбу за борт.

– Давай газу, уходим! – закричал я Толяну. – Через 20 секунд жажнет!

Толян добавил оборотов, и лодка стремительно пошла вниз по течению, туда, где мы предполагали собирать глушёную рыбу. Я внимательно наблюдал за нашим смертоносным изделием. Сволочь бомба, она при своём весе не утонула, и то уходила под воду, то опять всплывала, пуская дымки. 25, 26, 27 – считал я... Взрыва не было.

То ли от волнения насчитал 40 секунд, то ли адская машина не сработала. Анатолий развернул лодку и, постепенно добавляя газу, направил лодку на то место, где недавно дымила бомба. Я замахал руками и закричал:

– Стой, стой, а вдруг?..

Он резко скинул обороты, но моего «вдруг» не услышал.

Впереди лодки, метрах в шести-семи взметнулся в небо столб воды, казалось, уши оторвались, остался только какой-то не проходящий звон в наших головах. Столб воды, падая, почти затопил нашу лодку и залил мотор.

Мокрые, ничего не слышащие, мы, в общем-то, быстро сообразили, что делать. Я взялся за вёсла, Анатолий колпаком с мотора выхлестывал воду из лодки. Лодка была дедова, деревянная, и это нас спасло. Добравшись до берега, подживили затухающий костёр и принялись сушить одежду. До позднего вечера приводили лодку и мотор в порядок, время от времени покручивая пальцами у виска, хохотали. Слух постепенно возвращался и приходило сознание, что могло быть с нами, не скинь Толян обороты. Нашли бы в лучшем случае обломки лодки, до того страшен был удар. Знать, не суждено было тогда нам распрощаться с жизнью.

Утром, пока подогревался чай, мы проверили сетку. Улов был отменный, но я всё ж таки спросил:

– А может, рванём?

Вроде шутка, но было уже не смешно.

Молча мы уехали в посёлок, так же молча разошлись по домам. Больше мы никогда не глушили рыбу. Остатки аммонита за-сунули в кучу земли на строительстве, и пришедший утром буль-дозерист разровнял это место под строящийся дом.

АМУРСКАЯ ИСТОРИЯ

Наш посёлок лесозаготовителей расположен у большого залива, выходящего в Амур, и естественно, что одним из главных занятий здесь всегда была рыбалка. Как говорится, у реки жить и ног не замочить? В прошлые годы, до медвежьей демократии, когда сынки озверевшей от наживы номенклатуры под охраной спецподразделений выгребали из Амура всё, что шевелилось, рыбы в Амуре, в заливах и протоках было полно. Бывало, брали и голыми руками – вода падала, и рыба оставалась на мелководьях. Никогда в те годы не брали рыбу без меры. Народу тогда по берегам Амура проживало раз в пять поболее, чем сейчас, и Амур кормил всех, всем хватало. С возрастом мы осваивали всё новые места и всё дальше уходили от посёлка. Деревенские ребяташки с малых лет занимались ловлей рыбы, все начинали с удочек и закидушек, но уже лет с 12-13 считали себя взрослыми и удочки расценивали как баловство и трату времени. Вот тогда и появилась необходимость в лодочных моторах и лодках. И уже не рыбацья удача была главной, а сети, лодки и моторы. Лодки и моторы держали несколько семей, первое и основное их предназначение было – сплав сена на спаренных кунгасах (больших смолёных лодках) с островных лугов на берег к посёлку. До сих пор при спуске из посёлка к берегу место называют «Сенная», туда подтягивали понтоны и плашкоуты с сеном и различными грузами с помощью катеров. Место было примечательно тем, что на берегу лежали два паровоза, снятые с нового, уже действующего участка железной дороги, почти от села Пульса до Верхней Осиповки, протяжённостью около 20 километров. Вся поселковая детвора играла на этих паровозах. Ребяташки, народ любознательный, первым делом обследовали топку, и всё удивлялись, как в такое маленькое отверстие зачихали героя Гражданской войны Сергея Лазо? Резали его, что ли? Тайна так и осталась неразгаданной.

Дорога к «Сенной» всегда была отвратительной. Глина, прорезанная автомобильными скатами в две глубокие колеи, по которым почти всегда стекала вода из подземного родника, размывалась в жидкую грязь. В засушливые времена года эта грязь

перемалывалась до состояния пыли и лежала толстым слоем по дороге. Ходить по пыли было одно удовольствие – мягко, ноги по щиколотку утопают в ласковой пыли, только идти нужно очень осторожно, иначе пыль поднимешь до самой головы. А потому те, кто имел лодку, предпочитали ездить по воде – хоть на вёслах, да в чистоте.

В нашей семье лодка была всегда, и мне по наследству от отца в 13 лет досталась она вместе с мотором ЛМ-1, мощностью в три лошадиных силы, прозываемым в народе «Аркашка». Мотор был прост, по сути, чуть сложнее кувалды, но был безотказным трудягой. Изначально я ездил на рыбалку с дедом. Мы заплывали выше Пульсов и бросали сеть. Пока плыли, подгрёбая, чтобы сеть шла кошелём, дед иногда что-нибудь рассказывал о прошлых временах. Вообще-то он был несловоохотлив и, как видно, мне, тогда ещё мальцу, просто боялся что-нибудь рассказать лишнее. Эхо репрессий смертельным ужасом висело над поколением наших дедов. Оказавшиеся не по своей воле в низовьях Амура в самом выходе в лиман и проживавшие первый год в песчаной норе-землянке, вырытой в прибрежных барханах, со стен которой постоянно сыпался песок, они с радостью восприняли весной 1936 года, известие что им можно вернуться в обжитые места. Вот про эти ранние годы, связанные с Амуром, рыбалкой и лодками, я и хочу рассказать в нескольких запомнившихся мне историях.

С ДЕДОМ НА РЫБАЛКУ

Как-то дед начал рассказывать про житьё в лимане, скорее, про цингу, поразившую их, и как они спасались отваром пихты.

– Как же вы там жили, неужели нечего было есть? – спросил я его.

– У самих-то ничего не было, потом, когда на путину стали ходить в Нижние Пронги, что-то появилось, а так, если бы не местные жители – нанайцы да гиляки, сдохли бы с голодухи. Они и рыбу давали, и сети чинить да вязать я у них научился. Одно слово, хороший народ, честный, работающий. Жаль, разбаловали их подачками, многие спились, слабые они на водку. В общем, жили дружно, так вроде и обживаться стали, хоть и тяжело было, – рассказывал дед. – А как разрешили уехать, так мы погрузили выкупленные халки (большие лодки для перевозки груза), подцепились за катер с баржой, который с рыбозавода вёз рыбу в Хабаровск, и потянулись вверх по течению. В начале июня уже прошли Больбинский утёс и стали присматриваться, где остановиться, уходило время посева огородов. Место выбирали на бугре, верстах в восьми выше Больбинского утёса, рядом с несколькими жилищами нанайцев. На бугре легче землянку вырыть, да и от капризов Амура уйти, уж очень сильно он иногда разливается.

Первым делом высадили прихваченный с собой посадочный картофель, и сразу начали рыть землянки, словом, обживаться. Место это сейчас называется «Точкой», там в войну стояла зенитная установка, так и звали «военная точка». Колодец, что у нижнего дома Киселёвых, мы еще тогда вырыли, и землянка наша была в метрах 25 от колодца. Посёлок называли Быстрянк.

– А почему Быстрянк? Ведь сейчас называют Быстринск? – спросил я.

Дед продолжил:

– На Дону, где деды жили, станица называлась Усть-Быстрянская, хотели память сохранить, да не прижилось, написал кто-то в документах с ошибкой, да так и пошло, и начальству по нраву, пойдя потребуй возврата, так и возвернут подальше лимана. А вообще названий тут с западных областей хватает. Я вот в

Халани на Северском Донце родился, и тут Халан есть, Застрельщик есть, хоть здесь и другая легенда ходит, а всё же и там у нас Застрельщик есть, Татарский посёлок есть – и здесь выше Средней Дарманги тоже Татарский посёлок, возле Затона есть. Прибыли мы тогда семьями и начали накрепко обживать, места богатые: грибы, ягоды, дикоросы, рыба. После лимана нам здесь всё раем показалось, и с нанайцами сразу подружились, – продолжал дед.

– Так ты поэтому с дедом Самаром всегда разговариваешь? Он страшный, дети его побаиваются: всегда в плаще, чёрных очках и с палкой.

– Не только поэтому, я буду всегда благодарен местным аборигенам за их помощь, за бескорыстность. А дед Самар – он не страшный. Просто очень старый уже, если сыну 96 лет, сколько ж ему тогда? 115–120, не меньше, а он ещё сам ходит, что-то делает, а вот память у него хорошая. Он рассказывал, как жил в молодости в стойбище, у подножия утёса Быри (Хабаровский утёс), помнит, как начали строить военный пост Хабаровку, где потом вырос город Хабаровск, а капитан Яков Дьяченко был у него на первой свадьбе за почётного посажёного отца. Капитана он хорошо помнит, говорит, сильно хороший человек был, всем помогал, обо всех заботился. Когда там сильно шумно стало, Самар решил в низовья Амура податься, и капитан щедро одарил его: дал бязи, сукна, да мешок муки.

– Ну что, выбираем? – мы в неспешной беседе проплыли тень (заплыв) и начали выбирать сеть, в которой почти на каждом метре был осётр. Пока выпутали рыбу, подплыли к Быстринску. Тут же на берегу дед раздал большую половину улова – куда её столько, рыбы-то? – и мы пошли домой.

Воспоминания о Быстринске у меня всегда самые добрые, там какая-то особая аура. Может, потому, что место хорошее, а может, потому, что жил там самый добрый и мудрый человек – мой дед Акафий Силаевич.

ГОШКА И САНЬКА

В Решающий мы переехали в 1957 году, поселились в доме №1. Дом был новый, двухквартирный, как говорится, только что из-под топора. Вокруг дома везде валялись обрезки пиломатериала, заборов не было. Соседи уже заселились, и только я вышел во двор, как ко мне подбежал мальчик моего возраста и, задыхаясь, сказал: «Здорово, я Гошка». Так состоялось первое знакомство с соседями, которое, впрочем, тут же расширилось. К нам присоединился брат Гошки – Санька, который был старше нас на год с небольшим. Меня сразу же заинтересовал двор соседей – весь в обрезках, досках, стружке. Посреди этого кажущегося беспорядка стоял станок – зажим для работы настругом, прямо на стене дома висели лучковые пилы, наструги, буравы и центровки. Заведовал всем этим хозяйством дед Саньки и Гошки по имени Иов. Высокий, степенный, с большой седой бородой, он невольно вызывал уважение – этакий дядька Черномор из сказки. Ни одного дела не начинал, не перекрестившись. Тогда это вызывало удивление – на дворе социализм, атеизм, а тут дед крестится. Я ещё не знал, что сам был по нашим обычаям крещён в год, а тогда любопытство взяло верх, и я спросил: «Дедушка, а почему вы креститесь?».

То, что он ответил я запомнил на всю жизнь, хотя особого следа это не оставило, а зря.

– Нельзя жить без Бога в душе, а любое дело надо начинать с Божьей помощью, с молитвой, – глядя поверх моей головы, вроде как в никуда, ответил дед Иов.

Сколько его помню, он был всегда в работе, что-то пилил, строгал, сверлил, постукивал деревянным молоточком-киянкой. Возле него всегда копошился Гошка. Мы с Сашкой начали обзаводиться знакомыми, улица наша достраивалась и заселялась, а Гошку от дома не отпускали. Оказалось, этот славный мальчуган серьёзно болен – был у него порок сердца. Сейчас эти вещи лечат, а тогда это был не диагноз, а приговор. Вскоре заселились Едренкины, Нименуций, Карпенко, Борисовы, Гоцевы и Емелины. С нижней Осиповки приходили Петровы, Бибииков и Павлюченко. Образовались две компании: «нижнеосиповские» и «поселко-

вые». Не обходилось и без стычек – здесь Санька заправлял. Фамилия у него была Крень, и прозвали его созвучно «Кеша», вот он и нагонял страху на «нижнеосиповских». Даже когда было тепло, он ходил в шапке и зачастую носил с собой телогрейку. Облачившись в эти доспехи, взяв дубину в руки, он смело бросался в атаку. Как правило, пацаны постарше его разбегались, победа почти всегда была за нами.

Но самым главным нашим увлечением была рыбалка. Сначала ловили гольянов банками. Для этого увлекательного занятия нужен был кусочек ткани, в котором делалось отверстие, и ткань привязывалась на горловину банки, в банку крошили хлеб и отпускали в речку. Гольяны стайками бросались к хлебу через отверстие, пролезали в банку, а назад не успевали – мы их вовремя поднимали из воды и вытряхивали в ведёрко. Жареные гольяны, да ещё залитые сверху яйцом – вкуснотища. Ловили и раков, раньше их, как и вьюнов, под кочкарником, да и во всех укромных водяных ямках было очень много. Варили раков в ведре, пекли картошку, никогда в жизни не приходилось так беззаботно проводить время. Наверно, это и есть то самое счастливое детство. Единственное, что омрачало праздник жизни, – это болезнь Гошки, иногда он бледнел и начинал задыхаться и хрипеть. Нужно было быстро доводить его до дома, где бабушка укладывала его на кровать и он успокаивался.

А мы с Санькой рано освоили все окрестности, и хотя за деревню нас никто не пускал – вблизи всегда можно было встретить медведя, но к озеру мы ходили. У нас были сумки, сшитые из кирзы, в которых мы носили приманки, лески, грузила, крючки и все нехитрые рыбачьи премудрости. По народным приметам были оба жаворонками, то есть просыпались спозаранку, и сразу бежали к озеру. Поймать пять-шесть хороших лаптей-карасей было недолгим делом, и к завтраку в наших домах уже шкворчали на чугунных сковородах только что пойманные караси. Обычно по утрам раньше нас на озеро приходил только дед Бибилов, молчаливый, с курчавой бородой и усами. Он ловил рыбу с лодки. Мотора у него не было, и он на вёслах плавал по всему заливу. Самым уловистым местом был Татарский залив, но попали мы в него не скоро, а когда появилась у меня лодка. С лодкой было раз-

долье – куда хочу, туда и еду. Чисто греби себе и греби, и медведя не встретишь.

Надо сказать, что первые годы жили мы очень тяжело – обустройство на новом месте, корчёвка огородов, а тут случилось несчастье. Под Шаманом, где отец работал мастером лесозаготовок, случился пожар, и всё имущество нашей семьи описали, или, попросту сказать, – отобрали. И хоть отец не был виноват в пожаре, он был ответственным подотчётным лицом, и его осудили. По прошествии времени я, конечно, узнал, кто поджёг лес, но это уже не могло ничего изменить. А тогда наша детская рыбалка, сбор черемши, грибов и ягод были хорошим подспорьем, и мы с Санькой не вылезали с залива.

Всё лето мы проводили в делах – в заготовках, походах и рыбалке. Так продолжалось несколько лет, пока Санька не уехал учиться в Комсомольск. Вроде недавно это было, ан нет, почти 60 лет уже прошло, но дружба наша не увяла, мы и по сегодняшний день встречаемся и сохраняем наши отношения. Детская дружба – она самая крепкая.

ПОЖАР НА ТАТАРСКОМ

В один из весенних дней мы с Санькой поднялись пораньше, только стало рассветать, и отправились к лодке. На этот раз нашей целью был третий залив, в котором раньше был посёлок, а теперь уж давно никто и не проживал. Всё заросло, место было диким и неизведанным, и, по нашим разумениям, рыбы в этом заливе должно было быть немеряно.

Загрузившись в лодку, мы на вёслах двинулись в путь. Уже рассвело, начиналось утро. При подходе к эстакаде я сидел на корме лодки, и у меня был хороший обзор. Я увидел впереди дым. Похоже, что-то горело на берегу Татарского залива. Похаживали туда рыбаки, особенно из вербованных приезжих – хоть и далековато, зато всегда с уловом придёшь. Как видно, оставили костёр, ветерок и раздул его. Огонь перекинулся на траву и опавшую листву, и по крутому спуску пополз в лес, охватывая молодые ёлочки яркими факелами.

Махнув рукой в сторону пожара – Санька греб на веслах, – я спросил:

– Что делать будем? Пожар небольшой, скоро рабочие на эстакаду придут, сами потушат. Или тушить начнём?

А Санька между тем уже поворачивал лодку и с усилием грёб.

– Тушить будем. Пока рабочие раскочаются, огонь неизвестно куда убежать может, – с придыханьем сказал Санька, налегая на вёсла.

Тушить-то мы рванули, только вот не подумали, чем тушить. Пожар раскинулся уже километра на полтора, хорошо хоть ветра не было. Мне много пришлось тушить таёжных пожаров, и из опыта я усвоил одну важную вещь: никогда не спешу, чтобы не сделать хуже. Случаев таких достаточно много, вот и в этот раз случай подвёл нас. При резком рывке одно из вёсел хрустнуло в районе уключины и сломалось пополам. Пришлось мне подруливать половиной весла, пока Санька грёб вторым веслом. Хоть и медленно, но добрались. Вот тут и встал вопрос: а чем тушить? Хорошо, что был топор: нарубили веток и принялись ими обивать кромку пожара. Вскоре мы были, как говорится, «в мыле», но останавливаться было нельзя, и мы, как роботы, били и били ветками по ползущему пламени и с недоумением переговаривались:

– А где же рабочие? Почему не идут?

Всё было банально просто: была суббота, и две бригады с эстакады перекинули на пилораму наводить там порядок. На эстакаде был один сторож. Нас выручило то, что лес и листья не просохли после зимы, и они не вспыхивали, а медленно разгорались. Горящие пни кустами не забьёшь, и пришлось снять сапоги и носить ими воду, благо она была рядом, а в «болотный» сапог входит много воды. Оставшись без обуви, я, предупредив Саньку, бросился вплавь через Татарский перешеек к эстакаде. По берегу под илом ногами чувствовался лёд, дыхание перехватывало, но я не останавливался, и вскоре добежал до эстакады. Сторож и не видел, что за поворотом горит, и мирно читал газетку. Я рассказал ему о пожаре, и он принялся крутить ручку телефона, а я побежал назад к Саньке. Потом опять вплавь. Это плавание мне припоминается всю жизнь в виде препоганейшего хронического бронхита.

Падая от усталости, уже к концу дня мы отбили кромку пожара и без сил упали на траве возле лодки. Вокруг густо повсходил дикий лук, и мы с жадностью набросились на него.

С хлебом и солью до чего же вкусен полевой лук, нужно только проголодаться.

Перекусив, вновь поднялись и залили несколько больших тлеющих пней.

В это время послышался гул двигателя пожарного трактора и человеческие голоса. Вскоре мы встретились с лесником, который руководил тушением пожара, и коротко рассказали ему, что здесь было. Фамилия его была Мозга, латыш из ссыльных, он долгое время работал у нас лесником. Мозга пожал нам руки и поблагодарил: «Молодцы, ребята, если бы не вы, пришлось бы нам тут всю ночь торчать и неизвестно, чем бы это закончилось».

Уже в темноте мы двинулись домой. Ноги не слушались, но мы были довольны – такое дело совершили! Радужные мечты будоражили воображение:

– Сань, а здорово, если бы нам по медали «За отвагу на пожаре», вот было бы классно.

Санька в те годы уже отличался рассудительностью:

– Ага, две медали тебе дадут, от зависти напридумывают черте что, ещё и обгадят.

Так и случилось, но нам было наплевать: дед Иов выстругал нам новое весло, и мы двинулись в неоконченный поход.

ОХОТНИК САМОДЕЛКИН

На краю нашего посёлка, вдоль проходящей через него автодороги Селихино – Николаевск стоял дом обходчика нефтепровода Геннадия Овчинникова. Геннадий жил с пожилой матушкой, наблюдал за нефтепроводом и занимался охотой. На охоте ему особо не везло, и он больше промышлял выделкой шкурок и пошивом женских и мужских шапок. Шапки он шил замечательные, их качество знали далеко по округе. Приезжали заказывать и из города, в общем, спрос был. Но была в этом спросе и беда: многие норовили бутылкой расплатиться, и Гена, добрая душа, начинал принимать, как говорится, на грудь. Не забывал налить и мамане, которой рюмки хватало вполне, чтобы потерять где день, а где ночь. Жена Геннадия собрала вещи, двух дочерей и укатила невесть куда с проезжавшим в военной колонне офицером. В общем, начал Гена уверенно катиться по наклонной, заказчики начали просто обирать его.

Как-то, проезжая мимо его дома на мотоцикле, я увидел, как два полупьяных молодца мутузят Гену и таскают по двору. С ними-то разобрался, вытолкав за калитку, а вот что было с Геной делать? Лет на пятнадцать старше меня, до этих событий уважаемый, безотказный и добрый человек сейчас сидел на завалинке и рыдал.

Вышла его матушка Геля, тоже заплаканная. Маленькая, тщедушная, с кучей всяких болячек, но всегда очень добрая и ласковая с людьми. А людей у них бывало... даже трудно сказать по деревенским масштабам. Дом обходчика, или так называемый «блок-пост», – это, по сути, проходной двор, где сосредоточены узел связи, оборудование ремонтных бригад, гостиничные комнаты, и проезжающие бригады, техники, связисты, водители, вездеходчики, обходчики – даже трудно сказать, кто там не останавливался.

– Что же вы, тётъ Геля, совсем Геннадия из рук выпустили? – спросил я. – Ведь сопьётся. Что, дел у него нету? Ведь охотился раньше, шапки шил, унты, шкуры выделывал?!

– Да гоню я его и на охоту, и на рыбалку. Нет, сидит, пьёт, всё друзья какие-то. Сетку последнюю и то или пропили, или украл кто. Да и напарник его дальше по участку двинулся, рас-

ширился. Гена-то по старинке с собакой ходит, а напарник на «Буране» – поди угонись, – рассказывала мать Геннадия.

Гена между тем пришёл в себя и неожиданно спросил:

– А ты не на рыбалку? А то у нас ни одной рыбины. Бочка с весны стоит перевёрнутая.

– Можем и на рыбалку. Я вообще-то недавно приехал, мои рыбу разделявают. Давай так: я сейчас своим воды натаскаю, а ты свою бочку залей водой, а то ведь рассохлась, наверное. Через полчаса чтобы был собран, брать ничего не надо, – сказал я, и под слова благодарности уехал.

Не поймать рыбу в осенний ход – надо умудриться, или просто сидеть на берегу, так что мы за два часа поймали Геннадию более 20 штук кеты, и он заявил: «Всё, нам с маманей на зиму хватит».

Во время рыбалки разговор сначала шёл о том, как погасить его долги, которых в природе не существовало: некоторые дельцы, как говорится, тупо «грузили» его за просрочку пошива шапок. Второй вопрос: что он в зиму делать собирается? Сезон, по сути, вот-вот начнётся, уже сохатый на гон идёт. Нужно ведь и угодня осмотреть – всегда думается, что тайга не меняется, ан нет, это не так. Идёшь и смотришь: тут бурелом таёжную тропу – путик – перекрыл, надо найти удобный обход для зимней лыжни, где-то берег подмыло, ловушки развалились. Всё поправимое, но требующее времени, труда и смекалки.

Геннадий предложил: «А чего, если ты и впрямь свободен, завтра и пойдём». На том и порешили, а на рассвете были уже на несколько километров от посёлка, по направлению к ключу Цикличному. Привал наметили на Горбатом мосту, и когда подошли к нему, увидели напарника Геннадия, Владимира Воропаева. Он увидел нас заранее и сидел, поджидал. Поздоровались, перекинулись вопросами по угодьям.

Владимир, увидев у меня карабин, спросил:

– Решили зверя посмотреть? В сторону озера можете не ходить, там калиновские охотники загоном прошли. А ты, Гена, всё со своим двадцатым калибром? С ним, наверное, ещё дед твой ходил? Не боишься?

– Моя одноствольная двадцатка ещё ваши карабины переживёт, я ей, может, новую жизнь дать решил, – бурчал Геннадий.

Вскоре мы расстались и вдоль ключа стали подниматься в сторону Шаман-горы, где было зимовье Геннадия.

Первый день занялись обустройством, заготовкой дров, подбивкой завалинки и прочей необходимой таёжной суетой. Курить было некогда: осенние дни коротки, а сделать надо много. Только иногда останавливались передохнуть и оглядеться, а точнее, полюбоваться. Где ещё осенью можно найти такое буйство красок, такое глубочайшее синее небо, как в дальневосточной тайге? Это без прикрас. Волшебство. С ближайшей сопочки открывался панорамный вид на трёхглавую, отдающую синевой Шаман-гору. Через низину мари Шаман смотрится так внушительно и грандиозно, что забываешь, кто ты и для чего сюда пришёл. Просто оторопь берёт. Сейчас мощные машины проложили под Шаманом дорогу на Де-Кастри, но вид, конечно, с этой стороны не такой, хотя тоже красиво.

Геннадий после обеда всё разбирался с инструментом, что-то точил, мерил, подпиливал, и разговаривал сам с собой.

Ближе к вечеру я подошёл к нему, и с удивлением увидел, что он напильником подтачивает проточенный ствол – вкладыш под винтовочный патрон. Так вот что он имел в виду, говоря про новую жизнь своей старенькой одностволки, – решил в неё нарезной ствол вставить.

– Ты что делаешь, Левша хренов, – возмущился я, – эти вещи очень тонкую подгонку на станке требуют. Что, угробить себя хочешь?

Геннадий очень часто брался за разные поделки, но не дал ему Бог таланта в механических делах. Если он пытался помочь в ремонте лодочного мотора или снегохода, то я просто гнал его, чтобы не мешал. Как правило, после ремонта своего снегохода он виновато опускал голову и звал меня. Причина одна: не работает. Со словами: «Я бы этому ремонтнику, руки отрубил бы по самые колени» я ремонтировал его технику. Но то снегоход, а здесь – оружие, и как я его не убеждал оставить это опасное занятие, он не слушал и опять точил, мерил, точил.

Наконец, когда солнце пошло к закату, Геннадий, радостно улыбаясь, подошёл ко мне и заявил:

– Всё, подогнал, всё работает, дай пару патронов и пошли пробовать»

Патроны я ему дал, но, осмотрев «двадцатку», пожалел об этом. Ствол был откровенно прослаблен, но Гена убеждал, что это даже лучше. Не нарушит его скорострельности. Надо сказать, что с одностволки он стрелял как с полуавтомата, скорость была поразительная, как и сама «двадцатка». На её счету было достаточно много трофеев, и больше всего – медведей. Единственное, что я упросил его сделать, так это привязать одностволку к дереву и выстрелить шнуром, привязанным за спуск. Опасения были не напрасны: патрон 7,62x54 большой мощности, и шутки с ним плохи.

Я отошёл метров на пять–шесть и встал за стволом толстого ясеня, Гена дёргал шнур, взводил курок и снова дёргал – выстрела не было. Тогда он отвязал ружьё и, прицелившись, опять нажал на спуск. Только щелчок курка. Гена переломил ружьё и осматривал патрон. Я подошёл к нему и увидел, что ударный штырь – боёк – недостаточно бьёт по капсюлю патрона. Так и есть: сам ствол был прослаблен, и я опять попытался его отговорить от этой идеи и отвезти оружие токарю для подгонки. Но Гену уже закусало. Подняв ружьё вверх, когда вкладыш опустился на боёк, со словами:

– Всё равно пальнём, посмотрим, как работают нарезы, – он нажал на спуск.

Раздался грохот, вокруг головы Гены полыхнуло пламя, что-то хлётко ударило по стоящей впереди ели. Я ничего не успел сделать, даже пригнуться, и смотрел на Гену: по правому виску текла кровь, ухо и правая половина лица были черны, как у негра, ухо было пробито и с мочки капала кровь.

Гену качало, он оглох и ничего не слышал, я взял его под руку, отвёл в зимовье и налил из фляжки полстакана водки. Выпив, он сразу начал осматривать ружьё.

Его легендарная одноствольная «двадцатка» героически погибла: приклад раздробило, и щепой разорвало ему лоб и висок, боёк вылетел и пробил мочку уха, ствол лопнул и был покрыт утолщениями, а вкладыш мы так и не нашли. Мощный патрон, пробив ствол «двадцатки», унёс вкладыш в непролазный бурелом, где он догнивает и по сей день.

«Оружейный Самоделкин» Гена, выпив полфляжки водки, крепко уснул. Останки «двадцатки» лежали возле него.

Утром он пришёл в себя и сказал:

– Так дураку и надо.

Мне стало жаль его, и я предложил ему выпить. На удивление, он отказался, и мы пошли по путику готовить капканы и ловушки.

Два года мы неплохо охотились вместе, если, конечно, можно назвать охотой перерывы между работой. Почему два? Всё просто: Гену перевели на другой блокпост – он был не женат, ничто не держало его в посёлке. Он уехал вместе с матушкой и новенькой одноствольной «двадцаткой», которую я достал по случаю дорогому другу.

СЕНО

Сейчас уже немногие из детей войны помнят холодную зиму 1941–42 годов и предшествующие этому грозные события, которые становились ещё грознее и страшнее по мере распространения слухов и домыслов. В год этот пришла большая война. Война — это, наверное, изначально для военных, а вот для деревенских баб и ребятишек пришла большая беда... Быстро и неотвратно, как бескрайнее чёрное облако, беда накрыла землю, города да сёла, пропустив как через сито мужиков и оставив на селе старых да немощных. Но не успокоилась на этом беда, и вот уже десятками и сотнями потянулись бабы на невиданной тяжести работу — обустройство оборонительных рубежей для резервной армии, что расположилась, ожидая врага, от самого Рязска до Мичуринска. Оборона — дело сложное, но самое главное — тяжёлое. Кирка, лом, лопата — вот и весь бабий оборонительный инструмент, краюха хлеба да щепотка соли в тряпице — дневной рацион. И ведь даром сказано: «От бабы, что от курицы, — толку мало». Что бы делали наши доблестные воины-мужички, не будь бабьей подмоги. Окоп надо — получи. Траншею — ну что ж, и траншею выроем. Противотанковые рвы рыли такие, что сегодняшние бульдозеристы на импортной технике заплакали бы от зависти. А может, просто народ другой был? Ведь без дорог, в грязь и снег доехал на «ЗИСе-пятом» этот битый-перебитый, раненый и ломаный, голодный и озлобленный, но с верой в Победу, народ до самого Берлина, до самого центра этого чёрного страшного горя. Смогли бы сегодняшние мэны с айфонами в руках, рэпом в башке и жвачкой во рту повторить этот подвиг? Не верю! На люксовой иномарке от Хабаровска до Владивостока — страшная проблема. И не в дороге эта проблема. А тогда вот так просто, иногда за много километров на рытьё траншей и других оборонительных сооружений съезжались и сходились бабы и делали свою работу, свою частицу великой Победы. Они не знали, что находятся на острие удара 2-й танковой армии Гудериана, которая стремительным маршем охватила Сталиногорск, что юго-восточнее Москвы и ударила на Михайлов, за которым уже начинались противотан-

ковые рвы, которые день и ночь рыли героические русские жёны и матери, девочки-подростки и старухи.

Среди них была и моя бабушка Акулина, и шёл ей в ту пору тридцать четвёртый годок. Родом она была с Алтая, в Пензенскую область попала, как все зажиточные люди того времени, и замуж там вышла за молодого комсомольца, зоотехника Павла. Как все сибиряки, была бабушка отменного здоровья и решительного характера. К началу войны родила троих детей и уже в финскую проводила своего Павла, одного из семи братьев Евсеевых, на фронт, а сама занялась своими будними деревенскими делами, благо заняться в деревне всегда есть чем. Тут и покос, и огород, и колхоз, и дети, и корову прибрать, подоить... В общем, присесть было некогда. Только вот подросла старшая дочь Анна, помощница девяти лет, как накатила новая беда – война с фашистом. Муж Павел был тогда инструктором школы снайперов, и не до побывок было в то тяжкое время. До конца августа бабушка Акулина была на рытье окопов, а дома управлялась старшенькая дочь, которой в середине августа исполнилось десять лет. Нужно было к школе готовиться, и так только один класс закончила – за детьми малыми, братом Володей да сестрой Ниной догляд был нужен. Вернулась Акулина домой с оборонительного рубежа, о который знаменитый Гудериан зубы искрошил, и не знает, за что схватиться. Свой огород убирать надо, председатель орёт – трудодней мало, дрова надо заготовить. Господи, а корову-кормилицу чем содержать? Сена-то ни грамма, да и много ли его наберёшь по огрехам огорода да близким лужайкам? И опять работа от темна до темна.

Я не помню, чтобы кто-то из моих родственников рассказывал про беззаботное счастливое детство, и этот рассказ-воспоминание, я пишу со слов моей мамы, той самой старшенькой Анны, которой в сорок первом году исполнилось десять лет. Быстро в этой суматохе труда и ожиданий писем с фронта приблизились холода. Один за другим уходили из деревни мужики, колхоз обезлюдел. Ложились рано: берегли керосин, и только иногда эта тишина взрывалась криками и причитаниями баб – похоронка пришла, смерть принесли. Страх витал над деревней, люди с испугом смотрели на дорогу, где в положенное время должен был появиться почтальон. По первому снегу даже радовались: не при-

едет. Глупые – разве можно смерть снегом удержать? Уходили на фронт один за другим и деды братьевья. Ушли. Все! Шесть! Как будто и не было их, остались одни пожелтевшие довоенные фотографии по стенам. Война не считала потерь, она работала без перекуров и выходных, ей нужны были всё новые и новые жертвы. Где-то в этой страшной мясорубке и муж Павел потерялся, ни писем, ни продаттестата ¹. Ничего.

Бабушка Акулина с утра ухаживала за коровой, доила и причитала:

– Ой, как мало кормилица даёт молока, скоро, перед отёлом, вовсе доиться не будет, подкормить бы её, да где ж лишнюю охапку сена взять?

За этими разговорами и причитаниями надумала бабушка Акулина прогуляться по летним покосам да посмотреть – нет ли там недобранных остатков сена, а может, где и копну до зимника оставили. Страшно, конечно: по законам военного времени быстро определяют за хищение социалистической собственности. Пришла радостная – нашла-таки копну. Долго время выбирала, когда за сеном сходить, приготовила верёвку для вязанки да снесла в поле вилы и припрятала. На ноябрьские праздники по случаю годовщины Великой Октябрьской революции и решила Акулина на это отчаянное дело. Весь деревенский люд был приглашён на торжественный сход в клуб, а Акулина с дочерью ушли за деревню и отправились за сеном к далёкой копне. Шли ходко, нужно было спешить и вернуться пораньше, чтобы не вызвать подозрений, если вдруг хватятся. Вот и копна. Быстро подбили низ копны по кругу, вроде как животные объели, набрали большую вязанку для Акулины и малую для Анны. Поддувал ветерок и глушил скрип смёрзшегося снега. Ладно, дошли до дома, и Акулина ещё и успела в клуб, на торжественное мероприятие. Зайдя в клуб, тихо присела с края скамьи, затем локтем толкнула соседку:

– Слышь, отсыпь семечек, а то рот слюной затянуло от наших ораторов.

¹ Продаттестат – продовольственный аттестат, который выдавался военнослужащим согласно приказу № 224 от 26 июня 1941 года и их семьям согласно приказу № 242 от 23 июля 1941 года «О порядке выдачи пособий и полевых денег военнослужащим действующих армий». Как правило, передавались семьям для содержания.

Потом перешла в другое место и угостила семечками соседку, затянув неспешный разговор, в общем, обеспечила себе алиби.

Первая удачная ходка за сеном воодушевила Акулину и, хотя председатель начал тихонько выведывать: а не знает ли, кто на дальней делянке копну сена пообдёргал? Мысли о новом походе за сеном уже не оставляли её. Позёмка следы замела, а догадки к делу не пришьёшь. Зато хоть маленько корову подкормили, а то ведь без подкормки весной на ноги упадёт – и всё, конец, чем детей кормить? Теперь Акулина с нетерпением ждала какого-нибудь торжества, и вот оно: 5 декабря, День Конституции, торжественный сход в клубе – это то что надо. Праздник подошёл быстро, и Акулина решила не медлить. «Возьмём вторые вилы, а то копна слежалась, одними вилами долго сено набирать буду, а тут вдвоём быстрее управимся», – сказала Акулина дочери, и они отправились в путь. Так же мела позёмка, поджимал морозец, но это всё были вещи обыденные, и наша пара быстро двигалась к заветной копне сена. Так же, как и в прошлый раз, начали деловито обдёргивать копну, не трогая верха, чтобы непонятно было, кто же так её опять ободрал – скотина или человек. Набрали на первую вязанку, и Акулина шепнула дочери:

– Давай ложи верёвку на низ.

Анна направилась к лежавшей чуть в стороне от копны верёвке, как-то резко всхлипнула и остановилась.

– Что там? – повернувшись, спросила у неё мать, и сама замерла. Чётко выделяясь на белом снегу, прямо на них шли три волка. Анна была впереди матери, с пустыми руками, вилы стояли у копны. Не знаю, что творилось у бабушки в голове, сама она позже с трудом вспоминала кошмары той ночи, но действия её были мгновенными. Прыгнув вперёд, она левой рукой схватила Анну за воротник телогрейки и отбросила к копне.

– Вилы хватай! – только и услышала Анна.

Волки, увидев движение людей, ускорили бег и набросились на Акулину. Здесь и сказала вся выучка и природа потомственной сибирячки.

Первым же ударом вил Акулина достала ближнего волка. С визгом он закрутился, пятная снег чёрными каплями крови и хватая себя зубами от боли. Акулина отступила к дочери и, пытаясь прикрыть её, ещё и уговаривала:

– Ничего, доченька, спокойно, вилы держи перед собой и ничего не бойся, только стой на месте и жди.

Подраненный волк перестал крутиться, но не уходил и стоял напротив в ожидании. Волки не думали уходить, видно, голод заставил их идти на эту смертельную схватку. Один из волков прыгнул на Акулину, но был встречен ударом вил, перевернулся и опять прыгнул. На этот раз Акулина была проворнее, и с размаху всадила вилы в бок серому хищнику. Волк упал, выдернув своим телом черенок вил из рук Акулины, и в этот момент второй волк кинулся на неё, вцепившись в бедро. Плачущая Анна махала перед собой вилами, не зная, что делать дальше.

– Дай вилы! – задыхаясь в борьбе с волком, крикнула мать, и маленькая девочка, увидев опасность, со всего маху опустила вилы на спину волка. Волк пригнулся от удара, затем отпрыгнул и побежал в сторону отползавшего раненого собрата, который, увидев жестокий отпор, решил ретироваться подальше от копны. Мёртвый волк застывал на окровавленном снегу.

Доченька, ты цела? Доченька?! – тормошила Анну мать и, схватив её за руку, потащила к дороге. – Пропади оно пропадом, это сено, пойдём домой.

Забыв у копны вилы и верёвку, они пошли к дому. Всю дорогу бабушка Акулина без умолку что-то путано рассказывала маме, иногда останавливалась, судорожно обнимала её, и они снова продолжали путь. Мама плакала, но шла молча, не отвечая на вопросы, и только крепко сжимала своими детскими ручонками оставшиеся у неё вилы.

Домой пришли, когда в клубе ещё горел свет, но было не до клуба. Дома ждало письмо от Павла, он писал из госпиталя, так как был ранен при выходе из окружения под Вязьмой. В письме лежал продаттестат... С грамотой у бабушки было не очень, и она, улёгшись на кровать, всю ночь при свете лампы перечитывала по слогам письмо Павла и плакала. Утром она не смогла встать с кровати, и попросила Анну:

– Ты, доченька, подои сегодня корову сама, а я полежу немного, что-то нездоровится мне. К вечеру встану и сама займусь хозяйством.

В обед она не поднялась, только выпила стакан молока, и не выпускала письмо из рук. После обеда прибежал председатель. Ещё с порога загромыхал:

– Вот и поймал я тебя, Акулина, вот и вилы твои, насилиу выдрал из зверюги, и верёвка... – Увидев, что бабушка не реагирует на его слова, спросил:

– Что с ней?

– Не знаю, – ответила Анна. – Как ночью вернулись – легла и молчит.

– Что там было у копны?

– Мы когда подъехали туда, так конь шарахнулся. Всё в крови, один волк мёртвый, с вилами в боку, второго нашли за версту – уполз, там и застыл.

Как могла, Анна рассказала про ночной бой с волками.

– Ну, Акулина, ты гренадёр, а не баба. Расскажи кому – не поверят. Пойду пришлю фельдшера, про сено никому не болтайте. Что за бумаги у ней?

Прочитав письмо, председатель вздохнул и перекрестился:

– Вроде как в Бога не верю, а спасибо, Господи, что так обошлось, что Павел жив, продаттестат опять же вовремя – с голоду не помрёте. Отцу писать будете – поклон ему передавайте, родственник он мне, хоть и дальний.

Были, есть и будут на Руси добрые, отзывчивые люди. Помог председатель, помогли соседи. Есть с чего сказать людям спасибо, ведь бабушка после того случая пролежала до весны 1942 года, и стала подниматься только с помощью пришедшего на побывку по второму ранению мужа, моего деда, Евсеева Павла Кузьмича. Мама в школу так и не пошла. Дед всю войну воевал, получил шесть ранений, бабушка работала, а мама заправляла домом да братьями и сёстрами, которых было у неё шесть человек. Было с кем повеселиться.

ЛОСЁНОК

Весенняя охота на водоплавающую дичь для нас всегда была больше чем праздник. После тяжёлых зимних трудовых будней вырваться на три-четыре дня, а если повезёт с отгулами – на неделю, – это было всё: и санаторий, и массовое гуляние, и возможность выспаться на природе, и просто полежать на траве, бездумно глядя на огонь костра. Подготовка к этому благодостному событию начиналась задолго до выезда, и поэтому, как только появлялась возможность уехать, то происходило это молниеносно. Прямо с работы, кое-как переодевшись, побросав снаряжение в мотоцикл, мы срывались на берег, где у каждого была своя дощатая будка-гараж, набитая нужными для каждого рыбака и охотника вещами. Именно отсюда происходила плановая, уже разумная загрузка лодки и отправление в путь к намеченной цели.

Последние годы мы ездили на угожья по протоке Син Дархта, куда из-за дороговизны бензина редко кто ездил. Дело было не в количестве уток, просто там было спокойно: не летела дробь с соседних засидок, не носились загоном лодки по тихим проточкам. На этот раз мы поехали с Георгием Стародубовым, тоже заядлым охотником и рыбаком. Охотники на водоплавающую дичь разделяются на азартных и степенных, вдумчивых. Георгий, или попросту Гоша, был вдумчивым: охота для него была неким научным действием, и редко когда заканчивалась просто заготовкой. Он довольствовался тем, что было записано в путёвке-разрешении: два селезня и т. д. Этого вполне хватало для приготовления шурпы. Как правило, для этого специально отстреливали мелких уток, чирков, вальдшнепов. Шурпа из них получалась необычайно вкусной, разливалась прямо из чугунного котелка в чаши, среди которых торжественно ставилась фляжка со спиртным, чаще – самогоном. Под горячую шурпу и напиток не получалось.

Рукав от протоки был узким, и только в конце его находился большой неглубокий залив. По приезде этот рукав перегорался небольшой сетью, и утром, как правило, у нас была уха.

В крайнем случае – наоборот, но что-то всегда было. В жизни прижимистый, на охоте Георгий размякал, даже говорил вполголоса, и блаженствовал. Ездить с ним было одно удовольствие: всё делалось как в социалистической пятилетке, строго по плану, без суеты. По-домашнему, что ли, для души, и наплевать было, сколько мы собьём уток или поймаем рыбы – молодость давно ушла, и мы никуда не спешили.

Проведя два дня на лугах, вдоволь нахлебавшись душистой, с дымком, ушицы и шурпы, прикончив «душевную» флягу, мы засобирались после обеда домой – завтра был рабочий день, – и вскоре выехали. Я был за рулём лодочного мотора «Вихрь-30», Георгий сидел впереди с ружьём в руках. Два или три раза оставались после выстрелов Георгия, и подбирали сбитых уток. Стрелял он хорошо, а мощный мотор позволял подъехать к уткам на выстрел. Так мы доехали почти до выхода в Амур, как вдруг Георгий замахал рукой, показывая свернуть налево в узенький заход в залив. Я свернул, и сразу увидел на берегу самку лося-сохатого. То, что это самка, угадывалось сразу: у самца более мощный горб, и в это время вырастают небольшие рожки.

Лосиха стояла на берегу, и мы подлетели на лодке прямо к ней. Не знаю, что сдержало Георгия, но выстрела не последовало, хотя мы подскочили метров на 6-7. Лосиха скрылась от нашей бесцеремонности в тальниках, и я спросил:

– Ты чего не стрелял?

– Да, знаешь, замешкался, да и в стволах мелкая дробь, – ответил он, осматривая патронташ. – Блин, ни одного патрона даже с картечью.

Я проверил свои – то же самое, а ведь после случая с медведем зарекался носить с собой хотя бы пару пулевых зарядов.

– Давай сделаем контейнера, – сказал Георгий, и быстро развальцевал края пластиковых гильз, высыпал дробь, и я связал дробь в тряпицу, туго обвязав и затянув на узелки. Такой импровизированный заряд летит, как пуля, метров на 15, и с близкого расстояния зверя свалит.

Всё произошло быстро, и хорошо рассмотреть лосиху нам не удалось. Нас всё-таки сдерживало, что весна, время отёла, и время для добычи зверя запретное.

– Давай сходим посмотрим, может, бык рядом. Если повезёт, его и завалим», – сказал Георгий, и мы осторожно пошли вдоль залива.

Залив был небольшой, между ним и озерком, оказавшимся за тальниками, протекал маленький ручей с зыбкими берегами.

Лосиху мы увидели за ручейком, метрах в сорока, на чистом открытом месте, а дальше ещё метров на тридцать стоял лось-красавец. Тревожно поводя головой, он фыркал, отчего ноздри его раздувались и вибрировали. Завидев нас, он стремительно рванул вдоль ручейка, перемахнул через нашу лодку, грохнув по ней копытом, и скрылся в тальниках, затем с шумом плюхнулся в протоку, и через пару минут мы услышали его топот на той стороне.

Этого не догонишь. А вот почему не уходит лосиха? Она как стояла, так и продолжала стоять, разве что перешла метра на два. Наверное, если бы она побежала, мы стали бы стрелять, но она не уходила. Стояли и мы, негромко разговаривая, что же будем делать дальше.

Дальше произошло невероятное – лосиха пошла на нас, и перед ручьём повернула вдоль него. Переглядываясь, мы двинулись за ней, и вскоре увидели весь секрет её бесстрашия: возле ручейка в топком иле застрял её телёнок. Как видно, он недавно родился, и был ещё жёлтого цвета. Сначала мы подумали, что между кочками сидит лисица, но это был маленький дрожащий лосёнок. Надо было выручать мальчика, и Георгий, передав мне ружьё, со словами:

– Держи её на прицеле, зверь всё-таки. За малого и кинуться может, – откатив сапоги, двинулся к этому чуду природы, легко поднял его на руки и поставил на сухое место.

Лосиха не шевелясь наблюдала за нами, мы – за ней и малышом. У него ещё не подсохла пуповина, ноги дрожали и разъезжались по траве, пока он шёл к своей матери лосихе. Она, уже не выказывая беспокойства, принялась облизывать его, и только после этого пошла от нас в сторону лугов через рёлку, как у нас называют луговые возвышенности. Наверху она остановилась, и стояла, наблюдая, как мы вернулись к лодке и уехали: провожала.

Через час мы добрались до села, и первое, что сказал Георгий, выскочив из лодки, это:

– Ты знаешь, мне до сих пор не по себе, сердце так и грохочет. Это же надо, как будто нами кто управлял сверху. Дело-то какое мы сделали – и самку сохранили, и малыша сберегли, а ведь могли... – Он махнул рукой.

У меня было такое же состояние, я был благодарен ему: во всей этой истории он как бы был ведущим.

Я часто вспоминаю этот случай, позволивший мне чётче понять суть истоков жизни, неподвластных человеку и показавших, какой великий разум и любовь заложены в природе.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

В наше время я всё чаще вижу, как родители пытаются уберечь свои чада от обращения с оружием, да и вообще от всего кажущегося им опасным. Наше детство протекало по-иному. Никогда в наших деревенских таёжных семьях не прятали оружие. Наоборот, пытались обучить своих детей стрельбе, и при этом отцы похвалялись друг перед другом: «А вот мой в шесть лет с 20 метров с шестнадцатого банку сбил. А мой...». В общем, гордились умением сыновей что-то делать, мастерить, а в том числе и стрелять. В 14–15 лет у всех ребят в деревне было оружие, не всегда личное, но кто хотел пойти на охоту, отцы не запрещали. Сам я начал охотиться самостоятельно с моим другом Санькой с 13 лет и, надо сказать, довольно результативно. Конечно, всегда запоминается первый выстрел. У меня это произошло так.

Перед 7 ноября, к великим тогда праздникам, принято было забивать кабанов. Морозы к 7 ноября уже стойко держались. Климат был поснежнее, поморознее, и к нам пришёл отец матери дед Павел со всей нужной для этого дела способой: паяльной лампой, немецким штык-ножом, самодельным ножом и какими-то жестянками с иголками для чистки лампы. Отец быстро приготовил место для разделки, а попросту положил снятую с загона дверь на две большие еловые чурки. Дед зашёл в сарай посмотреть на жертву и, выйдя оттуда, почесал затылок:

– Однако здоров кабан!

Отец предложил:

– Может, застрелим, и вся недолга. Чего тут примериваться?

– Ты, Витька, ружьё носи и держи наготове: как кабана из загона выпустят, мы с Шуркой попробуем за заднюю ногу свалить его. Если не получится – стреляй, – поставил задачу дед.

В нашем детстве от таких зрелищ мальчишек не оберегали и, естественно, я был главным наблюдателем. Было мне тогда пять лет. Все заняли исходные места, мама открыла сарай и выпустила кабана. Дед, уже «принявший на грудь» добрую чарку, замешкался, и отец, отставив ружьё в сторону, запрыгнул в за-

гон. Главный стратег дед Павел спохватился, зачем он пришёл, когда отец уже схватил кабана и так придавил его, что тот и дёрнуться-то не мог...

Надо сказать, отец у меня был силы немереной. Как-то, опаздывая с работы на индийский фильм, он прибежал домой и, быстро переодеваясь, пытался уговаривать маму:

– Сейчас, Аннушка, сейчас, я мигом.

Индийский фильм в деревне!!! Да это круче Нового года.

И так как произошло опоздание на столь значимый праздник, мать принялась ругать его. В кои-то веки, и так далее, и тому подобное.

Отец, уже умывшись, пытался надеть брюки и прыгал на одной ноге в кухне. Кухонька была очень маленькой, и отец то и дело на что-нибудь натёкался. Мама не унималась, его беспомощность с переодеванием ещё больше распалила её, и она принялась продолжать свои нотации. Отец, уже надевший брюки и нагнувшийся надеть валенки, буркнул ей:

– Да замолчи ты наконец.

Но это не остановило мать, и тогда отец схватил стоящую у печи кочергу и быстро загнул её кольцом вокруг шеи матери:

– Замолчи, прошу тебя, а то не развяжу. – И начал снимать полушубок с вешалки.

Мама замолчала, села на табуретку и расплакалась.

Уж она-то знала: не развяжет он – не развяжет никто в деревне.

Отец между тем оделся, подошёл к маме и разогнул кочергу, подправив о колено, поставил её к печи и, подняв маму с табуретки, поцеловал:

– А теперь пошли, мы только на журнал опоздаем, а кино посмотрим.

И они пошли в кино.

Гораздо позже, когда я стал взрослым, я пытался согнуть кочергу, но кованый прут в 16 мм так и не поддался мне ни на миллиметр...

Дед Павел занимался своим делом, а отец взял ружьё, чтобы отнести домой. Увидев меня, пошутил:

– Бахнешь?

До этого я видел, как стрелял дед по уткам – ничего особенного. И так, у меня перехватило дыхание, я кивнул. Стрелять, конечно, я не собирался, но отец отнёсся серьёзно:

– Пошли к стожку, держи ружьё, прижимай сильно к плечу, наводи ствол на стог сена. Готов? Теперь нажимай спуск.

Ещё до «нажимай» душа моя укатилась куда-то под пятки, ноги дрожали, рук не хватало, и было одно желание: убежать к маме. Но отец поддерживал ружьё и прижимал моё плечо к прикладу. Что оставалось делать? Отказаться, когда рядом отец? Нет для мальчишки авторитета более высшего, чем отец, и я нажал на спуск.

Грохнуло так, что заложило уши, плечо ударило, как поленом, рука не хотела двигаться, на глазах были слёзы.

Дед Павел не удержался от ехидства:

– Смотри, от радости даже слёзы выступили.

Уж он-то знал про стрельбу всё. Начавший воевать на финской инструктором школы снайперов, закончивший войну на Дальнем Востоке в 1945 году и получивший 6 ранений, просто смеялся надо мной. Злой дед.

На выстрел вылетела мама, затащила меня в дом, и, так как плечо у меня распухло, отцу попало и от дедов, и от бабушек.

Я, конечно, вступился за отца, за что был назван настоящим мужиком и возгордился безмерно.

В моей жизни было много разных ситуаций, при которых и стрелять приходилось, но тот первый выстрел, первые минуты взросления всегда живы и не теряют красок воспоминаний. Тем более, что тогда рядом были отец и мама.

ОТВОДЫ

Мои каникулы после тринадцатого дня рождения начались не с беззаботного отдыха, а с первого в моей жизни официального трудоустройства. В этот год наша семья осталась без отца, а значит, без кормильца. Неграмотной матери после ехидных подкальваний и зубоскальства предложена была работа уборщицей в школе за 52 рубля на семью из четырёх человек. Мне, как единственному мужику в семье, тем более, как две капли воды похожему на отца, который никогда и никому не давал спуска, в полной мере пришлось хлебнуть деревенской «безотцовщины», полной незащищённости, вечной виноватости и ещё не знаю чего, отчего ждть приходилось неприятностей. Не помню, сколько раз мне пришлось стать виноватым даже там, где меня не было, и здесь во многом меня поддерживали друзья, друзья не только детства, а всей жизни. Санька, Колька, Толян и Витька живы и здравствуют, дай им Господи здоровья и благополучия.

В тот год дядя Лёша, отец Пашки и Витьки, будучи начальником участка, предложил нам с Витькой перестать «бить баклуши» и пойти на отводы лесных делян, рубить затёски на деревьях и изгоставливать квартальные столбы. Старшими у нас были лесники Софийского лесхоза Толстоногов и Матюхов, это были действительно люди, а скорее, дети тайги. Именно они привили нам непреходящую любовь к дальневосточной тайге, её красоте и бесконечным, как тогда казалось, богатствам, прохладным родникам и шумным таёжным речкам. Для них самих тайга была родным домом. Под их началом мы так стремительно проводили отводы, что когда дядя Лёша приехал верхом на лошади проверять отводы, он просто не поверил отработанным площадям и закатил нам всем допрос с пристрастием.

Дядь Лёша, когда волновался, начинал заикаться, и зачастую получался разговор слепого с глухим, но в этот раз он хлопнул по ложу трёхлинейки, с которой не расставался, и сказал:

– Н-ну, если вы меня обманули, то я вас приговорю, как в военное время, к расстрелу и сам расстреляю.

Грозность Алексея Павловича Борисова, нашего начальника участка, была показной, он и дома, бывало, покрикивал, но че-

ловек был добрейшей души и не раз помогал мне в жизни. Случалось и трёпку получить от него, но называл он меня при этом сыном. Я бесконечно благодарен этому человеку за его суровые наказания, ведь это благодаря им я стал учиться и многого достиг в своей жизни. Будучи полной противоположностью моему отцу, он всегда вызывал у меня те же чувства, как и родной отец. Бывший офицер, он и на гражданской работе вёл себя как военачальник, такого порядка, как при нём, больше не было, он знал всех людей и никого не обходил своим вниманием.

Так и здесь, пообещав всех расстрелять, начал проверять, чем мы питаемся, каков запас продуктов, и как старшие относятся к молодёжи: Витьке и мне. Всё было нормально, нас работа устраивала, а старших устраивала наша расторопность. После разбора «полётов» и уточнения карт и схем делян и кварталов все дружно занялись приготовлением ужина. В котле варилось мясо, угостили солидным куском сохатины вахтовые рабочие летника, а Володя Толстоногов, пошептавшись с Геной Матюхиным, вытащили две бутылки женьшеневой водки «Самбьяк».

Алексей Павлович незлобно матюкнулся, но не запретил, хотя сам к спиртному не притронулся.

Ужинали уже в темноте у костра, нас быстро спровадили спать, а сами что-то неразборчиво бубнили до полуночи у костра.

Утром, на рассвете, дядь Лёша разбудил нас и сказал, чтобы собирались на работу, будили «этих алкашей», а сам уехал проверять лесные деляны и заготовку леса. Тайга была его стихией, бывший пограничник, он легко ориентировался на местности и был прекрасным охотником.

Мы с Витькой разожгли костёр, поставили котёл с водой для чая. Витька готовил дрова и подкидывал в костёр, а я полез будить лесничих. Сунувшись в палатку, я думал, что буду отравлен выхлопами «Самбьяка», вонь была жуткая. Первый, кого я толкнул, Володя, перевернулся на спину и тяжело вздохнул. Пролетающий над ним комар перевернулся в воздухе и упал замертво! Хохот разобрал меня, и я вылез из палатки.

Гена и Володя друг за другом выползли из палатки с опухшими то ли от двух по ноль семь «Самбьяка», то ли от укусов комаров лицами и принялись за чай.

Так как к вечеру ждали дядя Лёшу, то решили сегодня закончить пораньше.

Мы с Витькой с топорами и леской в 50 метров быстро бежали по указаниям буссоли и рубили затёски. Геннадия и Володе было явно тяжело, благо хоть день был не сильно жаркий. В начале пятого часа пополудни мы вышли на угол квартала и принялись обновлять квартальный столб.

На стуки топоров к нам выехал Алексей Павлович, и все уселись на «перекур».

Отдохнув минут двадцать, двинулись к нашим палаткам на последнюю ночёвку, но уже минут через двадцать Володя спохватился, что забыл планшет, и Виктор вызвался сбегать за ним. Мы неспешно двинулись к лагерю, благо было недалеко, и уже в лагере принялись заниматься подготовкой к ужину и сборами на завтрашний переход.

Виктора не было.

Дядя Лёша стал волноваться, взяв винтовку, ушёл к квартальному столбу.

Виктора не было.

Гулко ударил винтовочный выстрел, через десять минут другой: дядя Лёша давал звуковой ориентир Виктору.

Через десять минут – опять выстрел.

Теперь встревожились все. Геннадия послышался выстрел от лагеря лесозаготовителей, и мы начали гадать, был или не был выстрел. Подошёл Алексей Павлович:

– Вроде выстрел был от лагеря, значит, выйдет сюда, вдоль ключа ориентир хороший.

День угасал, смеркалось. Алексей Павлович собрался идти к лесозаготовителям, Володя и Гена отговаривали его:

– Куда на ночь идти, местность такая, что днём ноги поломать можно, а ночью что увидишь?

Тут зашуршали трава и листья, объявился запыхавшийся Виктор.

Я думал, что дядя Лёша его приберёт, но ничего, обошлось, ругнулся и присел рядом, поглаживая его по плечу.

По рассказу Виктора, он в спешке потерял ориентир и, взяв планшет, вышел к лесозаготовителям, там попросил их сделать выстрел и рванул вдоль ключа к нашему лагерю.

После этого случая дядь Лёша стал приучать Виктора к охоте, и тот всю свою жизнь связал с таёжным промыслом. И сейчас, когда далеко за 60 и по нелепой случайности потеряна одна нога, он, сделав своими руками протез, не оставляет тайгу, и его трофеям завидуют молодые. Неутомимый дух отца в этом человеке, дай Бог ему здоровья.

Через неделю отводы закончились, и мы вышли в посёлок. Здесь предстоял один из самых трудных дней моей жизни – первая зарплата. Начислили нам – ужас вспомнить – по 74 рубля! Полторы материнских зарплаты!

Что тут началось! Я до сих пор не могу без слёз вспоминать этот день. У мамы случилась истерика, сёстры плачут, мать плачет. Обняла нас и причитает:

– Сиротинушки мои, как же я вас подниму, ведь будете все неучи неграмотные, как я сама, лучше мне не жить на этом свете.

Еле совместными усилиями успокоили.

Прошли годы, мы все выучились, как этого хотела мама, и поклон той власти, которая дала нам эту возможность. Власть сегодняшняя, без сомнения, не дала бы такой возможности. «Что имеем – не храним»...

В нашей семье всегда вспоминают эти отводы и день моей первой зарплаты.

РЫБАЛКА

Я рано помню своё детство. Наверное, потому, что событий было немного, но были они яркими и сохранились в памяти по сей день. Помню, как в четыре года отец взял меня со старшей сестрой Татьяной на сенокос. Сено уже было скошено и лежало ровными духмяными валками. Взяли нас по необходимости: не с кем было оставить, а погода выдалась жаркая, и отец с матерью ехали переворачивать валки, чтобы сено на жаре не запарилось. Перевёрнутое сено просыхает быстрее, и на другой день можно его смётывать в копны.

Посреди нашего покоса находилось небольшое озерко, поросшее водяными лопухами, кувшинками. Озеро было рыбное, и отец поставил нам важную задачу: от озера не отходить, быть вместе и ловить рыбу на уху.

Наскоро сделав удочку, отец отдал её нам и, прихватив грабли, пошёл переворачивать сено.

– От озера никуда, если что, кричите, – как напоминание, сказал издалека.

В те годы понятие «далеко» было совсем иное, чем сейчас, и если мы не видели родителей, то это уже было «далеко». Впрочем, сенокосные угодья располагались на довольно ровном участке, и мы с Татьяной видели их почти всё время.

Первая для нас рыбалка началась с изучения удочки с леской и крючком, привязанной к только что вырубленному тальниковому удилищу метра три длиною. Изначально попробовали скатать мякиши хлеба и, нацепив его на крючок, забросить удочку. Досада – наша удочка никак не хотела лететь от берега, и мы принялись кричать:

– Пап, она не забрасывается. Пап, удочка рыбачить не хочет, – кричали мы наперебой.

Вскоре подошёл отец, взял удочку и заулыбался:

– Секрет вот в чём, – и, вынув из кармана гаечку, которую наверняка для этого и готовил, привязал её к леске.

Со словами: – «Теперь смотрите», – он показал нам, как забрасывать удочку, цеплять наживку, и опять ушёл по сенокосным делам.

Мы с Татьяной бросились наперебой закидывать удочку.

Рыбалки не было, было поочерёдное забрасывание гайки в озеро, отчего рыба, конечно, попряталась подальше от этих двух крикливых рыбаков. Добросовестно истоптав весь илистый берег и перемазавшись, как черти на лечебных грязях, мы представили перед отцом и мамой, которые шли к берегу на обед.

Отец, хохоча, отмыл нас в протоке, пока мама раскладывала еду на постеленное на кошенину покрывало. Любая обыкновенная еда на покосе становилась сказочной: то зайчик яйцо передаст, то барсук пакетик конфет подарит. И было всегда необыкновенно вкусно. Став взрослыми, мы, имея свои семьи, отведав блюд из ресторанов многих стран мира, при встрече обязательно вспомним:

– А вот наша мама замечательно готовила!.. – И вспоминаем, какая мастерица была наша мама.

Во время обеда отец подробно рассказывал нам, как ловить рыбу.

Оказывается, тут главное не в том, чтобы кидать туда-сюда удочку, главное – забросить подальше и терпеливо ждать. Как раз терпения и не хватало. Но на этот раз мы забросили удочку и чинно уселись на кочках ждать клёва. То ли рыбу мы распугали, то ли обед был у неё, но не клевало. Рыбачить очень быстро расхотелось, и я уже хотел потихоньку сбежать, но тут Татьяна заметила:

– Стой, кажись, клюнуло.

И впрямь, поплавок из пробки подпрыгнул, постоял и ушёл под воду.

Мы кинулись к удочке и вместе потащили её, истошно крича. Что мы кричали, одному Богу известно, но то, что на крючке была большая рыба, это точно.

– Щука, щука! – кричал я. – Папа, помогай!

Подтащив «щуку» к берегу, мы прыгали возле неё, боясь прикоснуться. Вскоре подбежал отец и, увидев, что мы опять по уши в грязи, сказал:

– Ну, это уже перебор. И рыба ваша не щука, а сом, и не такая большая, как вы кричали.

Это была первая наша рыба. Сколько было разговоров! И каждый раз с новыми подробностями. До кита, конечно, не до-

брались, но что-то около него было. Были после и сенокосы, и рыбалки, но такого стрессового улова не было. На уху мы тогда всё же поймали: в озере ловились небольшие сазаны и очень красивые караси. А сома потом носили и показывали всем соседям: мол, смотрите, какие мы рыбаки.

Вот такая была у нас с Татьяной первая рыбалка.

ВОЛКИ

Осенью в наших краях охотники загодя готовят свои избушки-зимовья, завозят капканы, продукты и всё необходимое для жизни в зимовье во время промысла. Не кадровые охотники – любители – зачастую не имеют зимовий, и охота их скоротечна: пришёл-ушёл, больше надежды на фарт (как говорят: случай).

У нас зимовье было, до сих пор не знаем, кто его срубил, но, видно, не простые смертные, потому что рядом была подготовленная площадка под вертолёт. Наткнулись мы на зимовье случайно: в том месте по ключу Гакобараний растёт много черники. Вот при сборе черники и наткнулись на зимовье. Видно, что хозяин долго здесь отсутствовал: стены покрыл гриб, а крыша провалилась, какие-либо предметы обихода отсутствовали.

В тот год мы на охоту собирались с Мишкой Сиваковым, он был постарше меня и уже на пенсии. В общем, был свободен, как птица. Гакобараний далеко от посёлка, наверное, километров за шестьдесят, но чем удобен: рядом проходит дорога на Де-Кастри, и мы, загрузив инструмент, съездили туда и, как говорится, «обновили» зимовье. Напилили дров, отремонтировали крышу, стол, почистили печь и, протопив её, остались на ночь. Утром прошли по подножию сопки до распадка, выходящего на марь, развесили капканы и построили ловушки на соболя. К вечеру мы поехали домой, чтобы в следующие выходные опять приехать на открытие охотничьего сезона и уже построить капканы.

В следующий раз уехали на лесовозе – боялись снега. Если выпадет, на мотоцикле не выберешься. От дальних бригад до зимовья было километров десять, и за пару часов мы добрались до зимовья, натопили печь, распаковались и, перекусив, двинулись на путик (охотничья тропа, помеченная затёсками на деревьях). До ночи поднимали капканы и затемно вернулись в зимовье. За горячим чаем решили назавтра побродить по тайге, посмотреть места, и вообще определиться, что есть в этом краю.

В этом «посмотреть» на другой день мы увидели такое диво, что помнится оно мне до сих пор.

С утра мы ходко прошли два распадка и выбрались к дороге через один из перевалов. Отсюда был хороший обзор, и мы, пока обедали, любовались красотами Сихоте-Алиня. Здесь, наверху, уже был небольшой снежок, видно, ночью выпал. До табора слесарей и вагончика столовой, где мы в их воскресное отсутствие собирались переночевать, было ещё далеко, и мы заторопились продолжить путь. Идти решили по дороге, и пошли на спуск до следующего подъёма. Перед самой низиной из распадка выходила лесовозная дорога, и на ней мы увидели следы, выводящие на трассу и тянущиеся впереди нас. Среди следов явно виднелись пятна крови. Подошли поближе, пытаюсь разобрать по следам, кто тут кого подранком сделал. Следов было много, тут и медведь, и крупные собачьи следы. Видно было, что через какие-то промежутки они начинали крутиться по дороге, исполняя какой-то немислимый танец. Прошли с километр, кое-где на местах этих плясок валялась пучками медвежья шерсть.

– Слушай, – первым догадался Михаил, – похоже, это волки медведя гонят. Смотри, твари обнаглели – и медведь им не указ.

– Да ну, не может быть! След четырёхлетка, не меньше. Как они его возьмут, это же не обученные собаки, и те только останавливают зверя, а бьёт-то всё равно охотник, а тут всё на крови замешано, – засомневался я, но чем дальше мы шли, тем больше уходила моя неуверенность. Видно, волки серьёзно взялись за медведя.

Со следующего перевала мы увидели их. Четыре волка настойчиво преследовали медведя, нападая то с одной, то с другой стороны, выматывали его. Медведь кидался из стороны в сторону, пытался схватить волка то лапой, то зубами, и раз за разом промахивался.

– Что делать будем? Отсюда метров пятьсот, стрелять далеко, может, по лесу ближе подойдём? – спросил я Михаила.

– Нет, пойдём прямо по дороге, внаглую, они так заняты разборками, что подпустят нас близко. Подойдём метров на двести и попробуем ударить по волкам. Я бью влево от медведя, а ты вправо, всё, пошли, – командовал Михаил, и мы быстро, стараясь всё же идти тихо, начали приближаться к кровавым танцам.

Почему-то, не сговариваясь, решили спасти медведя, до сих пор не могу объяснить этого. Может, потому, что волки у нас бывают реже и пакостят без меры. После них и капканов не найдёшь, рвут так, что летят капканы куда попало. Вскоре мы подошли метров на двести, звери нас не замечали. Медведь уже выбивался из сил и не бросался на волков, а только делал угрожающие движения и хрипло рычал, даже голос у бедного мишки сел. Чувствовалось, что недолго ему осталось, а ведь был медведь довольно крупный, килограмм под двести. Оружие мы держали наготове, и вот Михаил махнул рукой и начал целиться, я следом вскинул карабин. Гулко ухнули и покатались по распадку звуки выстрелов. Один волк завизжал и кинулся через завалы в лес, другой крутнулся на месте, пулей сорвало шерсть с загривка, и волки стайкой кинулись за своим подранком.

– Ну, теперь нажрут, – заключил Михаил.

А что же медведь?

А ничего – обессиленный, он сел прямо на дороге и только водил головой туда-сюда: боялся волков.

– Ну что, давай чай кипятить, пока очухается, а то придётся и его добивать, не обходить же его по завалам, давай только ближе подойдём, – предложил Михаил.

Что может быть в тайге лучше чая? Горячая душистая влага лучше всякого женьшеня силы даёт.

Мы пили чай в пятидесяти метрах от потрёпанного хозяина тайги и разговаривали про таёжные странности.

Где-то через час медведь поднялся и махнул через завалы в другую от волков сторону. Вскоре и мы поднялись и пошли к табору, благо до него было уже совсем близко.

Проходя мимо того места, куда сиганул медведь, увидели среди кустов его морду, казалось, он специально ждал нас, чтобы поблагодарить. Сегодня он родился второй раз, а нам было отчего-то весело, и мы всю дорогу до табора смеялись.

НАПРЯМКИ

Случилось это в предновогодний студёный декабрьский выходной.

Когда выдался свободный денёк, я решил уехать на лесовозе до горной речки Яй и, спустившись на десять километров до зимовья, проверить капканы да пострелять рябчиков. Наложив в рюкзак продуктов и приманки для капканов, утром был в гараже и выехал вторым лесовозом. На первом, как правило, едут операторы челюстных погрузчиков, которые сразу приступают к погрузке.

Пока ехали, я раздумывал, где лучше вылезти, и, наконец, решил выгрузиться, не доезжая до речки километра полтора и напрямки дойти до зимовья. Раньше я выходил километров за пять и по старым дорогам выходил на марь и дальше вдоль водохранилища прямо до зимовья, получалось чуть больше двенадцати километров, и за четыре часа с небольшим я добирался до цели.

Сейчас я решил срезать угол и вдоль речки пройти часа за два с половиной. Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Время было такое, что и без лыж не пройдёшь, и с лыжами морока, потому что снега ровно столько, что в любой выбоине по колено; нужны лыжи, а лыжи не хотят ехать, потому что не засыпаны выступающие тут и там поваленные деревья, корчи и кустарники.

Удалившись от дороги всего метров на шестьсот, я попал в первый ветровал.

Вдоль реки растёт очень длинный лес, и вот полосу этого леса выбило ветром, причём так, что накрестило вдоль и поперёк. Сил с утра было много, и я решил преодолеть это препятствие. Лучше бы я этого не делал, недаром говорят: «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт».

Движение замедлилось, а вернее сказать, остановилось, несмотря на затрачиваемые силы и десятки обходов вывернутых с корнями деревьев. Преодолевая метр за метром, корч за корчем, я уклонялся к речке, надеясь выйти на лёд и пойти по нему.

Яй речка коварная, там постоянно возникают промоины из-за сильного течения, и ходить по ней довольно опасно. Вот и сейчас, как только я вышел на какой-то водный рукавчик, приток

Яй, и немного прошёл по нему, как провалился, и мои камусные лыжи сразу покрылись льдом. Пришлось выбраться на островок, покрытый травой, и чистить лыжи. Дальше стало ещё хуже: островок был покрыт кочками в рост человека, пришлось идти без лыж, что было довольно тяжело, и стало жарко. Нужная мне сторона так и была в буреломе и, пробираясь по островкам и кочкарнику, я мало продвинулся, хотя уже близился полдень.

«Вот дурень, уже был бы в зимовке, короткой дороги захотел. Я сейчас, быстренько. Вот тебе и быстренько», – толкались мысли в голове. Двигаться приходилось не вперёд, а из стороны в сторону, и уже к двум часам дня я взмок и устал настолько, что пришлось останавливаться для отдыха и обеда. Шесть часов пути, а я только где-то на середине, ничего себе спрямил!

Попив чаю у небольшого костерка, двинулся дальше.

Подъёмы ног с лыжами довольно тяжелы, и вскоре после обеда я стал чувствовать, как у меня немеет правая нога, ей больше досталось, когда я провалился в воду. Пришлось придумывать, как разгрузить её. Перекинув карабин на рюкзак, чтобы он лежал на нём, я продел верёвку через правую ступню, а другой конец закрепил на карабине, вроде как укоротив ногу и сбавив на неё нагрузку. Двигался теперь значительно медленнее, не обращая внимания на стаи рябчиков. В одном месте поднял сохатого, но было не до стрельбы, тем более, что карабин был обвязан верёвкой. Так и двигался по пойме, пока не нашёл место, где выбрался к маре.

Теперь идти было значительно легче, но это был одиннадцатый час пути, и темнота накрыла марь. Как идти по снегу в темноте, всё-таки видно, и вскоре я подошёл к еле видимому следу старой дороги, пересекающей марь. Отсюда, по-хорошему, около двух часов ходу, но с моей ногой я даже не загадывал, когда дойду до зимовья. Шёл уже, как говорится, «на автомате», как робот. Сознание переключилось на какие-то отвлечённые темы и отключилось от тела. Сильно болело в паху, рукой прощупывалась вспухшая не то жила, не то вена, и с каждым шагом импульсы боли пронизывали тело. В полной темноте я шаг за шагом упорно продвигался к зимовью. Уже обе ноги вниз от колен ничего не чувствовали. Как медленно ни тянулось время, стрелки «командирских» часов показывали начало двенад-

цатого ночи. Шёл шестнадцатый час «спрямлённого пути». От последнего сворота с мари к зимовке было триста метров, которые раньше преодолевались, конечно, легко и незаметно, но сейчас я проковылял эти метры за бесконечно тянущийся час. Как я ввалился в зимовье, в памяти остались одни отрывки.

Благодарение Богу: в печке были наложены дрова и положена берестяная растопка, оставалось только поднести спичку, и печь весело загудела, отбрасывая через щелочки двери зайчики света. Сил не было настолько, что я так на полу у печи и уснул. Что бы было, если бы не смог зажечь печь, нетрудно догадаться.

Проснулся часа через два. Печь догорала, мерцая угольками, но в зимовье уже было довольно тепло. На полу было холодно, я замёрз и принялся подкидывать в печку заранее припасённые дрова. Опять же благодарение Богу, что научил он вести в тайге рачительный образ жизни и предусматривать такие случаи: не случайно в зимовьях можно найти дрова, посуду, спички и запас продуктов.

Вскоре согрелось до того, что я смог раздеться и осмотреть свою ногу. Вид был неутешительный: вспухшая жила бугром выпирала на ноге в паховой области, а вокруг с ладонь красно-чёрный синяк, наверное, от нагрузки лопнул какой-то кровяной сосудик, вот и возник синяк.

Ничего не придумав иного, оторвал большой кусок ткани от простыни спальника, намочил его водкой из фляги и обвязал ногу. Получился своеобразный компресс, успокаивающий боль. Теперь можно подкрепиться и отдохнуть.

Зимой в зимовье, у горной реки, какое это чудное великолепие: здесь с каждым глотком вдыхаешь живительный бальзам, и здоровье восстанавливается стремительными темпами. Кормился тут же, в промоине пойманными хариусами – чудесная, королевская рыбка, как говаривал тесть, «сплошной витамин». Дня через три я уже довольно сносно ходил и, проверив капканы, засобирался домой, нужно было успеть на Новый год. Продукты подвешены, печь заполнена – в путь. Назад по старой дороге я дошёл, как обычно, за четыре часа, и попутным лесовозом добрался до посёлка.

Вот так «срезал» я дорогу, о чём часто в непогоду мне своей болью напоминает нога.

НА ЛАБАЗАХ

Самые жаркие дни в низовьях Амура, как правило, наступают в июле. В июле на марях распускается лечебная трёхлистка, и в июле же наступает самый комариный и оводовый период. В это время сохатый идёт на марь, на продуваемые места и на купалки, где можно искупаться в жаркий день и вдоволь полакомиться сочной трёхлисткой. Трёхлистка чистит кровь и весь организм, и её поедание у сохатых, очевидно, в генах, ведь учить их некому. Вот в такое время и охотники не спят – кому же не хочется занять гору халявного мяса. Убил – и парь, жарь его всё лето. Раньше сохатых было много, за вечер до десятка видели, но брали зверя разумно, не для продажи, а для своего стола. Каждый год сохатых бывает разное количество, это, в общем-то, тоже зависит от охотников: убьют сохатого, остатки не закопают, а сохатый чуткий зверь – кровь почует, на это место не придёт, вот и приходится искать его, осваивая всё новые и новые места.

Мы тоже собрались на сохатого. Обычно ездили вдвоём, втроём, а тут после нескольких неудач решили поехать впятером, чтобы перекрыть все выходы на марь.

Собрались и на трёх мотоциклах поехали в тайгу поближе к Шаманской мари. Раньше там проходила лесовозная дорога, много лет ей пользуются только охотники. Дорога заросла, и пройти может только мотоцикл. Приехали засветло и расселись по номерам, то есть по лабазам вдоль мари. Мне достался лабаз самый первый, недалеко от выхода тропы на марь, Витёк Николаев с коротышем-самоделкой под карабин пошёл вправо и сел на лабаз на дальнем мысу, метров за пятьсот. Гоша Стародубов ушёл влево, в самый угол, а его тесть Колодочкин ушёл через марь к купалкам. Лабаз там был старый и требовал ремонта, а потому обустроился он на земле.

Скоро наступила звёздная ночь, было тихо, только изредка через марь доносился звук лесовоза, идущего через перевал.

Около полуночи слышались чавкающие шаги – это сохатый с сопок спустился на марь и пошёл на другую сторону между мной и Николаевым, но увидеть его было невозможно.

К утру всё стало оживать, то лиса залает, то медведь рывкнет, лесные обитатели начинали дневную жизнь. То тут, то там начали петь птицы. На марь опустился предутренний туман. Зрелище очень интересное: маревой туман стелется полосой над марью как папиросный дым, с той лишь разницей, что в полтора метра высотой и не поднимается вверх, а утягивается под сопки и там исчезает. По той стороне слышались шаги: шёл зверь, шёл осторожно. Уже было довольно неплохо видно, и я попытался рассмотреть его в бинокль. Долго шарил по кустам, но вот наконец увидел, как над туманом движется, иногда пропадая, коричнево-чёрная холка сохатого. Он шёл в том месте, где находился Колодочкин, и я стал ждать выстрела.

Дядя Петя хоть и с одним глазом, но стрелком был отменным. Выстрела не было, и зверь спокойно ушёл по мари и вскоре исчез из виду. Скоро собираться, видно, опять впустую. Тут я вспомнил, где ночью прошёл сохатый, и, осторожно спустившись с лабаза, пошёл к месту перехода. Вскоре нашёл следы и лёг на тропе: сохатый утром всегда возвращается по своим следам.

С рассветом начали одолевать комары, и я натянул на голову капюшон энцефалитки. Лёжа на земле, шаги слышишь лучше, но не всегда поймёшь, где идёт зверь. Вот и сейчас, вслушиваясь в шаги, я никак не мог понять, где идёт зверь. А он шёл, и шаги были где-то близко. Подниматься на открытом месте – это сразу обнаружить себя, и я попытался немного стянуть капюшон с головы, чтобы посмотреть назад, туда, откуда слышались шаги. Но тут они стихли, и я явственно услышал дыхание, закинул голову назад и прямо над собой увидел сохатого, лицо обдало тепло его дыхания. Можно было рукой коснуться его морды, но как только я потянулся к карабину, сохатого как ветром сдуло. Он, как стрела, понёсся в сторону Николаева и стремглав скрылся в мелких зарослях, я и стрельнуть не успел. Там сохатый затаился, видно, оценивал обстановку.

Уже было совсем светло, и слышно было, как к выходу с мари пошли Гошка и дядя Петя. Я тоже пошёл к выходу, там мы и встретились.

– Дядя Петя, а ты чего не стрелял? – спросил я Колодочкина.

Он изумлённо посмотрел на меня и как-то резко спросил:

– Кого? Это же медведь был, да такой здоровый, что я просто обомлел. Сколько лет охочусь, а такого первый раз увидел, аж

сердце сдавило. Думаю, пальну, а вдруг такого мамонта не завалю, он же меня вместе с ружьём сожрёт и не подавится. Я, когда медведь прошёл, вышел и на его след встал, так обе ноги в болотных сапогах в следе уместились. Никак не меньше тонны, гризли, блин, дальневосточный.

Видя, что он взволнован, Гошка предложил хлебнуть чаю из термоса. Было начало седьмого, слышимость очень сильная, и Гошка приготовился свистнуть Николаеву: опоздаем на работу. Но в этот момент с его стороны раздался крик:

– Стой, кто идёт? Стрелять буду! – раздался шлепок по мари и опять грозный окрик: – Ещё раз спрашиваю, кто идёт? – и гулкий выстрел из карабина.

Слышно было, как пуля ударила в дерево.

– Проспал, сволочь, – беззлобно ругнулся Колодочкин.

Как оказалось, Николаев действительно проспал. С вечера он принял грамм двести «для сугреву» из припасённого запаса и уснул сном младенца. Проснулся, заслышав рядом шаги, и спросонья начал кричать, сохатого он толком и не видел, а пальнул для очистки совести.

– Ну а вдруг там человек был, – неловко оправдывался он потом.

Мы быстренько укатили на работу и всю дорогу хохотали, это ж надо – сохатому: «Стой, кто идёт?». Так и закрепилось за Николаевым среди нас: «Витёк стой кто идёт», и он тоже смеялся вместе с нами.

МЕДВЕДЬ

С малых лет, как в своё время учили меня, я пытался приучить своего сына к оружию. В деревне его имели практически все. Не все охотились, но оружие было почти в каждом доме. Кто занимался охотой, имел оружие посерьёзнее, кто по договору с Госпромхозом, а кто нелегально. Последних было больше.

Скажу сразу, что умение обращаться с оружием у него не переросло в любовь к нему. Но тогда я пытался это сделать, и уже в тринадцать лет у него была одностволка шестнадцатого калибра с длинным стволом «Цилиндр», имеющая очень приличный бой. Собрать его с собой на охоту была целая проблема, он вроде загорался – и тут же мог убежать по своим делам, наплевав на запланированный выезд. Пару раз я брал его с собой на лабаза, но зверя не было, а проторчать ночь на лабазе на сучковатых круглых жёрдочках – занятие не из приятных.

Как-то в середине лета мы с братьями собрались отметить небольшое событие, и я сказал, что никак не могу приучить сына к охоте. «Отметить» по-деревенски – это когда стол ломится от огородного и охотничье-рыбного изобилия, а в центре стола исходит слезой запотевшая бутылочка «Русской». Как раз в эту пору зашёл с улицы мой сын Слава, и мы троём начали заводить его.

– Ты чего это, хлопец, с отцом на охоту не ходишь? Уже вон, бык здоровый, четырнадцать лет исполнилось, мужиком расти должен, да и село у нас таёжное, как без охоты? Мясо, небось, трескаешь!

В общем, раззадорили парня и, чтобы не откладывать – а завтра был выходной, – решили ехать на мари, где в это время выходит на кормёжку сохатый (дальневосточный лось). На мари места открытые и, как правило, сохатых бьют там.

Поднявшись наутро, начали заблаговременные сборы, и с обеда мотоцикл был загружен всем необходимым. Слава категорически отказался от привычной нам тяжелой таёжной одежды, а выбрал себе пуховый спальник (всё равно на лабазе сидеть, закутаюсь в него и сидеть буду). Оделся тоже легко, даже патронташ отказался брать.

– Можно подумать, сохатый – это табун уток. Сам говорил, что редко больше двух-трёх раз стрелять приходится. Ружьё одноствольное возьму, пять пулевых патронов, мне и хватит. Нож охотничий тоже брать не буду, у вас у всех ножи, вы мне разделять дадите, складной возьму, он в кармане умещается, – ходил и бурчал Слава.

Вскоре подъехали братья, и мы решили выехать пораньше, чтобы разойтись по разным лабазам и перекрыть тропы по марям. С тем и двинулись в путь.

До мари километров двадцать мы проехали на мотоциклах, а там, взвалив рюкзаки и оружие, двинулись, утопая в мокром мху до середины икр, ещё на шесть-семь километров. Идти было тяжело: днями прошёл дождь и было много воды, да и гнус, комары и мошка не давали дышать. И откуда их столько берётся? Брызгались всякими мазилками, репеллентами; вроде привычные – родились здесь, и всё равно так облепят, что только успевай отмахиваться да отплёвываться.

Пока шли по старой тропе или, вернее, дороге, ведущей к остаткам строений колонии Дальлага, решили разделиться: братья как более молодые и резвые уйдут дальше вправо, а я с сыном пойду влево, на ближнюю марь, где по выдающимся в марь мыскам леса устроены лабаза.

Вскоре разошлись, и мы пошли к местам своих засидок (мест на лабазах).

Слава всё спрашивал меня, куда и как лучше поразить сохатого или медведя. Я, как мог, объяснял ему:

– Стреляй только тогда, когда зверь виден и есть возможность бить прицельно. Стрелять по плохо видимому или мельтешащему в кустах зверю нельзя. Как правило, результатов от такой стрельбы нет, а подранка можно сделать. Сохатого лучше стрелять в шею или под лопатку.

– А медведя куда лучше, в голову?

– Медведя так же. В голову сложно и опасно: лобная кость у медведя очень мощная, и пуля может уйти рикошетом от кости, не пробив её. Конечно, если попасть в висок, небольшую вмятину за ухом, то это смертельно, там нет такой мощной защиты. Никогда не стреляй зверя по брюху, в горячке уйдёт очень далеко, и вероятность найти его минимальная, – продолжал научать я.

Так в разговорах мы дошли до первого лабаза, у которого решил остаться я. Обзор был большой, а у меня был надёжный «Ко», пятизарядный карабин с мощным патроном.

Лезть на лабаз я побоялся, уж больно ветхим он был и элементарно мог обрушиться, а потому выбрал место прямо на кочковатом бугорке под кустом стланика.

Слава пошёл к следующему лабазу, метров за триста от меня.

Я помахал ему рукой и принялся обустриваться на засидке.

Первым делом на мох расстилался кусок целлофана, что не давало проникнуть воде, а иначе за час будешь мокрый до ушей. Затем брезент и остальные вещи: термос, фляжка, фонарь, репеллент от комаров и пара бутербродов. Бутерброды лучше оставить в закрытом рюкзаке, иначе мыш-полёвка, это вездесущее животное, утащит их из-под рук, не успеешь и заметить. В общем, всё разложил и начал устраиваться сам, что значит обседеться – найти самое удобное место для ночного бдения и удобной стрельбы.

Проверив, чтобы ничего не мешало и не давило – выступающие корни врезаются, – устроил место для карабина. Важно, чтобы вокруг оружия не было ни одной веточки, чтобы не зацепить и не издать какой-нибудь звук. Также ветки подрезаются перед стволом, чтобы не мешали целиться. Поведя карабином, определил впереди мешающий куст и, вытащив ноги, направился к нему.

В это время над марью гулко ударил выстрел, и эхо покати-лось между сопками. В следующую секунду я услышал крик:

– Папа... – что дальше, я не расслышал, так как, подхватив карабин, что есть сил бежал на крик.

Уже на бегу услышал рёв явно раненого зверя.

«Стреляй! – билась мысль в голове. – Что же ты не стреляешь?» Славу я увидел сразу, как только выбежал из-за выступа леса, он то оглядывался по сторонам, то что-то пытался рассмотреть под ногами. Увидев меня, он с криком:

– Вот он! Вот он! – попытался бежать впереди меня, загораживая обзор.

Я просто отшвырнул его с тропы и увидел, как метрах в тридцати среди стланика крутится большой бурый медведь, с рёвом ломая ветки. Вскинув карабин, я выстрелил в медведя, но пуля, задев ствол стланика, с воем ушла вверх. Доли секунды для

принятия решения: нажата защёлка магазина и четыре патрона высыплются под ноги в воду, а сверху вставлена новая обойма с развёрнутыми пулями, предназначенными как раз для такого случая. Развёрнутая пуля тупым концом рубит ветки и не рикошетит (не уходит в сторону). Двумя выстрелами я добил медведя и, убедившись, что он мёртв, обернулся к Славе:

– Ты почему не стрелял? Хотел медведя перочинным ножом резать?

У него в руках действительно был зажат перочинный нож с усами для вытаскивания гильз.

– Понимаешь, увидел его внезапно из-за поворота, кто-то здесь завалил сохатого, вот он кишки и растаскивал и был ко мне боком. Я и решил – за ухо, чтобы наверняка, как ты говорил. Ну и ударил. Медведь упал и тут же поднялся, я в карман за патронами, а карман узкий в джинсах, и когда руку с патронами дёрнул, патроны высыпались, а тут воды по мху сантиметров на двадцать, в общем, остался без патронов, хорошо, ты подоспел, а то не знаю, чем бы это закончилось, – дрожащим от волнения голосом рассказывал Слава.

Вскоре подоспели братья, поздравляли Славу с почином – с первым зверем. Мальчишке четырнадцать исполнилось, а уже медведь на счету. Жаль, конечно, что не сохатый, да ладно.

Быстро разделали медведя и ещё засветло вышли с мари. Добрались до дома и наготовили свежины.

Как ни уговаривали Славу, к мясу он не притронулся. Не знаю, что на него подействовало, может быть, сам безжалостный вид охоты на зверя, но сейчас тому четырнадцатилетнему мальчишке за сорок, а дикое мясо он так и не ест.

КАПРЕМОНТ

Перед девяностыми годами затеяли в леспромхозе большой капитальный ремонт жилья. Пилили брус, доски, лафет и всю необходимую для ремонта жилья столярку. С этим было проще, всё-таки в тайге живём. А вот с прогнившей и рассыпающейся в руках электропроводкой было куда сложнее, тем более, что давно уже существовали новые правила монтажа.

Леспромхозовское начальство свалило эту проблему на хозяев ремонтируемых домов. Пытаясь найти выход, все эти хозяева ринулись на электростанцию, где в штате на полставки числился электрик ЖКХ (жилищно-коммунального хозяйства) и было два штатных электромонтёра, что, конечно, не одно и то же. Руководил леспромхозовской электростанцией Влад Круглов, имеющий далеко не электротехническое образование, но человек деятельный и энергичный.

– Выручить людей – наша святая обязанность, к кому они ещё могут обратиться в нашей глухомани. А потому в свободное время пошли по квартирам, и через три дня я должен знать, какие и сколько нужно материалов и примерную очерёдность выполнения работ, – заявил начальник электростанции и укатил в Циммермановку, с заявками на электроснабжение.

То, что его там не ждали, раскинув руки для объятий, стало понятно с посещения главного энергетика, кстати, в прошлом одноклассника Влада. Тот что-то заумно объяснял ему о сложности монтажа, о специализации в этом направлении и в конце об отсутствии снабжения для этих целей.

– Ты чего тут губой боишься пошевелить, демагогию развёл, скажи, что можешь дать, и я это доведу людям, пусть они сюда едут, спокойную жизнь твою порушат, – не сдержался Влад, но только эти слова и вернули к жизни энергетика, и он подписал заявку.

– Иди на склад, там посмотрят, что есть из этого, и выдадут.

Ведь знал, хитрец, что на складе шаром покати. Нет, не так чтоб совсем уж ничего не было, какие-то крохи насобирали, и двинулся Влад обратно.

Привезённые материалы электриков привели в уныние.

– Ну и чем тут работать? Электрик, как разведчик, должен прийти, сделать и уйти. На каждый дом всё нужно сразу и в полном объёме, не будешь же через день ходить: сегодня розетку, завтра щиток. У людей тоже свои дела, да и каждый день грязь носить, хозяйки нас возненавидят, – заявил Паша Седой, старший электромонтёр, мужчина с огромным опытом работы, золотыми руками, и, как все золоторукие, лужёной глоткой.

Выпить он любил неизмеримо больше, чем поработать. Второй электромонтёр, Серёга Ярославец, только качал головой в такт Пашкиным словам.

Электрик ЖКХ Мирон аккуратно разложил всё, что привезли:

– Не густо, но можно начать работать, только нужно узнать, кто едет в город, и сделать заказы, сейчас в магазинах кое-что найти можно.

Так и сделали, дом за домом обходили всех нуждающихся, опрашивали, у некоторых запасливых хозяев кое-что находили дома, и вскоре укомплектовали первый двухквартирный дом. На монтаж пошли все вместе, решили устроить мастер-класс и посмотреть, кто что может.

Вдумчивый Мирон быстро набросал понятные схемы, и все принялись за работу.

Оказалось, что мелочной подготовительной работы было больше, чем самого монтажа. Ну и напрыгались мужики в тот день без должного опыта: ведь чтобы пробить каждую скобу, нужно было лезть на стремянку. Это впоследствии ставили вдоль стен козлы, на них клали доски и, как по тротуару, ходили вдоль стен. А в первый день помучились и задержались допоздна.

Как только стемнело, хозяин квартиры торжественно внёс полутораведерный бак и, поставив его на табурет, открыл крышку.

В нос ударил пьянящий запах браги.

– А это ты чего принёс? – спросил удивлённо Круглов.

– Дак Павел сказал, что иначе светить не будет, всё как договаривались, сейчас я закуску организую, – и выбежал из комнаты.

Паша, предупреждая излишние вопросы и недоумение, заявил:

– Командир, я электромонтёр, и этим вовсе заниматься не должен, а потому сразу говорю, как для нас, так и для тебя, – это калым, и давайте по-братски, без командиров и подчинённых.

Есть выпить, поесть – мы работаем. Нет – пусть один Мирон отдувается.

Мирон, конечно, безотказный трудолюбивый хлопец, но ведь один и половины до зимы не успеет, что он сам и подтвердил:

– Я-то и один могу работать, только когда я это сделаю? Не забывайте, что ещё детский садик монтировать, это по-любому я один не вывезу.

Пришлось Владу начальствующий гонор убрать и присоединиться к бригаде, именно так решили называться с сегодняшнего дня.

Мирону, конечно, эти выпивки были в тягость, нет, выпивать-то он, конечно, выпивал, но вот пьяным его никто не видел. В противовес остальным не было у него тяги к спиртному, он больше любил Амур, рыбалку и всякую связанную с этими делами технику. Вот эти занятия и решил Круглов использовать на благое дело: теперь каждый мог съездить на рыбалку с непременно условием что-то реализовать и дать денежку на электроснабжение.

История знает много казусных мероприятий во благо дела, и это было не новым. Летняя кета на УРА шла комсомольчанам, и люди с удивлением видели, как на дебаркадер высаживались «покупашки» с бухтами провода, рюкзаками соединительных коробок, выключателей и розеток. Не был рыбаком только Паша, и он отдувался за всех.

На электростанции был прекрасный, спаянный коллектив, и всё работало, как часы, безотказно и чётко. Утром Круглов бежал на планёрку, а Паша, подпоясавшись монтажным поясом, перекинув страховочную цепь через плечо и надев когти на плечи, отправлялся за утренней банкой бражки. Кто же знал, что в его сумке вместо инструментов стоит банка?

Начальник лесоучастка Жарников частенько из окна своего кабинета со второго этажа видел Пашу и похваливал Круглова:

– Вот видите, Круглов дисциплину организовал как надо – время семь утра, а у него электромонтёр уже на объект идёт. Учитесь, как надо работать.

Назад Паша возвращался другой дорогой – упаси Бог попасть кому на глаза. Конечно, такой образ жизни, который определила бригада себе на лето, не всем нравится, и если склад солидно пополнился и не надо было ни у кого ничего просить, то домашние

Серёги Ярославца и Влада Круглова выражали явное неудовольствие (это если мягко сказать). Бригаду хвалили на работе, а дома шли скандалы.

Так продолжалось до осени.

Подошла осенняя рыбалка, а у бригады дважды в неделю посреди комнаты стоял бак с хмельной брагой. Остановило это тихое помешательство то, что Серёга ушёл в отпуск, Пашу отправили в командировку – на монтаж крана в Киселёвку, Мирон жил в Быстринске, а Владу стал помогать сын Слава, при сыне не попьёшь, да и работ срочных не было. Мирон спарился со Славой, и они успешно заканчивали последние дома из серии капремонтов.

Такие загулы просто не заканчиваются, и Влад, поехав проверить бригаду строителей, поднабрался за их застольем спирта. Хотя до этого было всего – водка, и ещё не вспомнишь чего. После спирта Слава довёз его до дома. Утром Влад был на работе, и по распоряжению Жарникова поехал смотреть демонтаж клуба, сегодня на него ставил бригаду строителей, с которыми вчера было чрезмерное возлияние. Чтобы начать работу по демонтажу клуба, нужно было обесточить его и убрать опоры, впритык стоящие у клуба. В коляске мотоцикла у Круглова всегда были когти и инструмент, и он решил снять провода сам – дело не сложное и привычное. Не стал дожидаться Мирона и полез на столб, всего их было четыре. День был жаркий, и пока Влад слазил на первый столб, изрядно взмок. На столбах, как принято в деревнях, висели фонари освещения, проходили провода радио и связи, в общем, проводов – хоть запутайся. После третьего столба состояние было – хоть ложись и помирай. Как раз подъехали строители, и бригадир Сашка Уткин, с радостью вытащив из мотоцикла флягу со спиртом, предложил Владу:

– Хлебнёшь?

Опохмелиться было нужно, святое, как говорится, дело, но Влад отвёл руку с флягой:

– Сейчас четвёртый освобожу от проводов, и тогда врежу.

Столб был с укосиной (боковая подпорка) и весь, как новогодняя ёлка, во всевозможных деревенских подключениях.

Столб давался тяжело, провод за проводом падали на землю, руки у Влада уже ничего не чувствовали, ноги дрожали, язык

требовал немедленной влаги. Наконец с проводами покончено, но трясущиеся ноги не хотели спускаться. Влад отстегнул ремни когтей и сбросил их вниз, а сам, держась руками, принялся сползать по столбу.

Первое, что почувствовал под ногами, – укосина, вот зараза, кое-как переполз через неё и тихонько опустился на землю.

Сашка уже стоял с половиной стакана спирта и огурцом в другой руке.

– Братан, давай прими, легче станет.

Сашка был одноклассником Влада и искренне желал помочь.

Влад стоял у столба и не мог расцепить руки, пот ручьями стекал по затылку и спине, казалось, что голова размякла и виски колыхались так, что давили на глаза. Да за что же такие наказания? И сознание начало туманиться от ненависти к стакану.

– Всё, – выдохнул Круглов, – пить больше не буду.

И, кое-как расцепив руки, подобрал когти и пошёл к мотоциклу.

Сашка недоуменно смотрел ему вслед, потом махнул из стакана и смачно грызнул огурец:

– Видно, перегрелся сегодня Влад, ничего, отойдёт.

Но не отошло, Влад больше не пил. Семейные скандалы не прошли даром, и поздней осенью он уехал из посёлка.

Так закончилась эпопея капремонтов, которую люди вспоминают как весёлое развлечение, а участники стараются не вспоминать.

ДРАКА

Осенний базар-рыбалку на Амуре можно описывать до бесконечности, но, чтобы ясно представлять, что происходит на берегу во время осеннего хода кеты, – это нужно видеть. Сейчас, конечно, всё по-другому, а после 1986 года берег в Быстринске был сплошным табором. После Чернобыльской катастрофы спрос на красную икру вырос в разы. Икра лососёвых является мощным радиопротектором и помогает обновлению крови. Только ленивый в то время не пытался нажиться на икре. Народ за икрой ехал разный, вез всё – от водки до заводских поделок, фонарей, сетей и ножей. Народ у нас не был избалован таким товаром и охотно скупал всё привозимое. Особым спросом пользовались ножи, ведь для местных жителей, рыбаков и охотников, нож – это запасная рука, без ножа никуда. Изначально вроде мирные торги, бывало, заканчивались драками. При таком обилии водки трудно было не выпить, а у пьяного совсем другой взгляд на происходящие события и окружение.

Цены то взлетали, то падали, и ясно, что какая-то сторона порой была недовольна. Всё зависело от количества рыбы и количества покупателей. Если того и другого было в достатке, то всё проходило тихо и мирно, но если баланс нарушался, сразу находилась недовольная сторона.

Описываемый случай как раз и пришёлся на сбой в ходе рыбы. Начинались осенние ветра, рыба ловилась плохо, и цена на неё сразу выросла. Как раз «Ракетой» подъехала группа покупателей из шести человек: четыре молодых мужика и две пожилые женщины. Они спустились с дебаркадера и расположились недалеко от него у едва теплившегося костра, оставшегося от предыдущих «покупателей». Были они затарены шахтёрскими фонарями, охотничьими ножами и, конечно, водкой.

С первых шагов их постигла неудача – рыбы практически не было, и вместо терпеливого ожидания (а проще было пройти по посёлку) они «уговорили» пару бутылок водки и недовольно обсуждали ситуацию.

Бывалые покупатели бегут к каждой подошедшей лодке, и хоть как-то, по одной, по две рыбины набивают свои рюкзаки.

Эти же были новичками, а неудача и водка разыграли в них агрессивность.

В одной из подошедших с заплыва лодок находились два брата, Влад и Сергей. Сплав был не совсем хорош, но всё же в лодке было около десяти серебристых лососей, осенней кеты. Заплыть они больше не собирались, и при помощи ожидавшего их на берегу зятя Виктора быстро стаскали рыбу, мотор и рыбацкие пожитки в домик на берегу, возле которого их ожидали два голубых «Ижа» с колясками.

Виктор сразу заключил:

– Мужики, ну давайте на вечер водки возьмём, в магазине-то нет ничего.

Влад попросил Сергея:

– Сергей, проедь к дебаркадеру, там вроде покупатели сидят, узнай, что у них есть и почём сегодня продают.

Сергей сел на один из мотоциклов и поехал до дебаркадера, до которого и было-то метров 200. Пока он там узнавал, как говорится, «новости торговли», Влад с Виктором убрали всё в будку и прямо на доски наплава разложили помидоры, сало и хлеб – закуску к предстоящей выпивке.

Сергей задерживался, и Виктор с Владом тоже поехали к дебаркадеру.

Сергей стоял напротив покупателей и о чём-то разговаривал с одним из них, молодым крепким парнем. Видно было, как парень передал бутылку Сергею, и Влад, развернувшись у дебаркадера, поехал за ним к будке.

Там Сергей рассказал новости:

– «Покупашка» за бутылку просил три кеты.

Пока разливал водку, в будку заглянул знакомый парень по кличке Цыган. Он начал рассказывать, что рыбы почти нет, и покупатели перед отъездом давали по две бутылки за одну рыбину.

– Вот так фокус – продешевили!

Не успели допить бутылку, как один из покупателей подошёл к рыбацкому домику и спросил про рыбу.

Сергей, зло поглядывая на него, спросил:

– Почём берёшь?

– Две за бутылку, – последовал ответ.

– А ты не обурел? – взорвался Сергей. – Смотри, в ней почти килограмм икры, и сама весит килограмм семь, – поднимая в целлофане крупную рыбину, Сергей подошёл к покупателю.

– И ты хочешь за пузырь палёной водки две кетины?

Парень был не из робкого десятка, хмыкнул:

– Ты продаёшь, я покупаю. У вас тут этой рыбы... поди, сама в бочки прыгает?

Дальше случилось непредвиденное. Сергей резко отвёл рыбину в сторону и смаху заехал ей покупателю в лицо. Тот от неожиданности и силы хлесткого удара упал на песок. Тут уже подключились и остальные:

– Вали, пока не добавили. Иди сам лови её, и можешь задаром раздавать.

Парень поднялся и бегом отправился прочь от несговорчивых рыбаков.

Серёга, приняв очередные сто грамм, успокоился и стал рассказывать про покупателей у дебаркадера. Они показали ему ножи и шахтёрские фонари.

– Нам бы и фонарь ещё один не помешал, да и ножи нужно посмотреть, – сказал Влад.

Решили поехать. Сергей двинулся вперёд с рыбой в коляске, а Влад с Виктором – следом.

Дорога по берегу участка шириной только метра на три, по сторонам речной галечник с песком, и, чтобы не застрять, Влад проехал мимо Сергеева залета и там развернулся.

Виктор, увидев знакомых, попросил притормозить, и Влад остановил мотоцикл.

До Сергея было метров 50, и Влад видел, как Сергей отъехал от покупателей.

Парень, который разговаривал с ним, побежал к костру, возле которого лежали рюкзаки и собрались покупатели. Теперь их было семь мужчин и три женщины.

Влад кинув Виктору:

– Подойдешь, – поехал к покупателям.

Сергей метрах в ста, что-то подобрав с песка, развернулся назад.

Влад остановился, и покупатель, бегавший к рюкзакам, подбежал к нему, и сходу вроде как обнял и, развернувшись, побежал назад.

Влад застыл на мотоцикле, что-то горячее, как раскалённым утюгом, пришлось по левой лопатке, рука обвисла и онемела. Пытаясь понять, что произошло, Влад посмотрел вслед убегающему парню, и увидел в его руке нож с падающими с него ярко-красными каплями.

– Это он меня, что ли? – попытался сообразить Влад.

Подъехавший Сергей, увидев совершенно белое лицо Влада, бросился к нему, оглядел и, оттянув ворот энцефалитной куртки, увидел фонтанирующую тонкую струю крови.

– Братан, держись, – и, подъехавшему Виктору: – Помоги Владу.

Сергей бросился к своему мотоциклу и вытащил из коляски обоновочную цепь – это за ней он ездил, поругавшись с «покупашкой», который попросил за нож десять кетин.

Было из-за чего вскипеть: самодельный нож – дороже златоустовской позолоченной сабли. Размахивая цепью, состоящей из металлических звеньев толщиной в сантиметр и весом килограммов около десяти, Сергей врубился в толпу «покупашек». Бой начинался нештучный.

Влад слез с мотоцикла и двинулся к дерущимся, первого «покупашку», мужика в очках, сбил ударом в челюсть с правой руки – левая так и не работала –, и двинулся дальше. Одна мысль билась в голове:

«Где эта тварь, где нож?» – и шёл на ватных ногах к покупателю, ударившему его.

Женщины окружили «покупашку», что-то кричали, а он стоял с ножом в руке и, похоже, ничего не соображал.

Разбежавшись, Влад прыгнул и обеими ногами сбил противника. Удар пришёлся в грудь, и тот отлетел метра на три и упал на песок. Нож выпал из руки и валялся рядом.

Влад поднимался на ноги, видя перед собой только нож, но в это время удар сзади по голове, как штырём, пронзил его.

Влад обернулся. Очкастый шарахнул его фонарём и замахивался для второго удара.

Налетел Серёга и обоновочной цепью опередил удар, Влад только увидел, что цепь прошла по кисти очкарика, сняв кожу до костей. Тот взвыл от боли и упал на песок.

– Ты как, братан? – кричал Серёга.

Наверное, к Владу пришло второе дыхание, или удар по голове не вырубил, а, скорее, мобилизовал его. Влад опять рванулся к ножу, уж чем-чем, а ножом он мог владеть. Даже увидев двух бегущих к дерущимся милиционеров, он не остановился, девиз Суворова, выученный в учебке: «Мы русские, мы победим» – звал к победе. Нож он схватил и, наверное, успел бы в горячке боя, а иначе это не назовёшь, убить двух-трёх «покупашек», ставших реальными врагами, но к нему подступились женщины.

– Сынок, не делай беды!

– Прости дурака, я его мать, я молю тебя, остановись, – кричали они, прикрывая собой парня.

К ним уже подбежали милиционеры, пытаясь на ходу понять, что тут произошло.

Шесть человек валялись на песке.

Подбежал водитель автобуса, привезший пассажиров на «Метеор» и милиционеров, Николай Каренов. Его желание помочь не реализовалось – бить было некого.

Один из милиционеров шепнул Владу:

– Выбрось нож, там же твои отпечатки, – и Влад, размахнувшись, зашвырнул нож далеко в воду.

Сергей выкинул цепь, подошёл к милиции и начал эмоционально рассказывать, из-за чего и как всё произошло.

– А ты чего молчишь, урод? – и с размаху ударил «покупашку» промеж глаз.

Глаза того сразу заплыли, и милиционеры, подняв его с песка, надели на него наручники и повели к автобусу. Тот же милиционер сказал Владу:

– Ты как, нормально? Сможешь в отделение приехать заявление написать?

– Смогу, – кивнул тот, хотя кроме желания прилечь тут же, на песке, ничего не хотелось.

Сверху на энцефалитке крови было немного, но под ней была тёплая рубаша, тельняшка, простая рубаша, и всё это было в крови.

Какое отделение?

Сергей сразу повёз Влада в медпункт.

– Да, Влад, повезло тебе несказанно: голова заживёт, небольшое рассечение, а ножевой удар со спины – прямо напротив серд-

ца. Но, видать, нож хорошо заточенный, и ударивший – не профессионал, слабо ткнул. Нож расколол ребро и проткнул плевру, надо госпитализировать, – сделал вывод доктор.

Кое-как уговорили его принять на себя неофициальное лечение, хотя он сразу предупредил:

– Если придёт милиция, я всё рассказываю.

На том и порешили.

По дороге домой заехали за Виктором, и первый вопрос, который ему задали:

– А ты какого... отсиживался и не помог?

Виктор растерянно водил головой:

– Да я никогда такой драки не видел, даже не сообразил, что делать, а потом смотрю – милиция, и все лежат.

Уколы, сделанные доктором, помогли, и до дома доехали спокойно. Пока Влада переодевали, мать заливалась слезами. Перед комендатурой решили выпить по соточке водки – начинало болеть. В это время к дому подошли две женщины, искали Влада. Вышла мать, Влад не захотел разговаривать с женщинами, и они с матерью зашли на летнюю кухню.

Разговаривали с полчаса, и когда мать вошла в дом, глаза её были в слезах.

– Сынок, – сказала она, – эта женщина – мать того придурка, который схватился за нож, у ней больше никого нет, муж давно умер. Если напишешь заявление, ему лет семь дадут. Мать с ума сойдёт, как ей одной?

– Не напишу. Скажи, пусть утром все уедут, мы договоримся, чтобы его отпустили.

Каких трудов стоило уговорить милицейских, история умалчивает, но утром «покупашки» беспрепятственно уехали в свой Комсомольск.

Вот такие дела иногда случаются в тихих посёлках, но это не останавливает «покупашек», и на следующий год по берегу опять горят костры и идёт торговля. Да и чем ещё заниматься в глухом таёжном посёлке?

ШТРАФНИКИ

В конце нашей улицы из шести новых двухэтажных домов поселилась семья Вавиловых. Сам хозяин, Михаил Вавилов, как он сам говорил, широкой натуры и необъятной души. Весь в синих рисунках наколок (на груди красовались портреты Ленина и Сталина), он частенько бывал пьян, собирал нас и рассказывал про войну, отступления-наступления, но больше всего про штрафные батальоны, где воевал сам. Называл он себя «рокосовцем», и частенько из его двора доносилось:

– Кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу...

Его тихая молчаливая супруга уговаривала его:

– Мишенька, ну хватит, давай ложись, ведь нельзя тебе пить.

Михаил соглашался, шёл спать, а через пару дней мы опять слушали, «кто в Ленинград пробирался болотами...».

Из-за буйного характера друзей у него не было, а ближайшего соседа дядю Лёшу Борисова он побаивался. Борисов в войну был офицером-пограничником на Буге, возле Бреста, и в своей жизни видел и пьяниц, и штрафников, и тех, кто «...болотами», и сам чёрт ему был не страшен.

С таким соседом тоскливо было Михаилу, даже пить хотел бросать, но тут, наверное, на беду, поселился около него Хоменко с молодой женой. Драчливый и ревнивый любитель выпить пришёлся по сердцу Михаилу, и теперь «в Ленинград болотами» они добирались вдвоём и довольно часто. Выпив, они звали к застолью своих жён, а после застолья били их из придуманной ревности. На другой день пытались их же и обвинить: «Не так посмотрела, не туда глянула». Молодая жена Хоменко попыталась дать отпор, но тут же была избита с ещё большей жестокостью, а в знак доказательства, что мужчина был в доме безраздельный хозяин, воин и царь, Хоменко схватил плоскозубцы и начал с остервенением рвать ими волосы с интимного места.

Борисов побежал на крики и вступил в драку за бедную женщину, иначе покалечил бы её пьяный штрафник.

Наутро дядя Лёша крыл непечатными словами обоих штрафников, грозил им собственным трибуналом и кастрацией, а мы с

его сыном Виктором наблюдали за всем этим через щели в кладовке, переглядываясь, когда не понимали слишком взрослые слова. Да бабушка Виктора, богомольная старушка, заслышав эти слова, быстро крестилась и шептала:

– Свят, свят, Господи, спаси его душу грешную, – хотя не было понятно, за кого она просила, то ли за штрафников, то ли за сына.

Подобные драки-«измены» случались нередко, но как-то повлиять на ситуацию не мог ни товарищеский суд, действенное мероприятие в те годы, ни местный комитет, ни соседи. «Кто в Ленинград пробирался болотами...» не утихало. На Вавилова начали ругаться женщины. У него был сын, младше нас на год, болезненный мальчишка, которого мать пыталась вылечить, а Михаил – сделать солдатом. Сам Михаил был довольно крепким мужиком, немного за тридцать, и, когда был трезв, был необычайно добр. Всегда в кармане у него находилась для нас конфетка, и он просил, чтобы мы дружили с его сыном. Дружить-то дружили, но он больше болел, чем играл с нами. Когда это случалось, Михаил выходил к нам, если был не на работе, что-то рассказывал, поочерёдно глядя нас по головам. Наверное, любовь к сыну и остановила его впоследствии от пьянства. Врачи советовали для здоровья сына сменить климат, и Вавиловы собирались уехать к чьим-то родителям, только уехать было не на что, Михаил всё пропивал.

Тот случай с плоскозубцами начал приводить его в чувство. После длинной речи Борисова Михаил, с ненавистью глядя на своего друга, задал ему вопрос:

– Ты что же, падла, делаешь? Да я таких на фронте руками рвал, – и хотел засветить Хоменке.

Борисов кое-как успокоил их и сказал Хоменке:

– Ты чтоб в четыре часа пришёл в контору на местком, будем ставить вопрос – дать тебе на выселение 24 часа.

Была раньше такая мера наказания, её-то боялись пуще всего.

Хоменко что-то орал, матерился, всех куда-то посылал...

Михаил, понутив голову, сидел на чурке во дворе и о чём-то виновато разговаривал с сидящей тут же на крыльчке женой.

После обеда я засобирался к конторе встречать отца, он работал мастером лесозаготовок и был членом местного коми-

тета. Значит, будет там, ведь Хоменко туда вызвали, будет что-то интересное, что никак нельзя было пропустить. Хоменко был драчливый и скандальный мужичок и, как мне думалось, мог кинуться драться и на отца. Хотя вряд ли, отец был очень сильный и в посёлке всех укладывал по борьбе.

Пока мы занимались нехитрыми детскими забавами, начался местком и, похоже, было там жарко: громкие голоса слышались и на улице.

Вскоре на крыльцо вышел Хоменко и, жадно затягиваясь, закурил папиросу «Север».

Значит, скоро выйдет отец, и мы пойдём домой.

Я подошёл к калитке и стал ожидать.

Вскоре вышел отец, и Хоменко его что-то спросил. Разговора не было слышно, слышался только угрожающий тон да доносились отдельные матерные слова.

Отец спокойно стоял на крыльце, что-то объясняя Хоменке, как вдруг тот схватил его за грудки и начал толкать к стене.

Дальше произошло то, что увидеть можно только в индийском фильме, в действительности такой сюжет я увидел только один раз, тогда у конторы. Отец взял его руку своей левой рукой, легко оторвал её от груди и, нагнувшись вперёд, ударил Хоменку в подбородок. Удар был хлёсткий, Хоменко поднялся в воздух, пролетел метра три и врезался в стоящую во дворе поленницу дров, которую пробил своим телом и отлетел к забору. Поленница, постояв как бы в раздумье, с грохотом осыпалась.

Хоменко не двигался.

Уборщица конторы, которая тут же во дворе выбивала дорожку, кинулась к нему и принялась шлёпать его по щекам, пытаясь привести в чувство, что никак не удавалось.

– Виктор, да ты не убил ли его, вроде как не дышит? – испуганно спросила она.

Из конторы вышли члены месткома: Борисов, Карпенко, Нименуций, и все принялись приводить Хоменко в чувство.

Наверное, через полчаса он открыл глаза, но ничего не сообщал; так его и унесли домой, предварительно вызвав фельдшера.

Отвалявшись дома целый месяц, Хоменко после долгой беседы с Борисовым не стал никуда жаловаться, вышел на работу,

где без замечаний проработал целый год, забрал жену, которая родила ему девочку, и уехал из леспромхоза.

Михаил бросил пить и уехал раньше. Перед отъездом принёс нам кулёк конфет.

– Ну, пацаны, уезжаю, сыну нужен другой климат, станете взрослыми, – не пейте. Водка – она, пацаны, хуже фашиста. – С тем и уехал.

А я, как услышу песню «кто в Ленинград пробирался болотами», сразу вспоминаю наших штрафников, леспромхоз и как они пить бросили.

УСИЛИТЕЛЬ

В конце лета, когда мы заканчивали восьмой класс, из Комсомольска приехал мой друг Санька. Там он закончил профессиональное училище и был с миром отпущен в леспромхоз к многодетной матери и пятерым сёстрам, что и спасло его от обязательной отработки на заводе. Кроме навыков, данных в училище, привёз Санька несколько магнитофонных бобин с записями песен Владимира Высоцкого. Тогда все были поклонниками его таланта, но такого количества песен, да ещё на магнитной ленте, не было ни у кого! Как, впрочем, и магнитофонов тоже. Высшим достижением радиотехники в посёлке было несколько переносных транзисторных радиоприёмников «Вэф-12». Это была машина!!! Казалось, что он ловит все радиостанции мира, из динамиков с мягким шорохом слышались японские, английские и китайские голоса. Слышалась музыка:

– Пацаны, да это же джаз!

А вот что-то картавый чешет:

– О!.. Это же «Голос Америки» на русском языке!!!

– Послушай.

С опаской, но слушали.

Чего боялись, и сами не знали, наверное, воспоминания взрослых придавали всему этому тревогу.

Санька устроился на работу – слесарем в леспромхоз, а по вечерам у нас появилось новое занятие: крутить кино в местном клубе. Не в прямом смысле, конечно: ходили помогать перекручивать киноленту только что приехавшему молодому кинемеханику Виктору Колесникову, за что он разрешал нам смотреть вечерний сеанс через окно второго проектора. В киnobудке кроме проекторов и перемоточного стола в углу пылился разный киношный хлам, какие-то детали, лампы и усилители. Нас привлёк мощный усилитель с парой динамиков сантиметров на восемьдесят в диаметре. Виктор подробно рассказал, как можно воспользоваться этим списанным, на вид очень даже пригодным киношным хламом. Всё это мы утащили ко мне домой вовремя: на другой день Виктору прислали практикантку, как мы прозва-

ли её впоследствии, Вальку-кинщицу. Валька была общительной, приятной наружности светленькой девушкой, и мы сразу подружились с ней. Она была из той породы девчат, которых хочется назвать: «свой брат».

Сашка работал, и на первую зарплату решил приобрести магнитофонную приставку «Нота», были раньше такие «инвалидные» аппараты, которые могли записывать, но не могли воспроизводить, однако были крайне надёжны, как железная мясорубка или утюг. Всё это хозяйство мы водрузили на комод, в центре которого стояла гордость семьи – радиола (радиоприёмник с проигрывателем) «Рекорд».

Каким-то непостижимым образом, с помощью всё той же Вальки-кинщицы, нам удалось всё это подсоединить, и над посёлком поплыла первая песня тогда ещё неизвестной Пугачёвой «Робот»: «...робот, стань человеком!».

В хороший день звука хватало до Быстринска, а это по прямой не меньше пяти километров. Молодёжь тащила нам свои пластинки, но больше, конечно, слушали Высоцкого. Нам заказывали целые концерты, и мы старались их выполнить. Мы были при деле, мы были лучшими, все девчонки в посёлке дружили с нами. Олигархи того времени. Мало нужно человеку для счастья.

Жили мы в основном на крыше дома, построив там широченную кровать из досок и настелив на неё матрацев, выпрошенных в СМУ у кабельщиков. Их табор из десятка дорожных вагончиков расположился неподалёку от нашего дома, и со многими из «смутьян», (так их звали в посёлке) мы дружили, и песни зачастую звучали для них.

С нами на крыше поселился ещё один друг, практикант из лесхоза Володя Михайлов, беззаветно влюбившийся в Вальку-кинщицу. Они были немного старше нас, и уже думали о взрослой жизни. Нам они помогали, чем могли, хотя больше были увлечены своими отношениями и работой.

Новые пластинки, новые авторы, джаз – у нас было столько информации, что мы завели журнал и записывали темы концертов. Тогда в музыке я соображал гораздо больше, чем сейчас. У Саньки была мечта – купить хороший магнитофон, и он собирал деньги. Конечно, не всем нравились наши концерты, кому-то

не нравился репертуар, кому-то супергромкость исполнения, у кого-то просто была зависть. Между этим всем нужно было лавировать: скажем, соседу не всегда нравился наш репертуар, и, чтобы задобрить его сердце, я иногда включал «Враги сожгли родную хату...». Сосед был фронтовиком из Белоруссии, и в такие минуты садился на крыльцо с кружечкой браги и отдавал дань погибшим.

Если бы всё это продолжалось, то быть бы нам с Санькою диджеями, но время шло и обстоятельства менялись. Санька работал, мне уже скоро было ехать в интернат в Циммермановку. Концерты проводились реже, и тут нам в голову взбрело включить нашу установку в сеть. Радио у нас работало до 24 часов, а радиостанция была в Циммермановке, оттуда и шла ретрансляция.

Первую неделю все были необычайно довольны, да и что говорить: мало того, что после полуночи зазвучал по радио концерт по заявкам, так этот же концерт ловили и транзисторы. Это был успех! Правда, закончился он так стремительно, что «до свидания» сказать своим радиослушателям мы не успели.

Утром к дому прибежала Валька-кинщица и сказала матери, что в гостиницу при конторе приехали КГБшники и спрашивают про ночные передачи. Пришлось срочно разбирать установку по частям и приводить её в бытовое состояние. Усилитель мать опустила в подполье и завалила картошкой, динамики я снял со стены и заложил заготовленными на зиму чурбаками. В общем, конспирация проводилась спешно, но качественно.

После обеда гости пожаловали к нам. Они просто пошли по улицам, расспрашивая, кто в посёлке занимается музыкой и усилителями.

Весь посёлок слушал концерты, и, конечно, они пришли к нам.

Со мной разговаривал один из них. Расспросил всё досконально, даже про «Голос Америки», и остался удовлетворённым, что нас кроме музыки ничего не интересовало. На прощание он осмотрел аппаратуру и сказал, что такое вещание через ретранслятор без мощного усилителя у нас невозможно – умный дядька. Дал мне подписать бумажку, в которой я обязывался не использовать радиосети, и уже у калитки посоветовал:

– Давай, парень, сделай так, чтобы я не приехал во второй раз, это не в твоих интересах.

После обеда прибежала Валька-кинщица и затребовала назад усилитель, и мне пришлось вытаскивать усилитель из картофеля и тащить до кинобудки.

Оказывается, списанную аппаратуру нужно было сдавать, и об этом иметь справки, чего с этим усилителем не было сделано. Так и ушёл на сдачу в металлолом усилитель, которому было ещё пахать да пахать. Впрочем, динамики остались, и наутро опять, правда, не так громко, зазвучала модная песенка Ободзинского: «В каждой строчке только точки после буквы эл...». Жизнь продолжалась.

Осенью я уехал в интернат, Санька купил магнитофон, практиканты Валька и Володя поженились и уехали в Хабаровск. Концерты закончились.

ТАЁЖНЫЙ ПОЖАР

Самым страшным бедствием для тайги всегда были и остаются пожары. Возникают они легко и стихийно, а вот тушить их – проблема, здесь масса знаний нужна, потому как укротить беспощадный огонь ой как непросто. При пожаре раньше останавливали производство, всю технику мобилизовали на пожар и в деревне оставались только старики, женщины и дети. Вокруг деревни каждый год очищали бульдозерами минполосу, которая давала хоть какое-то спокойствие.

Легко загорелось и у нас: сучкоруб на деляне и вальщик встретились на волоке и решили, несмотря на строжайший запрет, покурить под деревом в тенёчке. Деляна была листовничная, и осыпавшихся с ветвей иголок на земле было столько, что ходили как по персидским коврам с толстым ворсом, который, впрочем, горит как порох. Уверенные в себе: как же, не один год работаем, наши герои покурили, вроде как затушили окурки и подались на обед. Но упала где-то красной змеей искра, и занялся покров на земле, благо ветра ещё не было. Только что пришедший на деляну мастер лесозаготовок Влад Круглов быстро сориентировался и побежал за бульдозером, подрезавшим невдалеке магистральный волок.

Бульдозер, сверкая отшлифованными до блеска гусеницами, пришёл через полчаса и сходу врезался в кромку уже полыхавшего пожара. Бригада заготовителей вместе со слесарями помогала тушить огонь по кромке, прибывая его ветками и проливая из двух хранившихся у слесарей ранцевых опрыскивателей.

После обеда начал поддувать обычный в этих местах ветерок, но оперативность с бульдозером сыграла свою роль: пожар почти потушили. Площадь метров в сто исходила гарью, и кое-где дымилась пеньки. Их по идее надо было засыпать или корчевать, иначе будут дымить до холодов.

Бульдозеристу Ивану Шевченко была дана команда, и он с минполосы въехал в горельник и тут же сломался: лопнуло крепление толкающего бруса, и бульдозер задом, таща волоком отвал, выполз на склад.

Иван вылез из кабины и стоял в раздумье, почёсывая седой затылок:

– Надо болты высверливать и вкладыши точить, быстро не сделаю. Даже если заварить, надолго не хватит, тем более – где сейчас сварка?

Да, сварки не было, один-единственный агрегат с дизелем находился в посёлке на ремонте теплотрассы. Пришлось мастеру вызвать второй бульдозер с очистки склада. Часа через два подошёл, ровно урча, новенький «катерпиллер» и раздавил несколько пней. Всё, конец рабочего дня, до утра не разгорится, решил мастер, и, оставив на дежурство двух слесарей и бульдозериста с «катерпиллера», уехал с рабочими на доклад. Решено было даже держать там бульдозер и отвезти десять ранцевых распылителей для тушения.

Утром приехал из Циммермановки главный инженер Яблонский: решил всё посмотреть сам и заодно привезти следователя на дежанию.

Прибыли они к обеду, бригада ходила от очага к очагу и тушила огонь ранцевыми опрыскивателями. Пока следователь допрашивал вчерашних поджигателей, Яблонский с Кругловым обошли место пожара, и инженер раздражённо заявил:

– План заготовки никто не отменял, бульдозер я снимаю.

И как ни пытался переубедить его Влад Круглов – а был он местным жителем и очень хорошо знал, что после обеда в этих сопочных местах начинает гулять ветер, – так и не смог. Бульдозер, сотрясая всё вокруг, укатил на обустройство склада. Яблонский снисходительно похлопал Круглова по плечу:

– Молодой ещё, но рвение есть, научись. Нечего тут охранять, с ранцами справишься, уже и дымков не видать. И не учишь перечить старшим.

Как хотелось Владу врезать этому самонадеянному уроду промеж глаз, уж Влад-то знал про коварство пожаров. Не раз приходилось тушить.

Инженер со следователем укатали в посёлок, а Круглов разделил бригаду пополам, одну половину оставил на тушении, другую отправил на обед. Сам не уходил, чувство тревоги не отпускало его: «Хоть бы Шевченко с болтами приехал».

Вскоре пообедала и вторая половина, а Круглов всё стоял у кромки, время от времени засовывал палец в рот и поднимал его вверх – так нанайцы-охотники научили его проверять ветер.

К двум часам ветер начал усиливаться, и огонь начал вылазить то в одном, то в другом месте. Пока ранцами справлялись, но ветер усиливался, и вот тлевший метрах в пяти от края пень вдруг провалился: видно, выгорел изнутри, и факел искр и пламени взметнулся из-под него. Сразу, как факелы, вспыхнули две рядом стоящие ёлки, раскидывая горящие иглы на сотни метров вокруг. Не то что потушить ранцами, подойти к огню нельзя было, такой был жар. Нужно было уводить людей: пожар переходил на верховой, и Влад начал кричать, чтобы все бежали за ним. Дежурки не было, в ней укатил в посёлок Яблонский со следователем.

Пожар набирал силу, и вся бригада со слесарями бежала за Владом вниз к реке Яй, только там было спасение.

Ухая, над головой вспыхивали ели, так быстро распространялся пожар. От бушующего пламени стоял гул, как от реактивного самолёта. Пробежали вагончик слесарей, где на площадке сиротливо стоял бульдозер Шевченко: он угнал его туда на ремонт. Перед рекой был старый склад от просеки, туда и вёл людей Круглов, там место открытое, леса нет, и дым хоть как-то сносить будет. Задымление было сильным, одному из слесарей стало плохо, его на руках отнесли на середину склада.

Кое-кто запаниковал и просил спуститься ниже, в воду, но Круглов был неумолим:

– От верхового огня мы ушли, но он уже впереди нас, сейчас горит всё по низу, нужно переждать, верховой пожар потянет за собой ветер и утащит дым как раз вниз, там мы и задохнёмся, а потому надо стоять и не дёргаться.

Вскоре так и получилось, и когда дым стало уносить, к нему подошёл один из паникёров со слезами не то от дыма, не то от радости, что пронесло, и попросил:

– Мастер, ты, того, прости за кипешь, не думал, что так будет, думал, сгинем тут.

В руках он держал и гладил зайца, их вокруг с десятков к людям прибилось.

«Сентиментальный», – подумал Круглов.

Но это было не всё. Подходил низовой пожар, а на площадке сверху стоял бульдозер. Нужно было спасти машину. Круглов попросил подстраховать его и, обмотав голову смоченной в воде рубахой, побежал на верхнюю площадку к бульдозеру.

Бульдозер заработал, как только Круглов повернул ключ запуска, включив заднюю скорость, вывел бульдозер на дорогу и начал терять сознание: дышать было нечем, хоть немного спасала мокрая рубаха.

Когда подошёл бульдозер к складу, он уже не соображал, и только громкие крики привели его в сознание, и он выключил скорость.

Это была победа над огнём, хоть маленькая, но победа.

Огонь между тем подобрался к растущим в пойме реки берёзам и начал запускать воздушные факелы: от жара береста лопалась и скручивалась спиралью, огонь с ветром подхватывал эти огненные спирали и уносил далеко в небо, и летели они, подхваченные ветром, на многие километры.

Утром пожар полыхал на «серпантине», а это за 22 километра от описываемой деляны, и с 0,4 гектара раскинулся на 400, и это было только начало, положенное сначала беспечностью лесозаготовителей, а потом долбоумизмом инженера Яблонского.

А в то время все с нетерпением ждали, когда отгорит вокруг дороги, и должна же прийти дежурка.

И она пришла.

Сколько было радости! За рулём сидел недавно пришедший из армии брат Влада Сергей:

– Мы ещё поживём, братан.

Это, как я говорил, было начало.

Утром прилетел самолёт для оценки площадей пожара.

Пожар перекинулся через речку Яй и горел на небольшом участке.

Группу Влада – а всех разбили на четыре группы – бросили за Яй, придав им два бульдозера. Бульдозеры прибывали с других участков и сразу отправлялись на тушение. Горели сопки напротив посёлка, народ запаниковал. А работяги тушили, тушили так, что падали с ног, но не уходили. Силён и упорен русский народ, когда знает, за что бороться, а здесь, как под Москвой в 1941 году, за спиной были семьи.

Пожар за речкой затушили быстро: место равнинное, ветра нет, и бульдозеры в два дня управились, а группа всё залила из ранцев,

благо воды было хоть отбавляй. Успели и ухи похлевать из только что пойманных хариусов – и домой, чтобы утром опять на пожар, на этот раз на сопки и трассу по ним в целом, называемую «серпантин».

Утром всех собрали на первой сопке, с которой был виден посёлок.

Вскоре прилетел вертолёт, и прилетевший парторг долго взывал к героизму. Ну как в те времена без парторга и без героизма? Хотя парторгов и сейчас хоть отбавляй, а вот с героизмом неувязка. Поздравил парторг и людей, представленных к награждению. Владу посулили орден, а разведчику его южной группы Виктору Емелину медаль «За отвагу на пожаре».

Медаль Витьку, может, и дали бы, но он трижды кидался драться на Яблонского, и в результате остановились на премии, которую он так и не получил.

Группу направили на Холодный ключ, впадающий в речку Быструю, придав и мотопомпу, и пожарный трактор с цистерной и насосом, оборудованным брандспойтом. На тракторе работал дядя Круглова – Шурик, и работа пошла.

Шурик, как угорелый, носился по сопкам, куда его посылала разведка Емелина. Круглов в первые дни начал наблюдать за ветром, чтобы понять его движение, и уже через неделю, пустив несколько встречных палов, южную кромку загасили, а северная всё дальше уходила к мари у горы Шаман. Методика встречных палов очень понравилась леспромхозовским инженерам, и они решили применить её на северной кромке, и группу Круглова отправили туда.

Влад хорошо знал эту марь, и сразу решил: если в сопках можно было поджигать только утром, то на мари при другом расположении встречный пал можно пустить только вечером, нужно только замерить расстояние и палы делать маленькие.

В тот день руководство решило поощрить рабочих и выдать перед выходными по бутылке водки. Круглов поехал получать водку на свою группу, а вместо него остался инженер по технике безопасности Засирухин. Он был на пожаре с первых дней (а тушили уже месяц) и постоянно ныл: то он устал, то он в баню хочет, то трусы у него лопнули... В общем, был всегда недоволен, а тут решил отличиться и пустить встречный пал, разом закончить с пожаром по северной стороне.

Собрав рабочих, он приказал начать поджиг по намеченной им границе.

Емелин забузил:

– Без Круглова это делать нельзя, у мастера небывалое чутьё на условия.

Но Засирухин приказ отменять не стал, и, только всё больше распаяясь, сам схватился за факел.

Пламя охватило траву, кустарники, и потянуло вроде как к большому пожару.

– Ну как? – радовался Засирухин. – Угадал я, всё у нас пройдёт без сучка без задоринки, всем нос утрём.

Кому и какой нос он собирался утирать, неизвестно, но после обеда задул «верховик», и встречный пал превратился в огненного зверя, быстро обошедшего рабочих и полыхавшего уже на мари.

Засирухин, видя крайнее недовольство рабочих, сбежал и, добравшись до дежурной машины, укатил в деревню. Получился ещё один очаг возгорания, который смог потушить только снег в конце ноября.

С тех пор в посёлке вкривь и вкось сделанные дела называли «встречным палом». Остальные кромки пожара потушили по таёжным речкам, минполосам, и с помощью бульдозеров завалили опасные участки, хорошо помогли и осенние дожди.

Осенью началось следствие, вернее, дело довели до суда.

Яблонский предусмотрительно уволился и сбежал, уволился и парторг, обещавший ордена и медали. Люди своим трудом действительно их заработали, но им пояснили, что награждение невозможно по причине возбуждения уголовного дела. Тогда было принято награждать человека труда, и это воспринималось нормально. Это сейчас больше награждают деятелей сексуальных утех, вошло в моду. Состоялся суд, на котором виноватыми объявили работяг, сжёгших по неосторожности 0,4 гектара, а за 2500 га леса, сгоревшего на корню, и 1700 кубометров заготовленного не ответил никто.

Зарождалась клановость: «ворон ворону глаз не выклюет».

Прошла осень, утих пожар, а наши герои всё так же ходили на работу, пили водку и, расслабляясь, ещё долго вспоминали «встречный пал» и всех персонажей уголовного дела «по неосторожности».

РЫБАЧЬИ ХЛОПОТЫ

Трудное и одновременно золотое время на Амуре – осенняя рыбалка. Осенняя кета в нашем районе, пожалуй, самая лучшая – в меру жирная, очистившаяся от морских йодистых запахов, она идеально подходит для изготовления блюд, соления и копчения. Под хорошее настроение, с рассыпчатой картошечкой да с крепким рыбацким чаем такой рыбкой можно лакомиться без ограничений. Ну а если в компании друзей, да с запотевшим графинчиком «Пшеничной», то лучшей закуски и не бывает.

Только тяжело эта рыба даётся. В амурских посёлках люди сплошь рабочие, никогда там не было пятидневки, все субботы «чёрные», и рыбачить приходится в основном ночью, как говорится, «наощупь». Причём все эти честные труженики сразу попадают в разряд браконьеров, так как не относятся к «народам Севера», хотя живут на Амуре в пяти-шести поколениях. Какой идиот придумал это название? Орочи, живущие в тёплом Приморье, – это «народы Севера», а русские на Колыме или в низовьях Амура – это южане. Так вот, «народам Севера» устанавливают квоту на отлов рыбы, а коренным русским – не дают, тем самым всемерно развивая браконьерство, ведь нет вкуснее плода, чем запретный. Конечно, самым большим парадоксом является то, что квоты устанавливает московский дядя, а по моему разумению, эти квоты должны распределять сами «народы Севера», и сами должны решать, как им жить и хозяйствовать на своей земле.

Впрочем, в этом рассказе я меньше всего хочу обсуждать политику, а хочу рассказать об одном курьёзном случае, связанном с осенней рыбалкой. В осеннюю рыбалку, в массовый ход кеты, как говорится, «день год кормит». Не избалованные разносолами, бифштексами с кровью и гусиной печенью «фуа-гра», местные жители стараются впрок заготовить рыбу, грибы, ягоды, картофель, и все эти работы падают на осень. Осень – самая горячая пора. Во время рыбалки в ожидании хода рыбы местные рыбаки и ночуют у Амура, поочерёдно сплавляясь с сетью по течению, и как только подходит рыба, все срываются с мест и едут на заплыв. Над Амуром стоит рёв моторов, по берегу носятся мотоциклы, отвозя пойман-

ную рыбу. У воды жить и ног не замочить? Тут же по берегу костры «покупашек», рискованных людей, пустившихся из Еврейской, Амурской и Читинской областей с рюкзаками водки за рыбой и икрой.

Водка на Амуре – это золотой рубль. Кетина – бутылка, две кетины – бутылка, десять кетин – бутылка. Цена зависит от степени устойчивости на ногах удачливого рыбака, зачастую просто местного пьяницы. Рыбаки, их жёны, покупатели, зеваки, ребятишки и старики – все на берегу, но назвать это столпотворение хаотичным нельзя. Одновременно с двух-трёх точек ведут наблюдение рыбаки за рекой – как бы не появился где рыбнадзор. Рыбнадзоры тоже разные бывают: иные посмотрят на нехитрую снасть мужиков с мозолистыми руками, дадут талон на оплату штрафа – и вали отсюда, попадётся ещё раз – сеть заберу. Другие выметут всё, и штраф закатят – эти, как правило, из ОМОНа и СОБРа: у них задача – Родину защищать от браконьеров. Экипированы на десятки тысяч рублей на налоги этого браконьера, от него же и Родину защищают.

Подключают к вылову браконьеров и местную милицию, и спецкомендатуру, в общем, всех способных и обученных держать оружие. Осень – это война, силовики воюют с народом, желающим быть сытым. В тайге на картошке да капусте много не наработаешь.

В один из таких дней мы с зятем Виктором, решили проскочить на берег до начала работы и прибрать из лодки ненужные вещи: рыбалку мы уже закончили, за два дня посолив бочку рыбы. К берегу мы поехали на «Уаз-69», стареньком надёжном «бобике», и, уже подъезжая к берегу, заметили человека в милицейской форме, который, крадучись и высоко поднимая ноги в зеркально начищенных сапогах, из-за рыбацких домиков двинулся к берегу. В утренние часы рыбаки быстро грузили мешки рыбой, и в основном на мотоциклах увозили рыбу с берега, поспешая успеть на работу.

Поставив машину, я двинулся навстречу милицейскому капитану. Он исполнял обязанности спецкоменданта, и в этот раз решил поискать служебного счастья среди рыбаков. Как всегда, был он в идеально отглаженной форме, всё на нем блестело – не капитан, а новогодняя игрушка. Мы знали друг друга, и поздоровались, я задал ему вопрос:

– Оно тебе надо? Своих дел мало? Лучше не ходи, прошу. Здесь все местные, они не поймут.

Луговой – так была фамилия капитана – грозно свёл брови и, заявив: – Я при исполнении, – двинулся к берегу, до которого от ближайшего рыбацкого домика было метров пятнадцать.

Как раз напротив стояла лодка леспромхозовского вальщика, обрусевшего корейца Александра Хана. Он вместе с супругой, тётёй Шурой, как её все звали, загружал рыбу в мешки. Тётя Шура была добрейшей души человек, но язык у неё был изумительный и точно без костей.

Едва Луговой вышел на берег и значимо рявкнул:

– Так, ну что здесь? – как тётя Шура, крутнувшись на месте, громко спросила:

– Ты на хрена сюда припёрся?

На берегу было человек семьдесят, не меньше. Все остановились, ожидая, что будет дальше. А дальше тётя Шура попыталась доходчиво объяснить Луговому, как неправа была его мама, когда рожала его, а его бабушка была неправа, когда рожала его маму, и всё это от напевного кубанского казачьего сленга до матерщины Дальнего Востока. Были упомянуты все проливы вперемежку с Богородицей и Кузькиной матерью, Богом и Родиной и милицией в разные места.

Явно ошалевший и обескураженный такой тёплой встречей, Луговой, пятясь, двинулся от берега и, развернувшись, махнул рукой.

– И правда, и на хрена я сюда пришёл, – двинулся, хлюпая по грязи блестящими сапогами.

На берегу стоял громовой хохот. Зять лежал на траве и хохотал вперемежку с икотой.

Я ближе всех стоял к тётё Шуре, и она невинно обратилась ко мне:

– А что, Вова, разве я не права? Я только правду сказала.

Здесь уже и я не устоял на ногах, такой виртуозной речи я не слышал никогда, было с чего хохотать.

Луговой ещё два года служил в посёлке, стал ездить на рыбалку. На берегу в форме я его больше не видел – наверное, стеснялся.

ПРОМАХНУЛСЯ

В конце октября, когда приезжих рыбаков с Амура, как говорится, и след простыл, а местные поставили лодки на зимовку у своих домов, ко мне пришёл мой друг и ученик Геннадий Ким.

После приглашения к чаю Гена расположился за столом и начал увлечённо рассказывать об охотничьих угодьях и нетронутых местах за озером Дали. Огромное живописное озеро с несметным количеством разной рыбы и водоплавающей дичи расположено напротив Быстринска, и попасть в него можно только из двух проток, соединённых с горной речкой, красавицей Лимури. Я и раньше бывал на этом изобильном озере – в весеннюю охоту на уток да при поездках за черемшой, в изобилии росшей по берегам озера.

– Ты к чему это рассказывешь? Ну знаю я это озеро, бывал там, сейчас уже туда поздно ехать, поди, лёд стоит.

– Да участок нам дали промысловый – от начала, где впадает речка Даменка, и почти до посёлка золотарей Спорного, – ответил Геннадий.

– Нужно срочно завезти туда снегоход «Буран», продукты да бочку бензина. Виктор Борисов одной лодкой пойдёт, да не отвезёт всё, нужно ещё одну лодку. В один день управимся, пока на три дня погоду хорошую обещают. Мы бы раненько вышли в Дали, там разгрузка, и сразу назад. Думаю, часам к трём уже дома будем.

Погода и впрямь была неплохой, но зимним холодком уже веяло, лужи были покрыты льдом, а по озеру стояли забереги (лёд на небольшом расстоянии от берега). Назавтра был выходной, и я согласился: отчего людям не помочь.

Утром мы уже были на Амуре. Лодки загрузили, и двинулись в поход к озеру. В лодке со мной ехал Геннадий, а с Виктором Анатолий Мельниченко, с которым Геннадий собирался на промысел. По Амуре прошли быстро, правда, иногда ветер подхватывал волну и ледяные брызги летели в нас. Уже через час вошли в протоку Дарахта, и вскоре по Лимурям дошли до устья озера Дали. Было радостно оттого, что шли ходко, но уже метров через 200 от входа в озеро лодки ткнулись в сильнейшей лёд.

Лёд был сантиметров пять-шесть, вёслами почти не кололся и только трескался и ломался при наезде на него тяжело гружёнными лодками. Так и решили двигаться, иногда пробивая лёд вокруг лодки вёслами.

В борьбе со льдом стало жарко, и мы упрямо пробивались к намеченной цели. Далеко за полдень пробились наконец к речке Даменке и вошли в её устье, где быстро принялись разгружаться.

Геннадий на берегу разжёт костёр и предложил нам выпить горячего чая, но было не до чаепития – солнце стремительно уходило за горизонт. Вот и «вернёмся засветло».

Мы заспешили домой по пробитому во льду пути. Когда выбрались к чистой воде, полностью стемнело. Шли лодка за лодкой, ориентируясь по пенным бурунам от винта мотора. Так вошли в Лимури и двинулись к развилке речки с протокой Дарахта. Место коварное, не один рыбак или охотник ошибался в этом множестве водных рукавов. Берега были плохо различимы и угадывались только по росшему по берегам высокому тальнику. Вот здесь у меня и закончился бак бензина. Был запасной в кубрике моей «Казанки», и я полез его доставать, позавидовав Виктору, который сменил бак сразу в озере, а я понадеялся, что у меня лодка полегче и грузу поменьше – должно хватить.

Пока менял бак, лодку несло быстрым течением горной речки, и я даже не заметил, как миновал развилку.

Сознание, что промахнулся, пришло не сразу.

Подкачав бензин грушей, я дёрнул шнур стартера, мой безотказный «Вихрь» ровно зарокотал, и я рванул по течению к развилке. Удивительно, но совсем рядом я слышал мотор Виктора, и был уверен, что еду правильно. Правильно ехал он. Именно в тот момент, когда у меня заглох мотор и я менял бак, он на малом ходу добрался до развилки и, свернув к выходу в Амур, заглушил мотор, чтобы послушать, где я. Не услышав мотора, он решил, что я на полном ходу ушёл вперёд к выходу из Дарахты в Амур. Я же слышал его через мыс, и, не сообразив, что отклонился влево, так снесло меня течением, спокойно ехал вниз параллельно Амуру, но в нескольких километрах от него.

На небе не было ни одной звёздочки, во рту с утра – и маковой росинки. Начал накрапывать дождь, но я упорно ехал впе-

рѣд, пока внезапно не сработал тормоз в голове: «Стоп, что-то не так». Я принялся внимательно всматриваться в берега и, найдя пологий спуск, причалил к нему. Поднявшись на берег, попытался в бинокль увидеть хоть какие-то ориентиры. Всё было черно, и лишь в двух местах проглядывались жѣлтые еле видные пятна. Отсветы – как от посѣлков, но... хрень какая-то: такие отсветы могут дать только Софийск да Калиновка, а это как минимум около сорока пяти – пятидесяти километров от Быстринска. Хмыкнув и посмеявшись про себя – привидится же такое! – я решил залезть в кубрик и завернуться в свѣрнутый там целлофан.

На непредвиденные случаи мы всегда носили с собой бензиновые горелки с катализаторами беспламенного горения (чрезвычайно полезная и необходимая вещь) и коробок спичек, запаянный в целлофановый пакет, в коробочке из-под армейской аптечки. Как правило, в лодке было всё необходимое, но к концу навигации я всё убрал, остался только чугунный котелок, в котором лежала кружка, пачка соли, топор и буксир – парашютный строп.

Прогрев катализатор, я вставил его в грелку, более похожую на портсигар в мягком мешочке, и засунул её на спину между тельником и энцефалиткой, снял сапоги, постелил портянки на целлофан, расстелил под ноги меховую куртку, и вместе со всем этим завернулся в целлофан. Довольно скоро стало тепло, и я уснул.

Спал крепко, и проснулся от суматошного кряканья уток. Ружья у меня не было, а потому рассчитывать на шурпу не приходилось, и я, не таясь, толкнул дверцу кубрика. Дверь поддалась с усилием, и только когда я увидел снег в лодке, понял, что её тормозило.

Снег, пошедший вслед за дождѣм, укрыл берег ровным десятисантиметровым слоем. По всей ширине протоки, а это метров около шестидесяти, сидели утки. Косяки снегом придавило к земле, озера подмѣрзли, вот и собралась пернатая дичь на проточной воде.

Уже рассвело, и я решил не тратить времени на костѣр, а сначала определиться: где я и что можно предпринять. В экстремальной ситуации нельзя терять голову, нужно определить все исходные, а затем приступить к выполнению намеченной задачи.

Первым делом я определился с течением и, осмотрев бак, в котором было чуть меньше половины (этак километров на 18), завѣл мотор и на среднем ходу двинулся против течения.

Да, жаль, не взял ружьё, – утки чуть на голову не садились.

Километров через десять я стал узнавать места, и окончательно определился у встретившейся развилки. Один рукав уходил влево – это была протока Сан Дарахта, место глухое, и встретить кого-нибудь в этом глухом углу не представлялось возможным. Решил передвигаться прежним путём, откуда приехал: в Лимури и выйти в Амур через Дарахту. Где-то на середине кончился бензин и мотор заглох. Тоскливо. Берега крутые, лодку против течения на бечеве только местами можно тянуть, остальное – на вёслах. Становилось жарко, хотя мелкий снег шёл не переставая. Я выгащил горелку и снял катализатор, чтобы она прекратила своё действие. Вообще, хорошо заправленная, она непрерывно может греться до 60 градусов в течение 32–35 часов. Поблагодарив конструктора за удачную вещь, засунул её в нагрудный карман и двинулся дальше.

Я родился и вырос на Амуре, вёсла – дело привычное, и заполдень я уже догрёб до Дарахты. Хотелось есть, но больше всего хотелось пить. Вокруг вода, но, когда тяжело работаешь физически, вода слабо утоляет жажду.

Остановился у песчаной косы, натаскал плавника и облил остатками бензина из бака. Спички по карманам отсырели и пришлось достать НЗ из пакетика. Костёр шипел и кое-как разгорелся, пришлось постоянно подкидывать мелкие сучья. Наконец вода в котелке закипела, и я бросил в него пару горстей не облетевших ягод шиповника и маленькую щепотку соли – для лучшего утоления жажды. Присев на кубрик – костёр был в двух метрах, – не торопясь выпил подряд две кружки не то кипятка, не то взвару, и сразу почувствовал бодрость. Всё, надо грести. На работе меня потеряли – это точно, но вот сообразит ли Виктор, что я дал маху и уехал в другую сторону?

«Сегодня, конечно, не поедут, – думал я. – Виктор – таёжник хороший, а речка для него – нечто неизвестное, да и снежок идёт...» – И тут же думал: «А что, ветра нет, я бы поехал. Да только кто соберётся – братовья все на работе, дома меня никто не ждёт: семьи уже, по сути, не было, так, сожительство», – и прислушивался: а вдруг где мотор загудит?

Но было тихо, только, ласково шурша, разлетался под сапогами снег.

Лодку я тащил бечевой, здесь берег позволял идти вдоль воды, и к вечеру добрался до выхода в Амур. Одежда на мне намочла и висела, как на чучеле. Что такое меховая шапка и меховая куртка в воде – это даже объяснить трудно. Надежды на землянку в устье Дарахты не оправдались, её затопило несколько лет назад и так никто и не восстановил.

Пришлось подтащить лодку к мысу, на котором навалом торчали коряги тальника, деревянный хлам из плавника. Ножом нарезал веток тонкими стружками (воронье крыло), и вскоре на берегу весело польхал костёр наподобие пионерского. Снег перестал, и на темнеющем небе стали проступать яркие звёзды. Как после помывки, блестят, подумал я, и принялся сушить одежду.

Где-то к полуночи одежда относительно просохла, но куртка, как ни исходил от неё пар, сухой не становилась. Начало подмораживать, я опять зажёл грелку и закинул её на спину, а сам принялся подтаскивать дрова. И вот тут пришла беда: набрав охапку палок, я по склону сбегал к костру и напоролся ногой на острый конец сухой талины, которая хоть и не сильно повредила ногу, но вот в сапоге была хорошая дыра. Это при том, что снегу было сантиметров пятнадцать.

Делать нечего, пришлось устраиваться на ночлег опять в кубрике. Ничего, нет худа без добра, грелка исправно согревала меня, и я, замотавшись в целлофан, уснул.

К утру похолодало, и несмотря на грелку я стал мёрзнуть. Пришлось вылезать и поджиглять затухающий костёр. Выглянуло солнышко, и я, обмотав ногу целлофаном и обвязав её куском отрезанного парашютного стропа, вновь потянул лодку вверх, против течения.

После чая есть хотелось неимоверно. При физической нагрузке бывает такое оголодание, что аж сосёт под ложечкой, а в желудке бурчит, как в паровом котле. Хоть бы что-нибудь от рыбаков на берегу осталось, хоть корка хлеба!

Есть Господь на небе: вскоре я увидел целлофановый пакет, в котором лежали три селёдки, видно, кто-то выкинул за ненадобностью.

Вытащив одну селёдку из пакета, я тут же понял, почему её выкинули: пахла она ржавчиной и была страшно солёной, такой,

что и в воде не вымочилась, а может, и не успела, кто знает, как давно этот пакет швырнули в воду.

Одну рыбину я всё же съел и, пройдя с километр, остановился опять варить отвар шиповника, кусты которого увидел по берегу издалека. После такого обеда, ничуть не утолившего голод, я начал прикидывать, как же мне лучше переправиться через Амур. Получалось, нужно подниматься до Кашинской протоки и пересекать Амур до Утёса, иначе унесёт назад – уж очень сильное под Утёсом течение.

Раздумывать было некогда, и я из последних сил потащил лодку вдоль берега. Чем выше я поднимался, тем меньше снега было по берегам, видно, не прошёл здесь, стоять-то он не мог.

На каком-то отрезке пути порвался целлофан на ноге, и ледяная вода тут же наполнила сапог. Пришлось остановиться, отжимать портянку и носки и вновь заматывать. Нога сильно мёрзла, но и здесь нашёлся выход: я вытащил горелку и опустил её на шнурке в сапог, и опять поблагодарил конструктора. Нога согрелась, а вот силы кончались.

Подтащив лодку к берегу, я сел на кубрик отдохнуть, и тут ухо уловило шум мотора.

Где?

Я осматривался по сторонам и ничего не видел, но шум-то был.

Наконец я стал понимать – это не шум лодочного мотора, это катер, и вскоре увидел его.

Старенький «Костромич», попыхивая дымком, тащил баржу. Был он ещё далеко, но здесь и ширина Амура до двадцати километров, и я, задыхаясь, потащил лодку вверх по течению, к заветной Кашинской протоке. Постоянно оглядываясь и не обращая внимания на сползший с сапога целлофан, я спешил к месту переправы. Страх не было, было чёткое сознание, что третью ночь я просто не выдержу, силы были на исходе.

Катер слышался всё ближе, и, немного не дотащив лодку до намеченной цели, я запрыгнул в неё и начал переправляться наперерез катеру, держа нос лодки против течения.

Проклятое течение! Возле Утёса оно крутит воронки, и там вода летит от Утёса с пеной. Я явно не успевал, катер проходил мимо меня, а до него было ещё метров триста. Течение сносило

мою лодку ниже катера, и я отчаянно замахал свалывшейся шапкой над головой.

Господи, неужели ты оставишь меня посреди этого водного безумия!..

Слёзы выступили на глазах, и я перестал грести.

Внезапно звук катера стих, я поднял голову: катер, сбавив обороты, подворачивал в мою сторону, и я схватился за вёсла.

Через десяток минут мою лодку взяли на буксир, а сам я сидел в кубрике катера и ел холодную уху.

И до чего же она была вкусна!

На катере было всего два человека, два отважных молодых парня, пустившихся с колхозной баржей перед ледоходом в путь.

Как это было тогда привычно! Тогда – это при «совковом социализме», когда героизм человека труда было нормой.

К вечеру они отбуксировали меня к Быстринску, где встретил меня зять Владимир и отвёз домой.

Поиски мои намечались на утро, всех поднял на ноги отец Геннадия, ныне покойный дядя Дима. Назвал дядей – и как-то неловко: он меня звал сыном. Кореец по национальности, женатый на кубанской казачке, он всю жизнь проработал в леспромхозе трактористом. Лучшего тракториста на моей памяти не было. Да и человек был золотой, пусть будет ему вечное Царствие Небесное.

А тогда, узнав у Виктора, как доехали и что я не вернулся, он поднял всех моих родственников и друзей. Рассказывали, как он волновался и ругал всех за нерасторопность. «Человека нет, а его не ищут, как это так?»

В общем, закончилось всё хорошо, и когда по окрепшему льду приехал Геннадий, встречу за столом у дяди Димы мы отмечали все вместе.

ПРАЗДНИК В ЗИМОВЬЕ

Перед ноябрьскими праздниками выпал снег, и волей-неволей пришлось идти в ближнее зимовье и поднимать капканы по путику.

Наскоро собравшись, прихватив одностволку шестнадцатого калибра, я на рассвете отправился в путь, и к вечеру обошёл половину капканов. По пути подстрелил четырёх рябчиков в надежде сварить шурпу, и отправился к зимовью на ночёвку. Уже при подходе заметил, как из распадка к зимовью и навстречу мне идёт человек. Это был охотник из Циммермановки Володя Воропаев, никогда не унывающий балагур и насмешник.

– А я спешу в посёлок на праздник, хочу успеть, сегодня уже шестое, дай, думаю, пройду мимо вашего зимовья, может, кто есть, чтобы веселее было идти, – объяснял он, снимая с себя поклажу.

Быстренько затопили печь и поставили греть воду, пока я обдёргал и разделал рябчиков.

Шурпа получилась замечательная, и Володя вытащил фляжку с водкой:

– Вот, не стал в зимовье оставлять, вдруг понадобится, – и налил по кружкам водку.

Выпили, болтали о том, о сём, строили планы на завтра. Так незаметно по второй, по третьей – фляжка опустела.

– Да, здоровые мы ребята, но ещё по одной не помешает, – сказал я и полез под нары, там у нас хранился НЗ (неприкосновенный запас), фляжка с водкой.

Пока сдвигал нары, зацепил ружьё, и оно с грохотом упало.

Володя взял в руки одностволку, хмыкнул:

– У тебя же карабин есть, берегёшь, что ли?

– Да нет, просто лицензию на сохатого в этот раз не получил, но сдавал дикоросы, а таскать его не в радость, с одностволкой сподручнее, и рябчика подбить можно. С карабина пробовал – одна голова и перья остаются, тушку пулей уносит. Да у тебя-то что, лучше? Тоже какой-то карамульгук (ружьё с шестигранным стволом).

У Володи была старинная «Белка» 28 калибра и малокалиберка.
– Да ты не представляешь, как она точно бьёт, рябчика можно из мелкашки брать без грохота, – нахваливал он своё ружьё.

Махнув ещё по полкружки, завелись: чьё ружьё лучше, и, как водится, пошли стрелять по цели в доказательство своих слов.

Целью выбрали развилку на берёзе: у неё там был нарост, и мы решили пулями отбить этот нарост.

Канонада наших ружей разорвала вечернюю тишину, и свидетель этого действия лайка Джек только испуганно выглядывал из-за угла зимовья: «Сдурели мужики, зверя нет, а они палят из ружей». Ствол дерева был прогнившим, и пули только пробивали бересту насквозь и не могли отбить нароста. Это стало ясно, когда у нас закончились патроны.

Ничего себе постреляли!

Успокоившись, пошли в зимовье и под водочку решили, что ружья у нас хорошие, спор затих, и мы улеглись спать.

На рассвете первым подскочил Володя, подкинул в печку на тлеющий сырой ясень дрова, и зимовье начало наполнять тепло.

Я поднялся и умылся тёплой водой из кастрюли на печи. Попили чаю, и Володя отправился в посёлок.

– Вы там приготовьтесь праздник справлять, я после обеда сразу и подойду, а к вечеру тебя домой отправлю, – напутствовал я его.

Оставался Володя всегда у нашего друга Геннадия Овчинникова, обходчика нефтепровода. Вскоре я тоже шёл по путику в сторону посёлка. Взлетающие рябчики уже не беспокоили меня: дробовых патронов не было, и только Джек с досады облаивал их.

Перед уходом я всё же зарядил два патрона, один подкалиберной пулей, а один картечью, которые нашёл в припасах Геннадия, и вместе с ножом это было всё моё вооружение.

Вскоре я вышел на Кадинское предмарье и направился к дороге, подняв по пути целый табун куропаток.

Джек и вовсе взбесился: вот они, куропатки, и никто не стреляет!

Перед «Горбатым» мостом я вышел на дорогу и увидел вдалеке человека.

У меня кончились сигареты, и я решил быстрее дойти до него, решив, что это местный охотник Баландин, он всё время промышлял в этих местах.

Вырыв в кустах и снегу ямку, уложил туда котелок, кружку и чай – чего их таскать туда-сюда, – я опять вышел к дороге. На ней никого не было видно, и я пошёл быстрым шагом к месту предполагаемой встречи. Джек начал отставать и принюхиваться, но я, не обращая на него внимания, быстро шёл вперёд. Внезапно Джек молча рванул с дороги, и только я его и видел, больше он не появлялся. Я уже подошёл к тому месту, где видел человека, и, замедлив шаг, принялся рассматривать следы. Чувство какой-то необъяснимой тревоги закрадывалось в меня, впечатление – как будто кто-то внимательно на меня смотрит.

В это время на тонком слое снега от подъёма я увидел следы. Это были огромные следы медведя!

Да, весело: собака убежала, в запасе два патрона, и тут такое соседство.

Я поднял голову, чтобы осмотреться, и холодок пробежал по спине: буквально в трёх-четырёх метрах от меня в густом кустарнике сидел здоровенный медведь. Он неотрывно смотрел на меня, и только правая лапа шевелилась туда-сюда. Из оскаленной пасти капала слюна, и доносился зловонный запах. Мы смотрели глаза в глаза и некоторое время не шевелились, потом я перевёл руку на ружьё и взвёл курок: если кинется, успею выстрелить, а там что будет, то будет.

Медведь не шевелился, и я стал мелкими шагами, не спуская с него глаз, отступать по дороге. Ничего не менялось, и я отошёл шагов на тридцать, когда медведь вышел на дорогу, постоял как бы в раздумье и опять подался в лес.

Каких трудов стоит в такой ситуации казаться спокойным и не побежать, трудно описать. Говорят, у меня тяжёлый взгляд и мощная энергетика. Не знаю, может, это и спасало меня не один раз в пиковых ситуациях.

После обеда я был уже у Овчинникова за столом и рассказывал о встрече с медведем.

Все тут же загалдели, засобирались, решили загнать медведя.

А кому было загонять?

Гена, как только сел в машину, уснул, Володя без умолку болтал. В таком составе на охоту идти крайне опасно. Я подговорил водителя Юру Гурьянова с дежурки прокатить нас по посёлку –

пусть пыл немного спадёт, – и отвезти нас к накрытому столу. Так и сделали.

Полусонные охотники решили всё перенести на завтра, а сегодня – праздник, и будем пить водку.

Наутро пошёл снег, и, по всей видимости, медведь залёг на зимовку, больше мы его следов не видели.

ПОРЫБАЧИЛИ

Про осеннюю рыбалку на Амуре я уже рассказывал. Конечно, не всем удавалось выехать на Амур и, как говорят, «побулькаться» – поплавать с сетью, что обеспечивало хороший улов. Два моих дядьки, Шурик и Геннадий, в ту осень работали на Кирпичном. Шурик работал на тракторе-разгрузчике, а Геннадий конюшил, то есть управлялся с конями. Раскряжёвка (разделка) леса в хлыстах производилась с помощью коней. Эти извечные труженики растаскивали лес, свозили его в штабели и выполняли массу тяжёлой работы. Работали оба почти весь световой день, но Шурик иногда задерживался, если из тайги ждал лесовоза. Надо сказать, что оба отличались беззаветной любовью к русской родимой водочке, и иногда даже чрезмерно беззаветной.

Вот и в этот раз, когда пошла рыба, Шурик не успел за великими заботами отремонтировать сеть, а у Геннадия барахлил мотор. Решили поставить сеть у Большинского утёса, где в улове скапливалась рыба и улов был гарантированным.

Выехали на лодке Шурика и, перебрав сеть, поставили её перед утёсом, закрепив за берег. Пока выправляли сеть, попало три кетины, и, чтобы не делить рыбу пополам, решили продать её, а уже утренний улов везти домой на засолку. Так и сделали.

Первую рыбу повезли в Быстринск, где на берегу уже ошивались покупатели.

Мотор весело гудел и честно толкал лодку на свои тридцать лошадиных сил, выкидывая из-под винта мощную струю воды. Десять минут – и Быстринск. Сторговались ладно, две бутылки беленькой уютно улеглись Геннадию в карманы рабочей куртки, и уже через несколько минут они сидели в сторожке на Кирпичном и вместе со сторожем разливали водку по чёрным от заварки эмалированным кружкам. Чокнувшись кружками, выпили, закусив красными помидорами, и сразу открыли вторую.

– Между первой и второй промежутков небольшой, – подмигнул Шурик и махнул вторую кружку.

Приятное тепло окутало питейщиков, но тут Геннадий засобирился на подошедшем лесовозе домой: рано вставать. А сто-

рож, видя, что водки больше нет, увязался за ним. Уж лучше бы он остался...

Шурик, разгрузив лесовоз, завалился на топчан ожидать следующего. Лес возили весь световой день дотемна, и разгрузчик последним лесовозом уезжал в посёлок. До следующего лесовоза было часа два.

Два часа!

Это со взбудораженной головой любителя выпить!

План созрел мгновенно: лодка с мотором в двадцати шагах, до сетки с уловом десятков минут, проверить – и в Быстринск! Будет чем повеселиться после работы.

И Шурик рванул проверять сеть, что делать одному ой как непросто. Но Шурик, проживший всю жизнь на берегу Амура, понадеялся на свой опыт. Опыт, как говорится, не пропьёшь. Сходу, подрулив к месту, где была закреплена сеть, он нащупал верёвку и начал, перебирая её, двигаться вдоль сети.

В начале сети рыбы не было, а вот ближе к середине попало несколько кетин.

Пока Шурик выпутывал рыбу, сетку течением снесло близко к камням, и он решил поправить её мотором, то есть оттянуть сеть от камней и натянуть её.

Зацепив верёвку от сети за лодку, он завёл мотор и начал тянуть сетку на малом ходу. Сеть постепенно выправлялась, натягивалась и, как только Шурик хотел опустить сеть в воду, от берега оторвалась верёвка и сеть поплыла по улову. Шурик метался по лодке и решил, пока сеть наверху, доплыть на вёслах до верёвки и перетянуть сеть к берегу, но как только он отпустил сеть в середине, она быстро затонула.

Шурик метался по лодке, матерясь и плюясь, но что он мог сделать! Выход, конечно, был – найти сеть специальной металлической кошкой, но кошки у него не было, а обратиться к ночевавшим неподалёку рыбакам он просто побоялся: ведь скажут Геннадию, а тот мало того, что на голову выше, так и кулак у него с голову. Навесит фонарей, ходи свети потом. И Шурик отправился на разгрузку. Дождавшись лесовоза, он разгрузил его и уехал домой.

Утром Геннадий приехал на работу. Шурика не было.

– Ну, вольному воля, – решил Геннадий и, позвав сторожа, поехал на лодке Шурика проверять сеть.

Сети не было.

Геннадий сразу сообразил, что сеть сняли. Но кто? Свои его знали, неужели рыбнадзор протралили? Чтобы узнать наверняка, Геннадий подъехал к стоянке рыбаков, которые тут же ставили сети и охраняли их. Рыбаки, все местные ребята, сразу рассказали ему про приезд Шурика и как тот упустил сеть.

Геннадий взял у них металлическую кошку – якорь – и поехал ловить сеть. Поймать-то он её поймал у самого якоря, но дальше сеть плотно села на подводные камни, и, кроме как отрезать от неё сохранившиеся 5-6 метров, ничего не оставалось. Бросив кусок сети в лодку и поматерившись с досады, Геннадий поехал к Кирпичному.

Шурика ещё не было, он приезжал с первым лесовозом к обеду.

Обида не давала Геннадию покоя и, недолго думая, он снял с лодки мотор и утащил его в кладовку при конюшне. Приехавшего Шурика спросил, как ни в чём не бывало:

– Ты на сеть вчера не ездил? Похмелиться охота.

– Глаза Шурика забежали:

– Да нет, когда бы я успел.

– Ну ладно, – сказал Геннадий, и ушёл к себе в конюховку (жилой вагончик при конюшне).

Через полчаса к нему прибежал Шурик:

– Генка, а кто мотор снял?

Генка, не моргнув глазом, ответил:

– А я почём знаю, я же вчера вперёд тебя уехал. Не видел.

Так и молчали два свояка до самой глубокой осени, один – оставшись без сети, другой – без мотора, и оба без рыбы. И только на праздник 7 ноября занесло их в поисках спиртного ко мне, где, употребив по стакану «русской», они принялись хвалить мою копчёную кету и жаловаться, что остались без рыбы. На мои наводящие вопросы оба признались во всём, долго божились в преданности друг другу и вечной любви. Тут же поехали за мотором, и Шурик в знак примирения подарил Генке сеть. Конфликт был улажен. Свои ведь, родственники.

«ВЫ У МЕНЯ ПОСПИТЕ...»

Пожалуй самые развесёлые и феноменальные времена в наших соседних посёлках Быстринском и Решающем наступили во времена алкогольных лимитов. Чего только не придумывали мужики в поисках и добыче «родимого» зелья, от нанотехнологий до шантажа. Одних только видов бражки были десятки. Использовали настолько невиданное сырьё, что просто не верилось, что может из этого получиться хмельной напиток. В дело шла мороженая картошка, рис, пшено, застарелое варенье, берёзовый и томатный сок, черёмуха, томатная паста, сахар, всевозможные закваски и дрожжи. Всегда пышный хлеб с местной пекарни стал заметно терять свою пышность – дрожжей в закваску катастрофически не хватало.

Наступил век золотой деревенской валюты, действующей при любой власти, – век бутылки. За бутылку сивухи можно было купить любой товар: рыбу, икру, мясо, дрова, грибы, ягоды; и нанять работника на обработку огорода или заготовку дров.

Зачастую сивуха кончалась, лимитов хватало ровно на одно неполное застолье. Чтобы сделать его полным, нужно было чего-нибудь добавить. В одну из пятниц, когда выдали лимит, наши деревенские мужики, дабы не нести слёзы лимита домой, употребили его недалеко от магазина, на катушках от троса.

Разговевшись, нашли вдогонку трёхлитровую банку бражки, и принялись смаковать сомнительный напиток, которому, как определил наш друг «Моряк», от силы три солнца, то есть стояла брага всего третий день.

Пассажирский теплоход, из которого выпорхнула парочка пассажиров, не задерживаясь, отвалил и, зашумев винтами, подался вверх по течению. Вскоре на пустом дебаркадере остались Витёк и шкипер дебаркадера Семёныч. Семёнычу неудобно было оставить одного Витька, который потратил на поиски спиртного добрых часа четыре и, ничего не раздобыв, жаловался и нещадно материл ни в чём не повинное село.

Сжалившись, Семёныч сказал:

– Вить, у меня там осталось грамм сто водки, давай похмелись и езжай домой, ночь на дворе.

Лучше бы он этого не говорил.

Витёк выпил, поблагодарил Семёныча, но уезжать домой раздумал.

– Ну, суки, твари, бражки им жалко. Недаром Быстринск зовут кержацким, я вам сейчас дам ночь, вы у меня сейчас поспите. Семёныч, посвети фонарём минутку, – матерился, всё больше возбуждаясь, Витёк, и лихорадочно доставал из бардачка инструмент.

Пока Семёныч подсвечивал фонарём, Витёк открутил обе трубы глушителей от двигателей и, бросив ключи в коляску, зарал:

– Ну, кержаки, сейчас вы у меня поспите! – и завёл мотоцикл. Тихая, безветренная ночь кончилась.

Мотоцикл без глушителя – это нечто трудно передаваемое! И под этот грохот Витёк начал накручивать круги по спящему ночному посёлку, что-то крича от переполнявших его чувств.

То тут, то там начал вспыхивать свет в окнах – народ просыпался.

Минут через двадцать за Витьком уже гналась пара мотоциклов, люди стали выглядывать из калиток, чтобы увидеть, что за придурок носится по посёлку со страшным грохотом.

Теперь Витёк уже убегал, используя все закоулки. Непостижимо, как на мотоцикле с коляской он нигде не врезался и не перевернулся, но, видно, уходил на пределе, так как преследующих прибавлялось.

Витёк всё-таки смог сбежать, но на другой день уже к обеду его нашли и, как говорят, предъявили.

Погони не было, но зарплата Витька ушла на бражку в «три солнца», то есть простоявшую три дня.

К вечеру компания разъехалась, определив гулянку как «Хорошо посидели, пописали. Не напились, но выходной провели качественно».

Ночной вояж Витька вспоминали долго:

– Это же надо, за бражурькой съездил, а вся деревня глаз не сомкнула.

ДИРЕКТОР НОВОЙ ШКОЛЫ

Самым долгожданным днём для деревенской детворы, помыкавшей по одному-два года, а кто и поболее лет по интернатам соседних деревень, конечно, был день открытия новой восьмилетней школы. Сейчас я такого не замечаю, а в дни нашего детства мы частенько собирались у строящейся школы и, топчась по свежим опилкам и щепкам, источающим смоляные хвойные запахи, представляли где и чей будет класс, как он будет обставлен, кого же к нам пришлют в учителя. Такая тяга к своей школе была ещё и потому, что между соседними посёлками Быстринском и Циммермановкой практически не было дорог. Не знаю, по каким дорогам доехал легендарный «Зис-5» до фашистского Берлина, но к нам с трудом проходили нефтепроводские вездеходы, и только зимники обеспечивали мало-мальское сообщение, и то, когда снега не было. Вот по этим направлениям, в шутку названным дорогами, и месили мы грязь по субботам и воскресеньям сначала за восемь километров в Быстринск, а потом за двадцать пять в Циммермановку. И чем больше стаптывали мы обуви, тем больше хотелось в свою школу, которая меж тем залезла под крышу и начала обильно делиться запахами извести и краски. Классы казались большими и светлыми, и ребятня уже мечтала об учителях. Мальчишкам виделась светлая, красивая и немного строгая директор школы. Строгость должна быть обязательно – ведь директор! Девчонкам виделся в роли директора этакий Пётр Алейников, с непреходящим юмором, многие были, конечно, за образ Сергея Бондарчука из фильма «Судьба человека», но уж больно сострадательный был образ, не детдом же у нас. В общем, ждали, даже бегали смотреть, как достраивается учительский дом. Скоро уже сентябрь.

Привезли парты, стали подъезжать учителя, в основном женщины, которые, наскоро обустроившись, быстро втягивались в работу. Большой проблемой было трудоустройство их мужей. А ребятне, чем ближе к началу учебного года, тем больше было невтерпёж.

Уже в конце августа мы с Санькой после обеда, забросив осточертевшую рыбалку и разговоры про школу, брели не спе-

ша домой под мелкий, уже неприятный к осени дождик. Впереди нас брели два пожилых нанайца, первый держал в руке балетку и небольшой фанерный чемоданчик, второй, пониже ростом и с палкой в руке, шёл сильно хромя и нёс большой портфель.

Мы не спеша догнали их и, подходя к дому Саньки, увидели, как эти два человека остановились у калитки, видно, что-то спрашивали.

Подошёл Санькин отец, дядя Ваня, и они спросили его о чём-то.

– Наверное, на рыбалку к кому-нибудь приехали, – высказал предположение Санька.

– Наверное, – согласился я.

В это время низкий, полный наконец обернулся к нам, и улыбался, как будто увидел своих знакомых. Лицо его даже в улыбке не выдавало никаких добрых ассоциаций: широкоскулый, без одного глаза, очень полный и низкий человек с укороченной ногой, так что в ходьбе он вынужден был сильно пригибаться и во время ходьбы вроде как скакал на лошади.

Господи, кого это к нам принесло?

А толстый незнакомец, ничуть не смущаясь, представился:

– Павел Николаевич Адига, ваш новый директор школы.

Мы, запинаясь, что-то мямлили в ответ. Думаю, что визит уродца Гуинплена поразил бы нас меньше, чем новый директор.

Второй, сухощавый, уже седой нанаец спортивного телосложения назвался:

– Гори Дмитриевич Черуль, ваш новый завуч.

Сразу отмечу, что завучем он пробыл всего несколько дней, и был снят за любовь к спиртному. Несмотря на наш стойкий песимизм, под их деятельным руководством школа через неделю принимала своих учеников.

Много можно было рассказывать о школьных днях, как бы скудны они ни были, но запомнилась география, которую вёл Павел Николаевич. Его талант высокообразованного педагога как-то сразу и незаметно стал непререкаемым. Он никогда не кричал, хотя иногда было видно, каких трудов стоило ему сдержаться. Учителей много с кем или с чем сравнивают, доведя эти сравнения до фантазмагии. Павел Николаевич, по-моему, был величайший хирург. Сколько дряни и фанфаронства он отсёк от

нас! Его воспитанники в большинстве своём достойные люди с высшим образованием.

Неизведанная и нелюбимая география вдруг превратилась в мир фантастики и приключений. Он просто обожал тех учеников, которые на уроки приносили внепрограммный материал, и, заражаясь нашим интересом, плыл с нами на кораблях Колумба, шагал с испанскими конкистадорами, не забывая нашу матушку-Русь, её величавые реки, походы и открытия.

Я до сих пор удивляюсь: ну откуда у этого человека, инвалида с детства, который не мог ходить, и мать носила его на себе в школу, а он затем вдали от неё окончил Ленинградский университет, было столько духовных и физических сил? Как смог нанайский мальчишка из глухого стойбища стать таким небоскрёбом любви к родному краю? Я несколько раз пытался уехать с Дальнего Востока (деды мои с Северского Донца), и не смог. Всегда из какого-то далёкого подсознания приходил мой учитель Павел Николаевич и открывал новую картинку нашей земли.

Строгий и педантичный в школе, за пределами её он был нашим товарищем. Большой любитель бани и парилки, он и там находил о чём поговорить.

Бывало, он просиживал по четыре-пять часов в парилке, ему казалось, что так он скидывает вес и до следующей бани он может жить без ограничений. Даже эти банные часы он превращал в приятные беседы, а мы, его ученики, мальчишки, в общем-то, не очень добрые, поначалу воспринявшие его как насмешку и зачастую ехидничавшие по поводу его увечий, потом приняли его за своего и могли при случае запросто надавать по загривку излишне зашутившемуся ученику.

Прямо за школой начинался лес, и эту близость Павел Николаевич очень умно использовал для нашего мировосприятия.

Первыми были, конечно, противопожарные мероприятия: редко какой таёжный мальчишка напакостит в лесу, тем более – бросит непотушенный костёр. Первая ягода – брусника, клюква – это сильнейший антисептик. Шиповник и хвоя, смола и кора осины были знакомы нам с детства. Павел Николаевич в душе своей, как все воспитанники природы, нёс в себе какое-то тайное, но очень робкое язычество. Нас он как-то незаметно подводил к тому,

что за всё, что тебя окружает, нужно благодарить. В лесу – хозяйина леса, на воде – хозяйина воды. Всё это без фанатизма, но даже сейчас редко какой русский в зрелых годах не плеснёт водки или не поделится кусочком хлеба или рыбы с хозяевами природы. Наверное, это не дань, скорее, – любовь, как в любом божественном служении.

Вот таким был наш первый директор Павел Николаевич Адига, добрейший человек, поражённый страшными недугами, сумевший забывать их и скрывать своей любовью к детям.

Как жаль, что не эти люди становятся Героями страны!

И что удивительно: у одних и тех же хороших учителей воспитывались орденоносцы и «ударники пятилеток», и в то же время те, кто, вовремя сверкнув золотым зубом президенту, раболепно согнули перед ним спину. И многие, к сожалению, после этого перестали замечать на Руси соль земли и цвет её.

Через несколько лет, возвращаясь из дальнего похода, я получил известие о кончине Павла Николаевича, и так мне захотелось домой, что хоть за борт прыгай.

Я сидел между нагревшимися кнехтами, и слёзы выступали у меня на глазах. Винты корабля с шумом рвали океанскую воду, с каждым метром приближая к родному Владивостоку, к привычной прохладе. Тогда везде было горячо: Вьетнам, Сомали, Йемен, Бангладеш... Горячо не от тропического ветра, и я не плакал, теряя друзей, а здесь накатило.

Подошёл старшина.

– Матрос, смотрю. тяжело тебе. Не спрашиваю. Захочешь – сам скажешь, – и ушёл.

Время лечит раны, старость притупляет память, но хорошие люди навечно остаются в нашем сердце, и, пока мы живы, всегда будем помнить их.

ЗА ТИГРОМ

Новогодние праздники глухого лесозаготовительного посёлка тайфуном разудалых песен прокатились по улицам и застолям, и вроде как от нахлынувших морозов подмёрзли, притихли и угазли. Опять загудели по трассам могучие лесовозы, распуская по трескучему морозу клубы белесого пара и выхлопных газов, дежурные машины повезли лесозаготовителей на деляны. Начиналась обычная послепраздничная рабочая жизнь, посёлок замирал, и только редкие похмельщики сновали между домами с визитами вежливости. Молодёжь потянулась в клуб, хороших фильмов почти не было, так хоть время убить. Сеансы были «стариковские» – на 19:00 часов, и «молодёжные» – с 21:00. На молодёжные ходили и таёжники, если сил хватало после тяжёлого дня. Работа в леспромхозе не мёд, недаром самой известной поговоркой в ходу была: «От работы кони дохнут». Но народ не жаловался, он просто работал. Простой сучкоруб, конечно, с опытом, так виртуозно владел топором, что, глядя на него, иногда думалось: послать бы сюда знаменитого самурайского ниндзя – и через пять минут он бы превратился в лапшу. Ударить до бритвы заточенным топором с любого положения, под любым углом по мёрзлому костяному сучку, срезать его до миллиметра, и тут же сбить сучок с противоположной стороны – это, скажу я вам, никакой ниндзя не сможет. Поэтому и были на Руси испокон веков самыми знатными богатырями простые рабочие люди.

Погутарить про работу, про самую хмельную брагу, про кино удавалось или утром в диспетчерской, или вечером в клубе. Вот и сейчас стайка молодых шоферов что-то особенно оживлённо обсуждала в фойе клуба. Направившись к ним, я услышал окончание фразы:

– Да, метров на тридцать подпустил. Красивый, зараза! И не боится.

– Это что за красавец такой? – спросил я.

– Да тигра сегодня видели, километрах в пяти от посёлка, наглый какой-то.

Тигры в наших местах редкость: сильные снегопады и морозы не дают ему шансов для выживания.

– И что, стреляли? – ответа я не услышал, зазвенел звонок к началу сеанса.

Фильм я почти не смотрел. Мысль о тигре не давала покоя: я работал мастером лесозаготовок, почти восемьдесят человек в тайге и забредший тигр – ситуация не радужная.

«Каким чёртом его сюда принесло? Не дай Господь – подранок. Могли сдуру стрельнуть, уж больно много охотников развелось, стрелков вот мало. Стреляют по всему, что шевелится, а зверь – не утка, без хорошего прицела стрелять категорически нельзя».

После фильма я сразу стал звонить в Богородское свояку Пашке – Павлу Алексеевичу Борисову, он в это время уже заведовал в районном УВД разрешительным отделом по оружию.

Павел сразу ответил:

– Понял, завтра мы приедем с егерями.

И уже к обеду в посёлок вкатил «УАЗ» – милицейская «буханка», с главным егерем района Анохиным и двумя помощниками. Павел тоже был с ними.

Встреча произошла у начальника участка. Егеря прибыли с оружием, и от нашей помощи отказались. Пообедав, они отправились ездить по всем дорогам, чтобы понять ареал обитания тигра.

Первое, что они выяснили, это, что тигр не ранен; походка не совсем ровная, правда, но он и не соболь, чтобы до миллиметра свои следы печатать. Это успокаивало и, как оказалось, напрасно.

Егеря, два дня покатавшись, успокоили нас, что зверь ведёт себя спокойно и причин для беспокойства нет, но для точного определения жилища тигра они завтра вернутся на вертолёт. Места вокруг посёлка низменные, маревые, хорошо просматриваются, может, с вертолёта и найдут.

Только они отъехали, как тигра увидели уже в двух километрах от посёлка по трассе на механизированный склад. Всех предупредили: передвигаться только на дежурных машинах.

Народ повалил в клуб, как на индийское кино, всех интересовало: что, где, кто видел?

Ответов пока не было, но именно в это время произошло действие, страшное по сути и по последствиям даже для таёжного посёлка.

В январе у нас начинаются самые сильные морозы, иной раз до минус сорока пяти. В этот вечер было меньше, но под тридцать пять давило. Такие морозы опасны тем, что зачастую промораживают верхний слой речек, и прорвавшаяся вода образует большие наледы, кромки которых трудно определять из-за постоянно поднимающегося морозного пара. Вот в такую наледь и угодил двигавшийся вдоль нефтепровода бульдозер, в кабине которого находились три человека. До посёлка оставалось около двух километров, а бульдозер, провалившись в речную наледь, не мог выбраться: вперёд идти мешал отвал, назад – рыхлитель.

Бульдозерист Володя Умрихин, дёрнувшись туда-сюда, предложил:

– Давайте бульдозер оставим здесь. До посёлка пятнадцать минут, там дежурный трелёвочный трактор, я с ним вернусь назад и вытащу бульдозер, а вы дойдёте до блокпоста, там, у Овчинникова, гостиницу протопите, да к ужину чего-нибудь сообразите.

Так и решили.

Осторожно по гусенице перешли на отвал, а с него опустились на дорогу.

Бульдозер работал на малых оборотах, фары далеко освещали дорогу, и обходчики двинулись в путь.

Немного отойдя от бульдозера, Володя сказал:

– Ребята, вы идите, а я нужду справлю.

– Эк, приспичило, сейчас штаны дольше расстёгивать, – смеялись обходчики, не спеша двигаясь под свет фар.

Внезапно свет мигнул, будто его на долю секунды прикрыли, и страшный нечеловеческий крик прорезал тишину. Обходчики машинально обернулись и замерли, их буквально парализовало. Метрах в двадцати на чернеющем от крови снегу бился в конвульсиях Володя, а метрах в трёх от него сидел тигр, оскалив пасть, с которой стекала кровавая слюна, и в ярости бил хвостом по дороге.

Никто не двигался: обходчики боялись, тигр не хотел бросать добычу.

Наконец ребята начали приходить в себя и кричать, постепенно двигаясь к ещё живому Володе.

Тигр отошёл метров на пять и сел на снежную бровку.

Превозмогая страх, обходчики подошли к Володе и подняли его. Тигр злобно рычал, но нападать не решился.

Осторожно двигаясь, обходчики отнесли Володю от страшного места и попытались оказать помощь. Чем можно помочь после ударов двухсоткилограммового хищника? Раны на голове и на боку были очень глубокими. Ребята, как только могли, побежали к светящемуся посёлку. Успеть хоть как-то помочь!.. Но уже при подходе к диспетчерской Володя затих.

Замечательный работающий парень, в своей жизни, наверное, не сказавший ни одного скверного слова. Страшная судьба.

Весть мгновенно прокатилась по посёлку, после окончания фильма людей сопровождали охотники. По всему посёлку, как заполошенные, гавкали собаки. С вечера определились, кто пойдёт на поиск. Идти решили двумя группами по четыре человека. Собрались между магазином и клубом, ждали вертолёт. Ещё ночью запросили разрешение на отстрел тигра-людоеда. Из Москвы пообещали прислать разрешение телеграммой.

Подходили мужики, курили. Трагедия так загрузила всех, даже говорили шёпотом.

Из соседнего дома вышел водитель Василий Левочкин, он был на больничном, и, подойдя к нам, спросил:

– Мужики, а кто в следах разбирается? Собака с цепи исчезла, и по огороду какие-то следы. Посмотрите, может, пёс сам сорвался.

Его дом был в тридцати метрах от входа в клуб.

– Ну, ты, Василий, даёшь! Что, тигра решил в центре посёлка увидеть? Ну, ты гонишь! – подняли его на смех.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели следы тигра в огороде и место, где он задавил собаку. С ней в зубах он перемахнул через двухметровый забор, прошёл по тому месту, где мы стояли, и вдоль клуба подался в лесок.

Мы были настолько ошарашены наглостью зверя, что все шутки улетучились, и у всех вдруг начался озноб.

Вертолёт прилетел к обеду, и егеря полетели на облёт, но без всякого толка.

Как оказалось, тигр не уходил от посёлка: он обошёл дома и, сожрав собаку в проулке, там же и залёг, как раз шагах в пяти

от места, куда Мария Евсеева выбрасывала отходы. Лежала эта зверюга за снежной бровкой и на людей поглядывала, а люди на небо: вертолёт ждали.

Вертолёт прокатал топливо и улетел в Богородское. Павел с Анохиным и начальником промхоза остались ночевать в посёлке. Меня и охотника Женю Астафьева отправили спать пораньше: решили завтра, как спадёт утренний мороз, идти вокруг посёлка искать свежий след и от него тропить тигра.

Но лечь рано спать не удалось.

Вечером, как стемнело, наш завсклад Жарникова решила сходить к соседке. Жили они в одном двухквартирном доме, то есть от калитки до калитки десятков метров, а злополучный проулок – почти напротив, через четырёхметровую дорогу. Тигр в это время догрызал собаку, клацанье его зубов и услышала отважная завскладом. Светя маломощным фонариком, она направилась на звуки и крикнула:

– А ну, кого тут леший носит? А ну выходи!

Мощный рык тигра, прыжок – и тигр на бровке в полутора метра от теперь уже бедной женщины.

Она с перепугу упала на дорогу и на четвереньках поползла к калитке.

Почему тигр не напал на неё? Не захотел расставаться с остатками собачатины? Был сытый? Или всё-таки Божий промысел? Это нам неизвестно.

Когда она наконец добралась до дому, то по телефону позвонила Павлу, тот быстренько всех обзвонил, и опять под охраной сопроводили людей, а на рассвете мы уже были в проулке и пошли по следу людоеда.

Страха не было, было одно желание: догнать и уничтожить.

Ещё в детстве мой первый наставник, ульч дядя Паша Гаер, говорил:

– Ты, однако, зверя сразу не стреляй, его немного жалеть надо, его тоже люди, папа-мама есть. Успокойся и думай, потом стреляй.

Никогда во мне не было такой ненависти к зверю, как тогда.

Шли быстро, и вскоре растянулись, первым справа шёл Анохин, за ним Астафьев и Сабуцкий.

Вскоре Сабуцкий сломал лыжу. Я стал первым слева, шедший между мной и Павлом полный егерь вскоре отстал.

Подошли к маленькому овражку, за которым начиналась марь, и тут Анохин увидел тигра, и сходу начал стрелять из карабина «СКС», я рванул к нему наперерез и, выбегая из овражка, услышал сухой щелчок. Это означало только одно – у Анохина магазин пустой. Астафьев метров за 70, а то и больше, Павел за оврагом и нас не видит, а прямо на меня, метрах в тридцати, летел в прыжке тигр.

Рукавицы полетели в сторону, ноги – на ширину плеч, звуки пропали: «Успокойся и думай!!!».

Я видел только голову тигра. Приземлившись, он опять прыгнул, и был уже метрах в семи или восьми, и в это время я выстрелил.

Мощная пуля 12-го калибра изобретателя-оружейника Якана буквально порвала глотку тигра, и, уже беспомощный, он юзом проскользил к моим лыжам. Ярко-жёлтые глаза его были осмысленными, он поднял голову, и вторым выстрелом я добил его.

Подбежавший Анохин, запыхавшись, сказал:

– Эх, зря в голову, чучело бы сделали. Зараза, карабин менять надо, пулю швыряет. Первым выстрелом сразу зацепил его по правой задней ноге, вот он и заревел – ужас! – и попёр в нашу сторону.

Я не слышал, как он ревел.

Подбежал Павел с автоматом.

– Ого! Можно и салют дать, – и, подняв автомат, нажал на спуск.

Щелчок – выстрела не последовало.

Мороз под тридцать пять – страшная вещь для автоматического оружия. Миллиграмм оставшейся смазки – и затвор встаёт без движения.

Павел принялся протирать детали, затем автомат стал стрелять.

Собрались все, начали осматривать тигра.

Какая-то тварь всё-таки стреляла в него: на той же правой лопатке была заросшая отметина, оттуда потом вытащили пулю от 32-го калибра. Вот и причина его людоедства: калибр маленький, стреляли, как говорится, наобум, ранили зверя, пуля его по-

стоянно беспокоила, и видел он с тех пор в человеке врага. Отсюда и его агрессивность.

Через часок я сбегал за снегоходом «Буран», который пригнал мой брат Сергей, и тигра погрузили на мотосани. В длину тигр, с завязкой к «Бурану», был около трёх метров, а по весу 196 кг – хорош котёнок!

Когда его подвезли в посёлок, сбежалась вся детвора, а вскоре прилетел вертолёт с нужной бумажкой.

Чучело из тигра Анохин всё-таки сделал и установил в Богородском музее, откуда его стащили меньше чем через год – говорят, китайцы стали скупать, какие-то лекарства делают.

Ещё пару раз мне приходилось близко встречаться с тигром уже в Приморье.

Расходились мирно, стрелять не пришлось, и хорошо. Пусть плодятся, должен же быть в тайге свой старший.

КАПРИЗНЫЙ МОТОР

Среди наших друзей было много любителей рыбалки и прогулок на воде. Один из них, Володя Горбунов, по кличке «Гуня», был немного младше нас и жил с младшими братом и сестрой в доме у оврага, оставшемся от жилых домов исправительно-трудовой колонии.

Родители держали своё хозяйство: коня, корову и прочую живность, а значит, лодка для сенокоса была просто необходима. Хозяин семейства дядька Степан, высокий, крепкий мужчина с роскошными и чёрными, как смоль, усами, был рукастым, и сено подкашивал по-над лесом и у сопки Лысой, раньше там были покосы, конечно, не такие, как на лугах, но сена накосить можно было. Вот он-то и решил приобрести лодку со стационарным мотором «Л-6» у нашего односельчанина, назовём его Панкратом, обременённого семейными заботами и больными дочерью и сыном.

Панкрат чаще ездил на вёслах, чем на моторе. То ли мотор был никудышный, то ли мастер безголовый, но только решил он лодку продать, а тут и покупатель вот он – Степан.

Раздавив чекушку для лучшего понятия ответственного момента, Панкрат и Степан пришли на берег, и начался торг.

Мы с Санькой по случаю оказались на берегу и стали свидетелями этой необычной сделки. Панкрат нахваливал мотор: зверь, мол, и заводится с полуоборота и на тягу хорош, и бензину почти не ест – в общем, хорошая со всех сторон удивительная вещь, без которой никак нельзя существовать в нашем далёком таёжном краю.

Степан кивал тяжёлой головой в такт каждому слову Панкрата и посматривал на кубрик, на котором на заботливо постеленном полотенце стояла бутылка водки «Туча» сорока пяти градусов, с облаком на этикетке, там же лежал хлеб и зелёный лук.

По всему было видно, что Степану эта долгая беседа в тягость, коль есть чем заняться кроме болтовни.

Панкрат тем временем добрался до самого ответственного момента: запуска двигателя. Намотав шнур на маховик, он весело крикнул:

– Ну, смотри!» – и рванул за ручку шнура.

Маховик крутнулся, но не более того.

– Сейчас, сейчас, работает, как часы, – разговаривал Панкрат сам с собой, так как Степан явно не слушал его.

Ещё рывок шнура, и ещё.

Степан не вытерпел:

– Вижу, работает, беру, – и вытащил из кармана деньги. – Давай закрывай мотор и наливай, а то греется родимая.

Вообще дядька Степан не был большим любителем выпить, но здесь для важности момента необходимо было употребить. Сделка была завершена звоном гранёных стаканов, и ключи от лодки перешли в карман Степана.

На другой день, когда мы пришли на берег, дядька Степан сидел в лодке и смотрел на мотор. Так он сидел и смотрел недели две кряду. Сердобольные мужики помогали ему, чем могли, и максимум, на что он был способен на своём моторе, это – уехать в одну сторону, оттуда обязательно приходил на вёслах. Наверное, это надоело ему настолько, что через месяц мотора в лодке не было. Да и то верно: зачем возить лишний груз, да и винт с валом тормозят.

Историю на этом можно было закончить, если бы она не имела продолжения: Степан опять купил мотор с рук, на этот раз подвесной, «Москву». Теперь на берегу мотор он крутил вдвоём с сыном.

У меня тоже был мотор «Москва», и работал он, как часы. Технику нужно любить, только тогда она ответит взаимностью.

Как-то Гуня обратился за помощью:

– Посмотри, может, чем поможешь.

Я пришёл к нему домой – жили мы рядом. Мотор стоял в бочке с водой, рядом на чурке лежали ключи. Проверив зажигание и свечи, я дёрнул шнур стартера: мотор завёлся и весело зарокотал, плескаясь в бочке воды и фыркая сизым дымком.

Пришёл Николай Павлюченко:

– Ну что, можно ехать?

И они засобирались на залив, испытывать мотор.

Когда они его принесли на берег и закрепили на лодке, то завести уже не смогли. Чего только не делали, мотор молчал. Разочарованные, принесли мотор и установили в бочке, опять прове-

ли все манипуляции, и Николай дёрнул шнур стартера – мотор работал. Перегазовали, заглушили мотор, опять завели. Мотор безотказно работал. Довольные, отнесли его на берег, кстати, путь неблизкий, около километра, да ещё бак с бензином, вёсла и прочий инвентарь.

Крутили в этот раз почти полдня. Кто только не давал советы – мотор молчал.

Продолжалось это с перерывами полмесяца.

В бочке мотор работал, на лодке – нет.

– Да, надо тащить его на берег прямо в бочке, – съязвил как-то Николай. – Здесь заводить и бочку везти к лодке.

Как ни шути, мотор работать не хотел, и за рулём я Гуню увидел, когда пошли новые моторы «Вихрь», надёжные и мощные.

По этому поводу в посёлке долго шутили, и, видя неудачливого владельца мотора, вспоминали про бочку и горбуновские моторы.

ЛЮБОВЬ НА ТРОИХ

Жизнь в нашем таёжном посёлке текла размеренно и относительно спокойно. Изредка это спокойствие нарушалось кем-либо излишне употребившим «Коленвала» (водка простая 2 руб. 82 коп.), прозванная так за прыгающие на этикетке буквы. Но было это редко, так как в те времена «проклятого социализма» пили мужики исключительно по праздникам, да под хорошую закуску и не до поросячьего визга. В общем, спроса на «зелёного змия» не было, и не было надобности в магазинах украшать вино-водочные стеллажи наподобие сегодняшних, что «не можно глаз отвести». В общем, не гулеванил народ без причины, но и идеальным ведь не был. Сидел в некоторых мужиках ну прямо чёрт прелюбодеяния, требовала от них природа любовной встряски, и тогда происходили чудеса, надолго застревавшие на языках деревенских сплетниц.

Один такой случай произошёл с тремя друзьями, влюбившись в одну молодую женщину. Девушкой язык не поворачивается назвать её: переспать с ней умудрились все трое. Ладно бы любили да любили, но двое из них были женаты, а у одного и вовсе росло двое белокурых ребятишек. Как говорится, «чёрт попутал», потому как до седины и беса в ребро было ещё ой как далеко.

Многолетний наш Алексей Викторов работал мастером по подготовке леса, был он крепким, как гриб боровик, с широким разворотом плечей, уверенный в себе, степенный и неторопливый. Двое других работали на лебёдках, подтаскивали лес. Тот, что тоже был женат, Возкин Женька, был вообще-то водителем, но постоянной машины у него не было, и приходилось трудиться по механизации, где придётся. Третий, Мишка Сиволоб, не был обременён супружескими узами и, конечно, имел полное право претендовать на любимицу общества, недавно приехавшую к Нименушчим, просто обалденно красивую и стройную Райку Рузаеву. Ладно скроенная, с высокой грудью и роскошными волосами, Райка вызывала у мужской половины посёлка обильное выделение слюны, так она была хороша. И в посёлке начался не то шабаш, не то гон. Мужики, все без исключения, ухлёстывали за ней, бабы судачили у колодца и посылали на красивую Райкину головку немислимые беды и бо-

лезни. Райка же, гордо подняв голову и обдавая баб духами «Красная Москва», цокала каблуками по дощатому тротуару, не обращая на них внимания.

Такой независимости бабы потерпеть не могли, начались едиличные и групповые походы к начальнику участка Едренкину. Все упрашивали убрать «гадюку» из села, «не доводить до греха».

– Да куда ж я её дену, работает она хорошо, – отбивался начальник, но под напором женской общественности всё же перевёл Райку на вахтовый участок под самую гору Шаман контролёром-приёмщиком, лес, значит, принимать, а точнее – как раз в логово трёх наших знакомцев, они там все и работали.

Посёлок вроде затих – убрали «змеюку», но на вахте начался таёжный роман с интригами, равный по своему значению шолоховскому «Тихому Дону».

Первый задружил с ней Мишка Сиволоб, и начал всем делиться с дружбаном Женькой, чем вызвал у него преогромный интерес к прелестям Райки.

Женька тоже начал ухаживать за ней. Натура более утончённая, чем Мишка, он собирал полевые, а вернее, таёжные цветы и дарил Райке. Все Женькины братья были склонны к музыке, пели песни, в общем, были людьми творческими, вот за это творчество и зауважала Женьку Раиса. А Мишка, видя охлаждение с её стороны, принялся выслеживать её. И выследил-таки Женьку, когда тот припёрся к Райке с очередным букетом синих таёжных колокольчиков. Природа вокруг Шамана уникальна и прекрасна. Под трёхглавым Шаманом и виноград растёт, и киш-миш (дикий крыжовник), и бархатное дерево, и морошка, и, конечно, цветы.

Увидев обнявшихся Райку и Женьку, выскочил из-за барака Мишка и, как драчливый петух, кинулся в бой за любовь свою. Бойцы, будучи в одинаковой комплекции и весовой категории, дрались ожесточённо, сплёвывая на землю сгустки крови и крошки зубов.

Победителей не было, были измученные и побитые.

К обеду оба не вышли, приводили себя в порядок и зашивали порванную одежду.

К удивлению обоих, Райка к их драке отнеслась спокойно и не приняла ничью сторону.

Уже помирившись, друзья начали обсуждать эту сторону Райки: «А чего это она, вот стерва, нет, ты посмотри...» – не могли они успокоиться.

В обед мастер заметил, что нет обоих лебёдчиков, и пошёл в барак посмотреть на них. Посмотреть было на что.

– Вы что, с ума посходили? – спросил Алексей. – Драться из-за бабы – это несерьёзно. Ну, я ей устрою. Назад на хрен пусть в посёлок едет. Пусть с ней Едренкин разбирается.

После обеда Викторов пошёл в будку-контору, где сидела приёмщица, и где, впрочем, было и его рабочее место, но он в основном пропадал в тайге и ездил в посёлок, а потому почти не бывал в конторе. С твёрдым намерением прочитать обвинительную речь и препроводить Райку в посёлок, Алексей прошёл к столу и, не глядя на Райку, начал её отчитывать.

Райка молчала.

– Ну что ты молчишь, как Зоя Космодемьянская? Я с тобой разговариваю и хочу услышать ответ, – поворачиваясь к Райке, неприязненно произнёс он.

И тут её прорвало, заголосила девка в голос:

– А я-то чем виновата, если и пожалела кого-то, ведь липнут, как кобели, отбою нет. Каждый норовит ущипнуть да гадкое слово кинуть. Ты вон какой бугай сидишь, ладный да гладкий, и будто не видишь моих обид, и что защиты нет, я на тебя давно поглядываю, да ты такой недоступный, – причитала она.

В жар кинуло Алексея, когда она подошла и села возле него, положив голову ему на плечо. Неимоверное желание опутывало его. Встряхнувшись, Алексей вскочил со стула и двинулся к выходу.

– Всё, завтра с утра Сиволоба на приёмку, а тебя в посёлок отведу, не хочу скандалов, – и вышел.

Ночь для всех прошла беспокойно. Наутро Викторов оседлал коня (мастеру по штату был положен конь и карабин) и, посадив на коня Райку, повёл коня в поводу (держа повод рукой). После вчерашних объяснений было Алексею не по себе, и вскоре, преодолев неловкость, он попытался завязать разговор, но Райка молчала, и только после очередного вопроса: «Ее устала?» – попросила остановки, слезла с коня и прижалась к груди Алексея.

Дальше всё покатилося как в сумасшедшем сне. Оба утонули в жарких объятьях и поцелуях. Мягкий мох смяли, как медведи во время брачных игр. Очнулись от сумасшедшей любви только к вечеру. Возвращаться назад – рабочие всё поймут, идти в посёлок в ночь – или глаз выткнешь, или ногу сломаешь, тайга таких походов не любит. Решили заночевать, отошли от тропы, и Алексей разжёл большой костёр.

Райка только спросила:

– Зачем такой костёр?

– Скоро увидишь, – ответил Виктор и, покопавшись в полевой сумке, вытащил бутерброды – хлеб с маслом, которые прихватил утром в котлопункте (лесная кухня для заготовителей).

Улыбаясь, перекусили, и теперь уже стало ясно, для чего большой костёр.

Алексей разгрёб его в две стороны метра на три, на вычищенное место подложил теперь уже в два костра толстые стволы, оставшиеся от лесозаготовительных работ. Получились нодьи – таёжные, всю ночь горящие костры, а середину заложил мягким еловым лапником.

Резко запахло елью, это подогретый от горячей земли лапник густо источал хвойные запахи. Вот на такой шикарной постели с подогревом они и расположились на ночлег. Началась безумная ночь, даже рядом привязанный конь не фыркал, чувствуя важность момента. Это, конечно, шутка, потому как в запретной любви Райка и Алексей ничего не слышали и не видели.

Утром, как ни в чём не бывало, они вернулись к вахтовому бараку.

Райка, приведя себя в порядок, занялась своей работой, а Виктор, никому ничего не объясняя, ушёл в обход. В обед оба драчуна подошли к нему с вопросом:

– А почему Райка вернулась?

На что получили короткий ответ:

– Не ваше дело, надо – и вернулась.

Вскоре всё и так стало ясно, ведь Райка жила отдельно, в будке-конторке, и, сунувшись туда, драчуны, увидев там Викторова, вынуждены были уйти. Обида не давала им покоя, и они всю не-

делю обсуждали планы мести. Решено было позвать Викторова к лебёдке и там намять бока, чтобы неповадно было. Так и сделали. Позвали Викторова, как ни в чём не бывало, и уже возле лебёдки сзади к нему выскочил Сиволоб с дубинкой в руках. Захватить Алексея врасплох не удалось, тот ждал такого развития событий и, перехватив дубину, так двинул Михаила в бок, что сломал ему ребро, и повернулся к Женьке, которому подновил синяк под глазом. На этом разборки закончились.

– Всё по-честному, парни, она сама меня выбрала. Когда вы с ней кувыркались, я никому не мешал и не лез. Ну что, закрыли тему? – спросил Алексей.

Оба закивали головами, но наутро Сиволоб запросился к врачу: бок болел, и дышать было тяжело. Викторов сопровождал его в посёлок и, встреченный радостными ребятишками, заночевал дома. Чувство вины захлёстывало его, и он всю ночь проворочался на кровати, время от времени выходя на крыльцо покурить.

Чуть занялся рассвет, он ушёл на конюшню за лошадьё и уехал на вахтовый посёлок. Проехав половину пути, услышал гарь, и уже с сопочки у выхода на марь увидел густой дым в районе заготовок: горел лес. Поспешая, насколько было можно, Алексей добрался до вахтового барака. Горел рядом расположенный склад заготовленного леса. Труд всего участка пропадал в огне. Потушить такое пламя в таёжных условиях невозможно.

Викторов пошёл в конторку передохнуть, собраться с мыслями. У стола сидела Райка и горько плакала:

– Лёшенька, прости, это всё из-за меня, это я виновата.

Как мог, он успокоил её, и тут Райка, вытирая слёзы, прошептала:

– Это они, я ночью услышала шаги и голос Сиволоба, а ты же его к доктору увёз. Они ещё возле лебёдки чем-то грохали.

Алексей сорвался к лебёдке, и сразу увидел потёки топлива, кто-то набирал его через заливную горловину, и в темноте как разливали, так всё и было в пятнах. Нужно было искать Возкина, и Алексей побежал к баракам.

Женьку он застал, когда тот вместо тушения огня собрался в посёлок.

Сходу две затрешины – и вот уже Женька рассказывает, как они поджигали лес.

– Суки, лучше бы вы исподтишка меня дубиной шарахнули, лес-то при чём, ведь это тюрьма, – матерился Виктор.

И тут Возкин упал на колени.

– Алексей, не губи, у меня же только что сын родился и жена беременная.

Слёзы капались из глаз и, вытирая их, он размазывал сажу по лицу.

– Ладно, разберёмся, но и вы молчите обо всём, – так Виктор поставил точку в этом таёжном романе.

Следователи вытрясли из него душу, но за недоказанностью описали всё имущество и вывезли на склад, оставили по ложке да по чашке на человека.

Мишка Сиволоб уехал на курсы шоферов, ушёл из леспромпхоза и долгое время работал в ОРСе.

Возкин Женька всю жизнь проработал шофёром в леспромпхозе. Перед пенсией он работал на бортовом «Зил-157», старом, необычайно проходимом автомобиле, который мы брали на охоту, а ему, естественно, привозили бутылочку. Иногда я присаживался с ним за рюмкой водки, и в одну из таких посиделок он рассказал мне эту историю и попросил прощения. Всю жизнь он считал себя виноватым, всё-таки чистое сердце было у мужика. Мне не за что было прощать его, мы с ним были добрыми друзьями.

Райка сразу уехала из посёлка, но вспоминали её часто. Кто ругал, кто жалел, а нам, маленьким детям, при воспоминании о ней вспоминался незабываемый аромат духов «Красная Москва».

Владимир Викторович Крюков

ГОРЬКИЙ САХАР

Литературное приложение
к журналу «Казачи за Камнем»
Выпуск первый

Вёрстка – Артём Калинин
Корректор – Ирина Киселёва
Художественное оформление – Александр Толкачёв

Отпечатано в типографии ООО «Графика»
634050, г. Томск, ул. Беленца, 17
тел.: (3822) 51-09-59
Подписано в печать 11.01.2016 г.
Фотмат 60x84/16. Гарнитура «Minion Pro».
Бумага офсетная №1. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 11,86
Тираж: 500 экз., г. Томск, 2016 г.